

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ
НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ:
МЕДИАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ**

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2019

УДК 314: 81'27
ББК 60.7+81.001.2
М 576

Миграционная лингвистика в современной научной
М 576 парадигме: медиационные практики: монография / С. В. Шустова,
М. Р. Желтухина, М. В. Дружинина, Е. О. Зубарева, Е. В. Исаева,
В. М. Костева, А. С. Черноусова; научн. ред. А. М. Амагов / Перм.
гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – 180 с.
ISBN 978-5-7944-3303-6

В монографии представлены результаты работы отечественных и зарубежных исследователей в области формирования и становления нового направления в парадигме гуманитарных наук – миграционной лингвистики.

Работа представляет интерес для преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов. Материалы могут быть использованы при разработке различных курсов, а также в научной и учебной работе с аспирантами, магистрантами и студентами.

УДК 314: 81'27
ББК 60.7+81.001.2

Издается по решению кафедры английского языка профессиональной коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета

Научный редактор:
доктор филологических наук, профессор А. М. Амагов,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Рецензенты: кафедра романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики института языка и литературы УдГУ (рецензент – зав. кафедрой канд. пед. наук, доцент **В. В. Вартанова**); д-р филол. наук, профессор АмГУ **С. В. Андросова**; д-р филол. наук, профессор УрГУ **Ю. В. Богоявленская**

ISBN 978-5-7944-3303-6

© ПГНИУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019
© Пресс-служба ПГНИУ, 2019

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО:
Научным журналом «Евразийский гуманитарный журнал»
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Малым инновационным предприятием
ООО «Научно-методическое объединение «Иж-Логос»
при Удмуртском государственном университете

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
В рамках международного проекта
«Многоязычие в образовательном пространстве»

РУКОВОДИТЕЛИ:

Т.И. Зеленина, доктор филологических наук, профессор, директор
ООО «Научно-методическое объединение «Иж-Логос» (УдГУ)
Е.Л. Кудрявцева, кандидат педагогических наук (Германия)
С.В. Шустова, доктор филологических наук, доцент, главный редактор
журнала «Евразийский гуманитарный журнал» (ПГНИУ)

УЧАСТНИКИ ПРОЕКТА

под эгидой Международного методического совета
по многоязычию и межкультурной коммуникации (Германия)

Международные лаборатории с распределенным участием:

«Инновационные технологии в сфере поликультурного образования»
(Елабужский институт КФУ – головная лаборатория, г. Елабуга)

«Многоязычие и межкультурная коммуникация» (УдГУ, г. Ижевск)

«Диагностирование и психолого-педагогическое
сопровождение одаренности» (БашГУ, г. Уфа)

«Интернационализация образовательного пространства»
(Актюбинский университет им. С. Баишева, Казахстан, г. Актюбинск)

Научный журнал «Евразийский гуманитарный журнал»
(ПГНИУ, г. Пермь)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой коллективной монографии «Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: медиационные практики» продолжается публикация материалов, посвященных вопросам формирования и развития миграционной лингвистики, моделирования миграционного дискурса. В монографии представлены актуальные концепции в области миграционной лингвистики, в частности, вводятся новые направления – «миграционная медиалингвистика», «образовательная политика университетов в условиях миграционных процессов»; вводятся новые аспекты анализа миграционного дискурса – «рекламный мигрантский и антимигрантский дискурс»; предлагается анализ зарубежных исследований, посвященных отдельным вопросам миграционной лингвистики; исследуется региональный аспект миграционных процессов в плане интеграции мигрантов в социум Пермского края.

Мы, как и прежде, открыты к обсуждению и дискуссии по рассматриваемым проблемам и приглашаем заинтересованных исследователей к сотрудничеству.

Благодарим наших высокоуважаемых научного редактора – доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета Александра Михайловича Аматова и рецензентов – доктора филологических наук, профессора Амурского государственного университета Светлану Викторовну Андросову и доктора филологических наук, профессора Уральского государственного педагогического университета Юлию Валерьевну Богоявленскую за ценные замечания и рекомендации, а также труд, который они на себя взяли, рецензируя монографию. Предлагаемая коллективная монография является результатом заинтересованности авторов в разработке дискуссионных, комплексных проблем формирующегося направления.

Шустова Светлана Викторовна
доктор филологических наук, профессор,
доцент, главный редактор научного журнала
«Евразийский гуманитарный журнал»,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
lanaschust@mail.ru

Желтухина М. Р.

Доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет

**МИГРАЦИОННАЯ МЕДИАЛИНГВИСТИКА:
КОНФЛИКТ VS КООПЕРАЦИЯ
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Миграционная лингвистика исследует постоянный или временный процесс трансформации языка, зависящий от категорий пространства, времени, мотивации, а также социокультурных факторов [Krefeld, 2004; Hinrichs, 2006; von Stehl, 2011; Ашнин, 2012; Ашнин, Желтухина, 2012; Kerswill, 2013; Яковлева, 2016; Gugenberger, 2018; Зубарева, Шустова, 2018; Шустова, 2018 и др.]. Е.О. Зубарева и С.В. Шустова определяют основные задачи изучения миграционной лингвистики, которые состоят в лингвистическом моделировании миграционных процессов, в разработке значимых категорий миграционных процессов и теоретико-методологической базы [Зубарева, Шустова, 2018]. В сфере миграционной лингвистики речь идёт о вариативности языка и речи как способности языка продуцировать конкурирующие средства выражения на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях и в стилистическом аспекте под воздействием внешних факторов [Шустова, 2018].

Исследование современных миграционных процессов междисциплинарно, в рамках филологии отмечаются пересечения миграционной лингвистики с другими лингвистическими направлениями в изучении смежных предметов и явлений [Шустова, 2018, с. 120], как *когнитивная лингвистика и переводоведение* (концепты «иммигрант», «эмигрант», «переселенец»,

«беженец», «лимитчик», «мигрант», «миграция»; переключение языковых кодов); *политическая лингвистика, метафорология* (образы мигранта, принимающего государства, лидера страны, реалии принимающей страны) и *межкультурная коммуникация* (в дополнение к указанным образам кросскультурные контакты, мобильность этносов, туристическая миграция, межэтнические конфликты, языковая картина мира мигранта); *теория коммуникации* (типология коммуникационных пространств, обусловленных миграционной мобильностью); *социо- и психолингвистика* (языковая политика, языковые контакты, языковая ситуация, языковые анклавы, языковая экспансия, современный лингвистический ландшафт, мобильное многоязычие, речевая конфликтность; развитие теории адстрата, суперстрата, субстрата); *лингвоэкология* (нормативно-правовые акты в области языковой политики, борьба за чистоту языка титульной нации); *лексическая семантика* (заимствования, неологизация, метафоризация) и *паремиология* (паремийные трансформанты, политическая и экономическая паремиология); *дискурсология* (моделирование миграционного дискурса).

Важно подчеркнуть, что в век глобализации и тотальной информатизации современного общества с миграционной лингвистикой коррелирует медиалингвистика в аспекте изучения медиатрансляции миграционных событий с целью информирования адресата и воздействия на него. Таким образом, можно выделить такое лингвистическое направление, как ***миграционная медиалингвистика***, понимаемая как наука об отражении постоянного или временного процесса трансформации языка участников миграционного процесса, зависящего от пространственных, временных, мотивационных и социокультурных факторов, в массмедиа (печать, радио, телевидение, Интернет).

Материалом для анализа выступают сообщения коммуникантов по проблемам миграции в СМИ. В качестве медиаад-

ресанта могут выступать собственно мигранты, жители принимающего государства, журналисты, политики и т. п.

При этом важно акцентировать внимание на том, что широта аудитории всегда будет ограничена языковым фактором, поскольку не все мигранты владеют в должной мере языком принимающей страны, как и не все жители принимающего государства владеют языком мигрантов. Данный аспект даёт возможность манипулирования массовым адресатом. По причине переводческих неточностей, неполноты перевода, использования выразительных средств и приемов, используемых в сообщении на языке одной из лингвокультур, с обеих сторон могут рождаться и тиражироваться слухи, возникать страхи или агрессия, которые, несомненно, могут «выходить за речевые рамки».

Так, возникают в миграционном дискурсе агрессивные слухи с целью провокации агрессивных действий через запугивание [Желтухина, Рябова, 2011; Желтухина, Бородина, 2015б]. Короткие, рубленые фразы сообщают о конкретных фактах, вызывающих к отпущению, несут более сильный эмоционально-отрицательный заряд, реализуя бинарную оппозицию «мы – они» и вынуждая к ответной агрессии. Агрессивные слухи возникают там, где имеются напряжённые отношения между социальными группами, причём даже явно стихийные или вызванные собственной неразумной деятельностью бедствия часто усиливают ненависть к какой-либо группе или личности.

Plus d'un millier de Tunisiens qui avaient tenté d'émigrer vers l'Europe après le «printemps arabe» n'ont plus donné signe de vie. Sans preuve de leur disparition, les familles ne veulent pas croire à leur décès. Un drame au coeur du Forum social mondial qui s'ouvre à Tunis, fin mars. Il y a foule dans le corridor. Serrant dans leurs mains des photos et des papiers froissés à force d'être triturés, des hommes et des femmes se pressent devant les portes de la Ligue tu-

nisienne des droits de l'homme, une association non gouvernementale née en mai 2011, au lendemain de la révolution, pour venir en aide aux migrants et aux réfugiés (Le Monde, 22.03.2013).

При помощи слуха нагнетается драматическая ситуация в момент проведения Всемирного общественного форума. Предоставляемая информация (точное количество пропавших, подтверждение факта эмиграции в страны Европы, доказательства исчезновения) никакими официальными источниками не подтверждается, тем не менее, сообщение оформляется таким образом, что вызывает негативные эмоции и протестные настроения.

Под воздействием глобализационных процессов, политических и экономических действий, локальных войн, катастроф и эпидемий в мире наблюдается увеличение миграционных потоков с последующим созданием новых или обновлённых многонациональных, мультикультурных и мультиязыковых сообществ, которые в процессе интеграции и языкового взаимодействия демонстрируют трансформации языков (как родного, так и второго). Речевые интеракции в миграционной коммуникации характеризуются упрощением языковых средств и набора коммуникативных стратегий [Почепцов, 1998; Чудинов, 2007, с. 71; Dijk, 1981; Добросклонская, 2005; Желтухина, 2003; Карасик, 2002; Ирисханова, 2010; Кормилицына, 2012; Желтухина, 2013; Гончарова, 2017 и др.]. Так, **коммуникативные стратегии в миграционном медиадискурсе** сводятся к *конфликтной* и *кооперативной стратегиям*.

Кооперативная стратегия отражает попытки интеграции мигрантов в новую лингвокультуру и принятия их представителями данной лингвокультуры [Моросанова, Нестерова, Сулова, 2015]. Кооперативная стратегия призвана вызвать положительную реакцию адресата, эмпатию по отношению к мигрантам, поскольку им пришлось много страдать, чтобы выжить.

A l'approche du scrutin, la première économie d'Afrique de l'Est, traumatisée par le bain de sang postélectoral de 2007, craint de nouvelles violences... le dernier scrutin s'était en effet terminé dans un bain de sang: 1 133 personnes ont été victimes d'exécutions, 900 de violences sexuelles, 350 000 de déplacements forcés (Le Monde, 01.12.2012).

Разновидностью кооперативной стратегии в иммиграционном медиадискурсе выступает туристическая кооперация.

Tourisme vs terrorisme (La Russie d'aujourd'hui, 11.05.2011).

Однако кооперативная стратегия часто носит специфический характер, поскольку чаще именно иммиграционная культура насаждается представителям коренных народов, что при всей положительной коннотации приобретает угрожающие оттенки. Чаще всего это связано с утверждением доминирующего положения мусульман.

The Americas were discovered not by Christopher Columbus but by Muslims, Turkey's head of state has claimed. Speaking at a summit of Muslim leaders from Latin America in Istanbul, President Erdogan claimed that "the religion of Islam was widespread" in the New World when the Italian explorer made landfall in the Caribbean in 1492. Mr Erdogan cited as "proof" a diary entry by Columbus in which he supposedly noted a mosque on a Cuban mountaintop. "Muslim sailors had arrived on the shores of America in 1178," he told delegates. He further voiced his hope of building a mosque on the mountaintop (The Times, 17.12.2014).

При всей абсурдности порождаемый слух может стать орудием пропаганды, а также послужить для сплочения той группы, для которой он является значимым. При помощи откровенного вымысла поддерживается идея необходимости создания конгресса мусульманских общин на территории, где ислам исторически не имел распространения. На фоне политических конфликтов подобные слухи часто распространяются различными

их сторонами, чтобы «легковерные массы» более активно предпринимали нужные политикам действия.

Кооперативная стратегия в миграционном дискурсе проявляется также в затухании слухов путем предоставления подробной и ясной информации по соответствующей теме.

Tony Blair stamped on suggestions to move to the USA after his possible retirement from the office which he is believed to announce at the beginning of May (The Observer, 04.03.2007).

Западные СМИ часто используют в качестве авторов опровержения слухов самих «героев» сообщений. В данном случае находящийся у власти премьер-министр Великобритании сам опровергает слух о вероятной смене им места жительства, но при этом окончательно не подтверждает свою ожидаемую отставку, а указанные предполагаемые сроки её объявления позволяют предположить постепенный процесс затухания слуха из-за потери его актуальности, что гармонизирует ситуацию, направлено на дальнейшее сотрудничество.

Конфликтная стратегия реализует возможности речевой агрессии как коммуникантов-мигрантов, так и коренных жителей определенной территории [Веснина, 2010; Ашнин, Желтухина, 2012; Морозова, 2010].

Речевая агрессия как средство речевого воздействия адресанта в сфере равноправного сотрудничества, регулирующего деятельность адресата, в определённой мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями [Желтухина, 2003], представляет собой форму речевого поведения, направленного на оскорбление, намеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом [Культура русской речи, 2003, с. 562].

В результате анализа фактического материала установлено, что в миграционном медиадискурсе доминирует милитарная метафорическая модель [Веснина, 2010; Желтухина М.Р., Маго-

мадова, 2015]. В массмедиа метафорическое представление миграции негативно окрашено (*орда мигрантов, армия мигрантов, наплыв мигрантов, нашествие мигрантов*) [Веснина, 2010, с. 8]. Это свидетельствует о негативной и агрессивной составляющих миграционной медиакommunikации с преобладанием конфликтной стратегии. Речевая агрессия в миграционном медиадискурсе порождает грубую, оскорбительную, обидную миграционную медиакommunikацию.

В результате анализа фактического материала установлено, что речевая агрессия в русском, английском, немецком, французском миграционном медиадискурсе выражает негативные эмоции, чувства или намерения в неприемлемой вербальной форме: оскорбление, угроза, грубое требование, грубый отказ, обвинение, насмешка [Морозова, 2010]. Подобного рода речевая агрессия в массмедиа отражает существующую в современном мультикультурном обществе проблему ксенофобии (межэтнической вражды).

Под *медиаязыком межэтнической вражды* понимается любое публичное вербальное или невербальное действие в СМИ, способствующее возбуждению национальной и религиозной вражды [Ашнин, Желтухина, 2012], реализующее конфликтную стратегию в миграционном медиадискурсе.

Конфликтная стратегия в миграционном медиадискурсе имеет множественную адресную направленность:

- 1) субъект, подвергающийся агрессии;
- 2) читатель, слушатель, зритель, Интернет-пользователь, который может выступать субъектом агрессии, соучастником, разделяющим позицию медиаадресанта, а также нейтральным сторонним наблюдателем.

Конфликтная стратегия проявляется в упоминании этнической или религиозной группы или её представителей как таковых в СМИ в унижительном или оскорбительном контексте, в

утверждениях медиаадресата о моральных недостатках, криминальности той или иной этнической или религиозной группы, в создании негативного образа этнической или религиозной группы в сознании медиаадресата.

В результате анализа современных российских, английских, немецких и французских СМИ были отобраны и классифицированы высказывания с коннотацией враждебности по отношению к «чужим», к представителям других национальностей в России, Англии, Франции, Германии [Ашнин, Желтухина, 2012; Желтухина, Бородина, 2015а; б; Желтухина, Павлов, 2015; 2016; Желтухина, Зеленская, 2018 и другие; Ponomarenko et al., 2017; Volskaya et al., 2017; Zheltukhina et al., 2016; 2017а; б; Želtuchina, Omel'čenko, 2017, etc.]. Полученные результаты показывают, что наиболее релевантными оказываются высказывания, нацеленные на отрицание гражданства лиц иной этнической принадлежности / идентификации (высказывания, в которых выражаются открытые заявления о том, что обычаи и культура отдельных национальностей являются чуждыми и не имеют никакого отношения к культуре общенациональной, призванной изначально служить скрепляющим фактором для всех представителей этнокультурного пространства).

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что наиболее часто объектом критического отношения, транслируемого СМИ в современной Германии, Англии, Франции становятся люди именно мусульманского происхождения, поскольку именно они составляют большинство из всех проживающих в этих странах иммигрантов.

Приверженцы ислама уже не одно десятилетие наращивают свое присутствие в Европе, а многие из них живут в Старом Свете уже не в первом поколении. Сегодня ислам является крупнейшей второй религией в Европе после христианства, а также самой быстрорастущей. Число мусульман в Европе вы-

росло с 29,6 млн человек в 1990 году до 44,1 млн в 2010 году. Доля в населении возросла с 4,1 % до 6 %, то есть увеличилась почти на 50 %. По примерным прогнозам в 2030 году 8 % жителей Западной Европы будут мусульманами, а в 2100 году – каждый четвёртый.

Франция

Ислам является второй по численности и первой по темпам роста количества последователей религией во Франции. Большинство мусульман современной Франции составляет первое, второе и третье поколение иммигрантов из бывших французских колоний, где ислам является преобладающей религией. Ныне мусульманская община Франции является одной из крупнейших в Европе. Большинство мусульман имеет арабское или берберское происхождение из стран Магриба, есть также турки, чернокожие мусульмане и новообращённые в ислам французы. Большинство мусульман проживает в крупных городах, в первую очередь в Париже и Марселе. Во Франции более 2100 мечетей, а число приверженцев ислама превысило 6 млн человек.

Германия

В настоящее время в Германии проживают от 3,8 млн до 4,3 млн мусульман – примерно 5 % от общей численности населения. Около 65 % из них являются суннитами, 7 % – шиитами, 13 % – алавитами (приверженцами толерантного течения в исламе, которые выступают, в частности, за свободу вероисповедания и равноправие женщин). Есть в ФРГ и салафиты – сторонники крайне консервативного толкования ислама. Местные СМИ нередко ставят знак равенства между ними и исламистами. Их в Германии насчитывается около 6 000, к ним приковано повышенное внимание местных спецслужб.

Великобритания

Ислам в Великобритании является второй по численности приверженцев религией. По переписи населения 2011 года коли-

чество мусульман, проживающих в Соединённом Королевстве достигло 2,7 млн или 4,8 % от общей численности населения. Подавляющее большинство британских мусульман живут в Англии и Уэльсе (1,536 млн из 1,591 млн). Около 42 000 мусульман (0,84 % населения) проживает в Шотландии и около 2 000 проживает в Северной Ирландии. В 2011 году сообщалось о 100 000 новообращённых мусульманах, 66 % из которых женщины. В 2011 году около 5 200 британцев приняло ислам, и эта цифра с каждым годом только увеличивается, в основном за счет тюрем и школ.

Россия

Ислам – вторая по числу последователей религия. По данным 2009 года, в России проживало 19, 6 млн. мусульман, или 14 % всего населения. В России данный факт объясняется наличием регионов, которые исторически были исламскими. (<https://www.euromag.ru/stat/skolko-v-evrope-zhivet-musulman/>)

Trotzdem gehört der Islam nicht zu Deutschland, geschichtlich, er gehört nicht in unsere historisch-religiöse DNA, denn die ist, allen Unkenrufen zum Trotz, immer noch christlich (Der Spiegel, 06.03.2011).

Следующими по релевантности выступают высказывания, создающие негативный образ иной этнической или религиозной группы посредством обращения к психологической аргументации, то есть апелляции к чувствам, эмоциям адресата путем создания соответствующей тональности текстов, манипулирования культурными ценностями, этническими символами (напр., в нем. яз. «*Kopftuch*» – головной платок, «*Muezzin*» – муэдзин и т. п.), звучащими для представителей мусульманского этнокультурного сообщества вполне нейтрально, однако приобретающими в восприятии адресата СМИ отрицательные коннотации.

Weil sie Kopftuch tragen, sollen zwei Lehrerinnen nicht an Berliner Schulen angestellt worden sein (<http://www.spiegel.de/lebenundlernen/job/a-1240719.html>).

Частотность высказываний, содержащих в себе призывы к дискриминации, в том числе в виде общих лозунгов, низкая, однако по силе воздействия на сознание адресата, по своему манипуляционному потенциалу они наиболее деструктивны.

Установлено, что малопродуктивными являются следующие высказывания.

Высказывания, содержащие обвинения в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство.

Dass dabei die Scharia – das Gesetz, das nach muslimischem Glauben alle Bereiche des religiösen, staatlichen und zwischenmenschlichen Lebens regelt – eine wichtige Rolle spielen würde, muss Hartloff wohl klar gewesen sein, schob er in der "B.Z." doch etwas plakativ hinterher: "Steinzeit werden wir nicht tolerieren" (Die Welt, 04.02.2012).

В России полным ходом идет скрытая вербовка в ряды исламских террористических банд (<http://новости-россии.ru-an.info>).

Высказывания, утверждающие неполноценность той или иной этнической или религиозной группы как таковой.

Relativ zur Erwerbsbevölkerung leben bei den muslimischen Migranten viermal so viel Menschen von Arbeitslosengeld und Hartz IV wie bei der deutschen Bevölkerung. Ganz anders stellt sich die Lage bei den Migranten aus den EU-Staaten dar (die Welt, 23.08.2010).

Высказывания, указывающие на моральные недостатки представителей чужой этнической или религиозной группы.

Der Chef der türkischen Gemeinde tut das, was er am besten kann. Er droht (Der Spiegel, 06.03.2011).

Высказывания, призывающие не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе:

Зачем России миллионы мигрантов? (Экспресс-газета, 12.12.2012)

Sollten wir den 12. September 1682 als Beginn einer wundervollen Freundschaft annehmen, als die Türken vor Wien auftauchten und die christlichen Staaten des Abendlandes gemeinsam zitterten? (Der Spiegel, 06.03.2011)

Теракты 7 января (2015 г. – комментарий М.Р.) в Париже обострили противостояние мигрантов и националистически настроенных европейцев. Европейские политики призвали граждан к миру и взаимопониманию, а Ангела Меркель заявила, что «ислам – часть Германии». Журнал EUROMAG выяснил, какую часть сегодня составляют мусульмане в странах Европы. События в Париже обострили и без того напряженные отношения между мигрантами и коренными европейцами. В Германии прошли антиисламские выступления, ответом которым стали шествия против исламофобии, во Франции были совершены нападения на мечети, а итальянская Падуя запретила строительство религиозных зданий мусульман (<https://www.euromag.ru/stat/skolko-v-evrope-zhivet-musulman/>).

Итак, реализация конфликтной стратегии в миграционном медиадискурсе через отражение межэтнической вражды в СМИ демонстрирует актуальность национального вопроса. Зафиксировано преобладание случаев применения конфликтной стратегии медиавоздействия на адресата в миграционном медиадискурсе, направленных на принижение социального статуса и умаление достоинства иммигранта.

Формированию образа «чужого» в российских, английских, немецких и французских массмедиа в дихотомии «свой-чужой» в наибольшей степени способствует апелляция к эмоциональ-

ным чувствам адресата посредством фиксации в его сознании негативного образа определённых культурем и концептов, воплощающих в себе сущность и основные ценности иной лингвокультуры.

Список литературы

1. Ашнин Е.С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 9 «Исследование молодых учёных». 2012. № 10. С. 136–138.

2. Ашнин Е.С., Желтухина М.Р. Отражение межэтнической вражды в современном медиадискурсе // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. Материал V Международной научно-практической конференции. Москва: РУДН, 2012. С. 103–104.

3. Бородина С.Н. Современный медиадискурс: средства воздействия слухов на лексическом уровне в английских и русских массмедиа = Modern Media Discourse: Means of Rumours Influence at Lexical Level in English and Russian Mass Media // Человек и его дискурс: коллективная монография / Под ред. М.Р. Желтухиной. Москва: Азбуковник, 2014. С. 53–57.

4. Бородина С.Н., Желтухина М.Р. Оценочно-стилистические характеристики слухов в медиадискурсе // Ценностная картина мира: лингвокультурные аспекты. Коллективная монография. Волгоград, 2016. С. 191–207.

5. Бородина С.Н., Желтухина М.Р. Слухи и их функции в современном медиадискурсе // Человек. Язык. Культура. Сб. науч. ст. Киев: Изд. дом Д. Бураго, 2013. Ч. 1. С. 622–632.

6. Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента). Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2010. 250 с.

7. Гончарова Н.П. «Миграционный» лексикон средств массовой информации и общественное отношение к мигрантам // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. С. 88–95.

8. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. Монография. Москва: Эдиториал УРСС, 2005. 288 с.

9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.

10. Желтухина М.Р. Медиатексты в современной массовой коммуникации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2013. № 3. С. 7–11.

11. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиа-дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Монография. Москва: Институт языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.

12. Желтухина М.Р., Бородина С.Н. Грамматические средства воздействия слухов в русских и английских массмедиа // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015а. № 2 (18). С. 65–74.

13. Желтухина М.Р., Бородина С.Н. Стратегии и тактики реализации слухов в иноязычных СМИ и прагматический аспект их воздействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015б. №1 (96). С. 132–139.

14. Желтухина М.Р., Зеленская Л.Л. Создание медиаобраза политического врага в современных российских и американских СМИ: лексико-грамматический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (127). С. 121–130.

15. Желтухина М.Р., Магомадова Т.Д. Метафорические модели в рамках метафорического моделирования «ПОЛИТИКА» – «ВОЙНА» в английском, немецком и русском медиадискурсе XXI века // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 218–224.

16. Желтухина М.Р., Павлов П.В. Социальная сеть «Facebook» в XXI веке: от инструмента коммуникации к инструменту информационной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–3 (61). С. 89–93.

17. Желтухина М.Р., Павлов П.В. Социальная сеть Facebook как благоприятная среда для формирования образа врага в сознании адре-

сата // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 4. С. 76–81.

18. Желтухина М.Р., Размерова К.В. Слухи как форма стихийной передачи информации в современной массовой коммуникации // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. Сборник материалов конференции. Волгоград: ВАГС, 2010. С. 92–94.

19. Желтухина М.Р., Рябова О.А. Классификация слухов в современных американских печатных СМИ // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. Материалы международной научной конференции, г. Волгоград, 8 февр. 2011 г. Волгоград: Изд-во «Волгоградский государственный университет», 2011. С. 51–55.

20. Зубарева Е.О., Шустова С.В. Миграционная лингвистика: динамические процессы в языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 6–2. С. 132–136.

21. Ирисханова О.К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 24 (603). С. 30–44.

22. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

23. Кормилицина М.А. Инновационные процессы в языке современной прессы // Информационно-образовательный портал VeniVidiVici. – 6 января 2012. URL: <http://www.vevivi.ru/best/Innovatsionnye-protsessy-v-yazyuke-sovremennoi-pressy-ref107112.html> (дата обращения: 05.03.2019).

24. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. Москва: Флинта, 2003. 838 с.

25. Морозова Е.В. Речевая агрессия и тактики ее смягчения // Аргументативная риторика в практике политического, делового и административно-правового общения: Международная Интернет-конференция. 01–20 апреля 2010 г. URL: http://iconf.vgi.volsu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=80:2010-04-30-07-05-16&catid=40:2010-04-28-10-48-29&Itemid=55 (дата обращения: 05.03.2019).

26. Моросанова В.И., Нестерова А.А., Сулова Т.Ф. Факторы позитивной адаптации мигрантов: анализ теоретических подходов // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 104–116.

27. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации: от речей президентов до переговоров с террористами. Москва: Центр, 1998. 348 с.

28. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Уч. пос. 2-е изд., испр. Москва: Флинта; Наука, 2007. 256 с.

29. Шустова С.В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 2. С. 114–125.

30. Яковлева Э.Б. Языковые процессы миграционных процессов: лингвоэкологические заметки. Центр гуманитарных научно-информационных исследователей ИНИОН РАН, 2016, <http://цгнии.инион.рн.рф/archives/153>. (дата обращения: 04.05.2018).

31. Dijk T. A. van. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. The Hague: Mouton, 1981. 271 p.

32. Gugenberger E. *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien*. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien, 2018. – URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (Retrieved 23.03.2019).

33. Hinrichs U. *Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert*. München: C.H. Beck, 2013. 591 p.

34. Kerswill P. *Migration and language // Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society / K. Mattheier, U. Ammon & P. Trudgill (eds.). 2nd ed. Vol 3*. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.

35. Krefeld Th. *Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. URL: <https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения 22.03.2019).

36. Ponomarenko, E.B., Zheltukhina, M.R., Slyshkin, G.G., Borzykh, L.A. & Garcia Caselles, C. *Markers of the Affecting Model in Contemporary Political Media Communication*. *XLinguae Journal*, Volume 10, Issue 4, October 2017, 58-68. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.06.

37. Stehl Th. von (Hrsg.). *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2011. URL:

<https://www.google.com/search?tbm=bks&q=Migrationslinguistik> (дата обращения: 22.03.2019).

38. Volskaya, N.N., Borbotko, L.A., Zheltukhina, M.R., Kupriyanova, M.E. & Ilina, A.Yu. (2017). Effective Suggestive Psychotechniques in the Political Media Discourse // *XLinguae Journal*, Volume 10, Issue 4, October 2017, 84-95. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.08.

39. Želtuchina, M., Omel'čenko, A. 2017. Die Verbalisation des Feindbildes im russischsprachigen diskursiven Medienraum als Reflexion des Interessenkonfliktes in verschiedenen Sphären des menschlichen Handelns. // Henzelmann, Martin (Hrsg.): *Linguistik als diskursive Schnittstelle zwischen Recht, Politik und Konflikt*. Hamburg, Verlag Dr. Kovač. S. 239–262. (=Schriftenreihe Studien zur Slavistik, Band 42).

40. Zheltukhina, M.R., Biryukova, E.V., Gerasimova, S.A., Repina, E.A., Klyoster, A.M. and Komleva, L.A. Modern Media Advertising: Effective Directions of Influence in Business and Political Communication. *Man in India*, 2017a, 97 (14), 207–215.

41. Zheltukhina, M.R., Klushina, N.I., Ponomarenko, E.B., Vasilkova, N.N. & Dzyubenko, A.I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication // *XLinguae Journal*, 2017 6, Volume 10, Issue 4, October 2017, 96-105. DOI: 10.18355/XL.2017.10.04.09 ISSN 1337-8384

42. Zheltukhina, M.R., Krasavsky, N.A., Ponomarenko, E.B., Aleshchaynova, I.V. & Pavlov, P.V. Political Facebook Posts Using Ideological Symbols for Media Image Designing of Russia as Enemy // *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, 11(18), 12005–12013.

УДК 81-11

Исаева Е. В.

*Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Зубарева Е. О.

*соискатель,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

**АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ:
В ПОИСКЕ НОВЫХ ИДЕЙ¹**

В поиске новых путей решения проблем миграции, которые предлагает современная лингвистика, мы обратились к вопросу о возможности применения медиации в качестве метода создания инклюзивной среды для иммигрантов и инструмента адаптации мигрантов к новым условиям жизни.

Для изучения истории вопроса и оценки новизны данного направления было проведено аналитическое исследование публикационной активности по смежным проблемам медиации, миграции и лингвистики, зафиксированной в наукометрической базе данных Elsevier Scopus. Так были получены статистические данные по частотности публикаций связанных с 1) миграцией и лингвистикой, 2) медиацией и лингвистикой, 3) медиацией, миграцией и лингвистикой, 4) миграционной

© Исаева Е. В., Зубарева Е. О., 2019

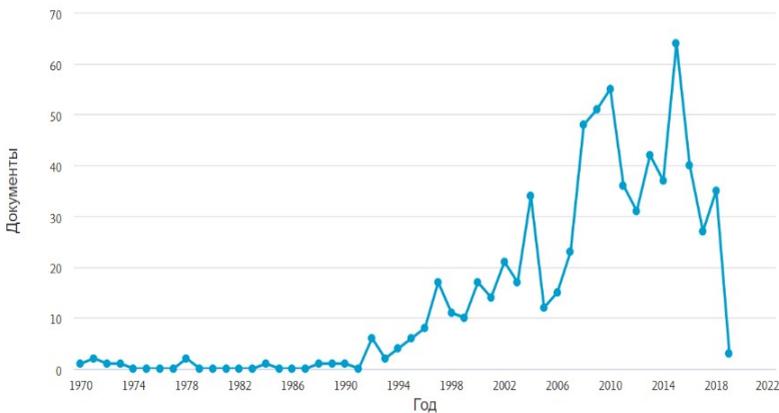
¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00825

лингвистикой, 5) миграционной лингвистикой и медиацией, актуальные на 12.05.2019 . В рамках этих направлений были изучены срезы данных по годам, источникам, странам, организациям, авторам и отраслям знаний, дается аннотированное описание отдельных публикаций, являющихся, по нашему мнению, особенно значимыми в контексте данной монографии.

1. Миграция + лингвистика

Релевантность изучения аспектов лингвистики в контексте миграции подтверждается довольно высокой частотностью публикаций (697 результатов), полученных по поисковому запросу TITLE-ABS-KEY (migration AND linguistics), соответствующих поиску совместной встречаемости слов migration (миграция) и linguistics (лингвистика) в заголовках (TITLE), аннотациях (ABS, сокращение от слова *abstract*, то есть аннотация) и ключевых словах публикаций (KEY, то есть *keywords*), представленных в коллекции Elsevier Scopus.

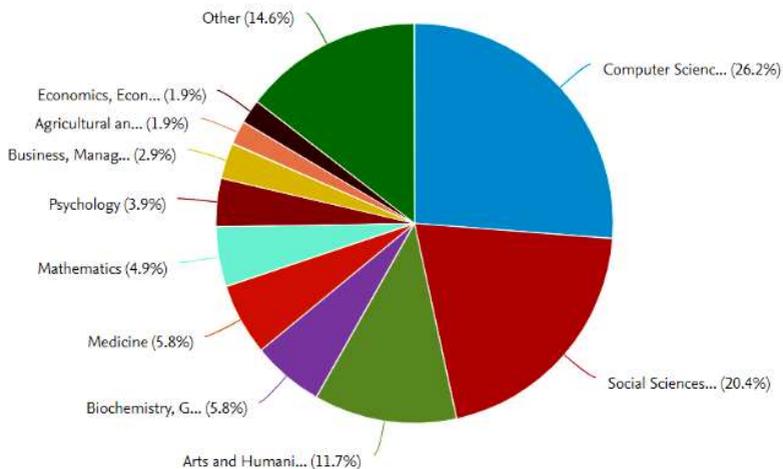
Проблемы, связанные с языком, всегда сопутствовали феномену миграции, что подтверждается уже в первой публикации 1970 г. в Американском журнале психиатрии (The American journal of Psychiatry), полученной нами в базе Elsevier Scopus в ответ на заданный поисковый запрос. Автор (Del Castillo J. C.) отмечает влияние языка на симптоматику у пациентов иностранного происхождения. В статье описываются случаи, когда у пациентов появлялись психотические симптомы в интервью на родном языке, не проявлявшиеся в интервью на иностранных языках. Автор объясняет такое явление тем, что усилие общения на другом языке вызывает бессознательную бдительность над эмоциями, и подчеркивает необходимость дальнейших исследований в области психиатрии и лингвистики [Del Castillo, 1970].

В 1990-е гг. было выявлено относительно небольшое количество публикаций, смежно рассматривающих вопросы лингвистики и миграции. Публикация 1990 г. «FRESH: An expert system design tool in APL2» (FRESH: экспертный инструмент проектирования систем в APL2¹), относится к предметным областям: компьютерная лингвистика и программирование и рассматривает термин *миграция* в контексте разработки программного обеспечения, поэтому не входит в коллекцию публикаций нашей тематики. В 1992 г. акцент смещается на миграцию как предмет исследования, при этом язык чаще всего становится параметром для оценки каких-либо других показателей при использовании лингвистических методов. Так, в статье «Migration or interaction: Reinterpreting pre-Columbian West Indian culture origins» (Миграция или взаимодействие: переосмысление доколумбовых истоков Вест-Индской культуры) автор опираясь на достижения лингвистики и археологии разрабатывает новую модель происхождения Сибони, одного из индейских племен, населявших Кубу до колонизации {Elbow,

¹ Здесь и далее перевод наш.

1992], а в статье «How the door opened: the peopling of the New World» (Как открылась дверь: заселение Нового Света) миграционные процессы исследуются с опорой именно на лингвистические данные [Rogers, etal., 1992].

Публикационная активность на стыке лингвистики и миграции достигла своего максимума в 2015 г. (64 документа). Наибольший вклад (в количественном отношении) был внесён учеными США (13 публикаций) и Германии (11 публикаций). Интересно, что на данном этапе превалируют публикации из области компьютерных наук (26,2 %), в которых миграция и аспекты языка выступают в качестве материала и объектов моделирования и изучения с использованием информационных компьютерных методов. Например, в статье «Chinese Traditional Opera data base for Music Genre Recognition» (База данных китайской традиционной оперы для распознавания музыкального жанра), описывается разработка компьютерной базы данных, которая может быть использована для анализа акустических атрибутов разных опер, что, в свою очередь, может предоставить новые перспективы и доказательства для исследова-

дований в области миграции населения, культурной эволюции и других социальных исследований через призму исторического развития китайской оперы [Islam, et al., 2015].

Тем не менее, в нашу выборку также попадают публикации, не связанные напрямую с темами: миграция и лингвистика, так как компьютерная терминология заимствует такие термины как *миграция* (например, *taskmigration*) и *язык* (например, *program language*), как например статья «Compiling for multi-language task migration» (Компиляция для многоязычной миграции задач). Тем не менее, косвенно такие работы могут иметь отношение к нашему поиску, так как в таком контексте термин *миграция* получил более широкое значение – перемещение данных, информации, знаний, как можно заметить в работе «Transfer learning for bilingual content classification» (Машинное обучение с переносом для двуязычной классификации контента), где описываются такие компоненты машинного обучения, как миграция знаний, для достижения которых могут быть использованы данные естественного языка [Sun, et al., 2015].

Изучение миграции знаний может быть полезно и для понимания общих принципов и выявления специфических черт миграции. Например, при метафорическом моделировании процессов миграции, использование таких понятий, как *socialnet works* (социальные сети), *pipeline* (трубопровод), являющиеся ключевыми словами в рассматриваемой здесь статье, будет способствовать более детальному описанию систем коммуникации и способов перемещения участников миграционных процессов.

Важные для темы «Миграция» области социальных и гуманитарных наук также являются достаточно проработанными (20,4 % и 11,7 % соответственно). Весомый вклад в данную область знания в 2015 г. внесли ученые Австралии и США,

сфокусированные на вопросах антропологии, исторического развития, динамики социальных и языковых явлений. Например, ученые Института Азии (Университет Мельбурна), Технологического университета (Сидней), и Школы гуманитарных наук и языков (Университет Нового Южного Уэльса, Австралия) в своей монографии «Languages and identities in a transitional Japan: From internationalization to globalization» (Языки и идентичности в переходной Японии: от интернационализации к глобализации) «исследуют переход от эры интернационализации к эре глобализации Японии, сосредоточившись на языке и идентичности как ее центральных темах» [Nakane, et al., 2015]. В книге используется междисциплинарный подход, охватывающий образование, культурологию, лингвистику и политологию, рассматриваются особенности современной японской культуры, идентичности и многоязычия и их роль в жизни местных жителей и тех, кто не проживает в Японии, но связаны с Японией в мировом сообществе. Авторы размышляют на темы: роль современных технологий в распространении японского языка и культуры, использование гибридного языка в городских условиях, роль японского языка как лингва франка в Китае, а также формирование идентичности-носителей японского языка, проживающих в Австралии [Nakane, и др., 2015]. Другой пример монографии из списка публикаций, входящих в подвыборку «Социальные науки», учёный из Австралийского национального университета, рассматривает временную и пространственную эволюцию культуры, языков и биологической популяции. Автор приходит к выводу, что территориальное переселение и миграционные процессы, важны для сохранения филогенетических признаков: «Длительные периоды безмиграционного взаимодействия могут в конечном счёте привести к разрушению филогенетических сигналов, но обстоятельства, при которых происходит

разрушение, могут варьироваться между материальными и социальными аспектами культуры, языка и биологии. В целом <...> языковые семьи сохраняют наиболее доступные следы филогенетического происхождения» [Bellwood, 2015]. Данная публикация наглядно демонстрирует, что проблему миграции необходимо изучать комплексно, используя инструментарий разных наук, в т.ч. культурологии, лингвистики, социологии, истории и биологии.

В публикациях, автоматически отнесённых к биологической отрасли знаний, также прослеживается общая тематическая направленность данного периода: эволюция и историческое развитие. Например, в статье «Genetic and linguistic correlation of the Kra-Dai-speaking groups in Thailand» (Генетическая и лингвистическая корреляция групп, говорящих на Кра-дай в Таиланде) [Srithawong, et al., 2015] были изучены генетические особенности этнических групп, говорящих на одном языке, но исторически мигрировавших в разные регионы Таиланда. Тест Мантеля, анализ молекулярной дисперсии и приближительная процедура вычисления Байеса, использованная для оценки потенциальных факторов, способствующих генетическому разнообразию, показали, что именно язык, а не географическое положение, является преобладающим фактором, влияющим на генетические вариации, на что также указывают и данные публикации выше.

В дальнейшем наблюдается спад публикационной активности по направлению лингвистика + миграция (40 документов в 2016., 27 – в 2017., 35 – в 2018). Последние статьи 2019 года, получившие отражение в нашей статистике связаны с социальными науками, «акцентированными» на вопросах образования. Например, в статье “Everything Went Boom”: Kinship Narratives of Transfronterizo University Students (Начался бум: рассказы о родственных связях университетских студентов,

пересекающих границу) исследуется взаимосвязь академической мобильности, родства, социально-политических изменений и лингвокультурных особенностей личности мигранта [O'Connor, 2019].

2. Медиация + лингвистика

Рассмотрим представленность публикаций, изучающих лингвистическую медиацию в базе данных Elsevier Scopus. В зарубежной межкультурной коммуникации термин mediation (медиация) достаточно активно используется для обозначения приёма оптимизации общения, как «вмешательство между конфликтующими сторонами в целях содействия примирению, урегулированию или компромисс¹» [Meriam Webster, 2019]. В русском языке термин *медиация* принято использовать в сфере юриспруденции как «посредничество в международном споре третьего, не участвующего в споре, государства» [Захаренко, и др., 2003]. Вопрос о медиации знания поднимается в современных и зарубежных публикациях [Engberg, et al., 2018; Isaeva, 2019] и рассматривается в рамках когнитивной и дискурсивной лингвистики, а также прагматики и миграционной лингвистики как лингвистический и когнитивный приём (метод) достижения взаимопонимания коммуникантов, представителей разных культур, посредством которого достигается более полная и качественная коммуникация (передача и усвоение) знания [Vogatikova, et al., 2014].

Изучим сначала степень репрезентативности публикаций, одновременно рассматривающих проблемы медиации и лингвистики в расширенном поиске базы данных Scopus. Нами были заданы следующие параметры: TITLE-ABS-KEY(mediation AND linguistics), соответствующие поиску со-

¹ «intervention between conflicting parties to promote reconciliation, settlement, or compromise» (перевод наш)

вместной встречаемости слов mediation (медиация) и linguistics (лингвистика) в заголовке, аннотации или ключевых словах публикаций, представленных в Scopus. По такому поисковому запросу было получено 287 результатов.

Проанализировав результаты поиска по годам, мы видим, что первые публикации, связанные одновременно с медиацией и лингвистикой зафиксированы в 1968 г. Все они затрагивают проблему медиации в контексте детского развития, лингвистика при этом выступает в качестве одного из ключевых слов данных публикаций.

Документы по годам

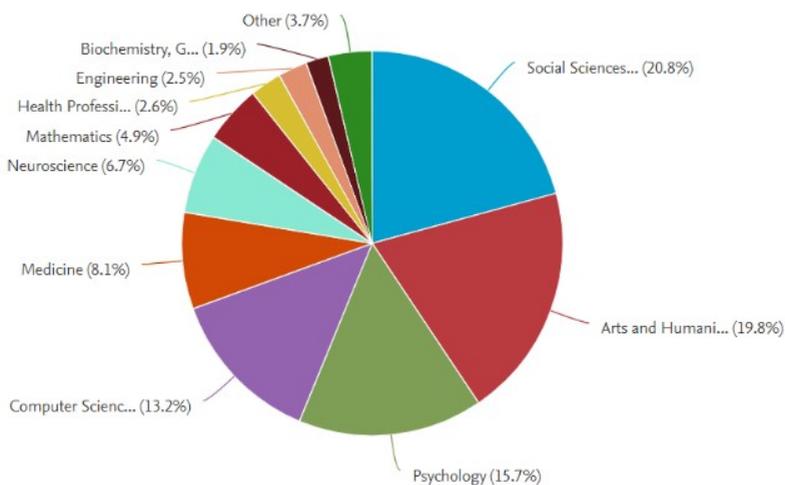
Лингвист Университета штата Аризона, исследователь проблемы билингвизма, К.Р. Стаффорд (Stafford, K.R.) в своей статье «Problem Solving as a Function of Language» (Решение задач как языковая функция) [Stafford, 1968] рассматривает скорость решения задач учениками 8 класса, среди которых выделяются 3 группы: монолингвы, говорящие на английском языке, билингвы говорящие на двух языках и билингвы, говорящие на трех и более языках. Предметом исследования являлось общее развитие (IQ) и навык чтения. Результаты тестов

показали, что хуже всех с заданиями справлялись билингвы, владеющие тремя и более языками, а лучше всех – монолингвы. Автор объясняет такие результаты действием процессов медиации (опосредования) и интерференции, ссылаясь на Теорию значения Ч. Осгуда.

В другой статье, опубликованной 1968 г., психолог-социолог Корнелльского университета США М. Поттс (Potts, M.) изучает действие механизма медиации при выполнении детьми заданий на перестановку (транспозицию). Автор выявляет дефицит механизма морфологической медиации при реакции на отличительные словесные метки у трех-, четырех- и пятилетних детей [Potts, 1964]. Третья статья того же года издания также посвящена вопросу медиации и интерференции в когнитивном процессе при выполнении студентами языковых заданий [Foss, 1968]. Таким образом, изучение процессов медиации в их связи с языком и мышлением на начальном этапе исследования этих феноменов, рассматривается как часть физиологических и психологических процессов.

Далее, до 1998 г. публикационная активность в рамках тематики «медиация + лингвистика» сохраняется на уровне 1-3 публикации в год, сфокусированных на вопросах познания, мультилингвизма, изучения языка для профессиональных целей, переводоведения и др. В 1999 г. количество публикаций возрастает до 10. В центре внимания оказываются исследования механизмов медиации в электронных базах данных и информационных компьютерных системах. С 2002 г. акцент в исследованиях смещается на медиацию и исследования естественного языка в электронных сетях, а также в мультимодальной коммуникации, семантике и когнитивистике. В 2009 г. зафиксировано 18 публикаций по запросу «медиация – лингвистика», при этом 14 публикаций относятся к психологии и гуманитарным наукам, 6 – к компьютерным и математическим

дисциплинам, остальные представляют такие области, как медицина, неврология, физика и машиностроение. Наибольшее количество публикаций данной тематики выявлено в 2016 г. – 22, пропорциональное соотношение по отраслям знаний при этом сохраняется: 26.8 % – социология, 24,4 % – психология, 22 % – гуманитарные науки, 7,3 % – компьютерные науки, 7,3 % – неврология. Менее репрезентативные в данном отношении отрасли: медицина, биохимия, математика и физика. Медиация рассматривается в контексте переводоведения, когнитивных наук, лингводидактики, терминоведения, дискурсивной лингвистики и др.

Проанализировав все 287 результатов, мы видим, что лидирующую позицию по данному направлению исследования занимают США (102 документа), на втором месте – Великобритания (30 документов), на третьем – Австралия (20 документов). Среди организаций, публикующих свои наработки в области медиации и лингвистики, следует отметить Университет

Квинсленда (7 документов), Частную больницу Матер в Брисбене (5 документов) и Гентский университет (5 документов).

Российские исследования также представлены (всего 6 документов). Все работы являются междисциплинарными, включающими в себя по меньшей мере 2 отрасли знаний: лингвистику и компьютерные науки. Две последние работы «Mediation: Focus on discourse modeling» (Медиация: фокус на моделировании дискурса) [Prokhorova, 2019], Сибирский федеральный университет, и «A pilot study of language and culture mediation in medical interpreting at border crossing points in Moscow, Russia» (Пилотное исследование языковой и культурной медиации в медицинском переводе на пунктах пересечения границы в Москве, в России) [Lutskovskaia, et al., 2019], Российский университет дружбы народов. Тематика статей связана с урегулированием конфликтов, возникающих во время коммуникации, посредством лингвистических инструментов.

Среди авторов, наиболее активно работающих по направлению медиация + лингвистика, отметим Вилана Б. М. (Whelan, Brooke Mai, h-индекс = 10), Мердока Б.Е. (Murdoch, В.Е., h-индекс = 33), и Холла Б. (Hall, Bruce, h-индекс = 6) университет Квинсленда (Брисбен, Австралия), экспертов в области медицины, неврологии, психологии, лингвистики и др., опубликовавших 7 статей (5 из них совместно) по данной тематике в контексте нейролингвистического направления. Публикации данной выборки сфокусированы на проблеме речевых навыков, навыков восприятия семантического содержания у больных с неврологическими отклонениями.

Судим условия поиска, одновременно введя в поисковый запрос 3 признака: TITLE-ABS-KEY (mediation AND linguistic AND migration). Поиск в базе данных Scopus показал 15 результатов. Первая публикация, датируемая 2001 г., «Language, variation and social integration: About mediation in and around

school» (Язык, вариативность и социальная интеграция: о медиации в школе и вокруг неё), посвящена необходимости разработки комплекса действий касающихся явления вариативности, с тем чтобы облегчить интеграцию в школьную жизнь и общество учащихся, говорящих на нескольких языках. Основной функцией этих мероприятий является утверждение идентичности мигрантов. В статье приводятся примеры мероприятий, демонстрирующих уважительное отношение к языковому разнообразию и межъязыковой вариативности [Billiez, et al., 2001].

Следующая серия публикаций на заданную тему появляется в 2010 г. Было выявлено 3 публикации. В статье «Crossing boundaries: Reconciling law, culture and values in international family mediation» (Выход за пределы границ: сочетание права, культуры и ценностей в медиации международных семейных отношений) [Stalford, 2010] рассматривается продуктивность решения правовых семейных споров в межкультурной проекции посредством юридического приёма медиации. Соответственно, данная статья не имеет прямого отношения к рассматриваемой теме, так как в данном ключе медиация имеет узкоспециализированное значение – юридический метод урегулирования правовых конфликтов. Тем не менее, данное определение не исключает понимания медиации в широком смысле, как метод урегулирования конфликтов в целом, включая культурных, социальных, когнитивных, языковых и т. д., при этом в статье представлен комплексный взгляд на медиацию, анализирующий её сильные стороны, случаи недостаточной эффективности, а так же примеры, демонстрирующие негативный результат применения данного метода.

Вторая работа, глава, под названием «Adapting mental health services to the needs of migrants and ethnic minorities» (Адаптация психиатрической помощи к нуждам мигрантов и этниче-

ских меньшинств) [Ingleby, 2010] монографии «Migration and Mental Health» (Миграция и психическое здоровье) посвящена медиации в сфере здравоохранения с целью создания инклюзивного общества для мигрантов. Автор отмечает, что большинство мигрантов, независимо от симптомов заболевания стремятся заниматься самолечением вместо обращения к сфере профессионального здравоохранения. Это происходит по разным причинам, включая недостаточную осведомленность о доступности данных услуг, чувство права на их получение, степень владения государственным языком и адаптированности к культуре страны пребывания. Вероятно, при попытке решения данной проблемы в условиях стабильно растущей миграции необходимо учитывать такие факторы, как улучшение качества жизни мигрантов, создание позитивного образа поставщика услуг здравоохранения, повышение грамотности в области здравоохранения, а также продуктивности межкультурной медиации.

Третья статья 2010 г. «Cultural perspectives on translation» (Взгляд на перевод с позиции культуры) [Brisset, 2010] посвящена использованию инструмента медиации в переводе. В статье дается историческая справка о подходах к переводу с одного языка на другой на разных этапах развития общества. По мнению автора, в самых первых работах по теории перевода язык и культура рассматриваются как два равнозначных феномена, существующих параллельно. Язык, как считалось, отражал определенный стиль жизни и видение мира. Казавшаяся равная способность языков к номинации уменьшила различия между культурами, которые, как можно было ожидать, должны были препятствовать передаче значений, при переводе. Последующий переход от лингвистического подхода к включению человеческого фактора в понимании механизма перевода позволил обратить внимание на зачастую возникающую асим-

метрию в отношениях коммуникантов, что вызывает господство переводческой культуры над переводной в процессе перевода. Следовательно, встает вопрос о сохранении идентичности. Затем в переводческих исследованиях начали заимствоваться социологические понятия. Пристальное внимание уделялось агентам и институтам с интеграцией дискурсивных компонентов перевода. На современном этапе, с учетом новых технологий, глобализации и миграции, в переводческой теории и практике возникают новые формы и инструменты межкультурной медиации, подразумевающие понимание «других» культур [Brisset, 2010]. Таким образом, медиация здесь также рассматривается как прием уменьшения асимметрии знания, вызванного культурными различиями.

В 2013 г. выявлено 2 публикации. В первой статье «The linguistic-cultural mediation service of the National Institute for the promotion of health of migrant populations and the control of Poverty related-diseases (NIHMP)» (Служба лингвокультурной медиации Национального института по укреплению здоровья мигрантов и борьбе с болезнями, связанными с бедностью (NIHMP) представлен опыт работы службы лингвокультурной медиации Национального института здравоохранения, миграции и бедности (NIHMP), государственной структуры, которая осуществляет клинические исследования, помощь, профилактику, лечение и обучение. Команда медиаторов в сфере лингвокультурных вопросов участвует в многочисленных услугах и мероприятиях, работая в различных сферах жизни. В статье описывается роль медиации в повышении доступности социальных и медицинских услуг для мигрантов [Smacchi, 2013].

Вторая статья 2013 г. посвящена роли семьи как медиатора между ребенком – первоклассником и школой. В статье описываются результаты долгосрочного проекта, в котором проводилась оценка влияния грамотности семейного окружения на

продуктивность обучения чтению учеников первого класса. Помимо занятий чтением и изучения уровня грамотности членов семьи, в анализ были включены следующие фоновые характеристики семьи: состав семьи, социально-экономический статус, миграционная история. Кроме того проводилась подготовка к чтению, проверялся словарный запас, учитывались пол ребёнка и когнитивные способности ребёнка на момент «окончания» детского сада. Результаты анализа показали, что грамотность семейного окружения наравне с когнитивными способностями, возрастом и полом, оказывают влияние на формирование навыков чтения у первоклассников. Автор рассматривает уровень грамотности членов семьи в качестве медиатора между общими фоновыми характеристиками семьи и показателями продуктивности обучения чтению в конце 1-го класса [Niklas, et al., 2013].

Максимальное количество публикаций (4), рассматривающих вопросы миграции, лингвистики и медиации, выявлено в 2018 г. Следует отметить новые направления в данной области – медиация в политике языкового образования и медиация как часть языкового планирования. В статье «Migration and Language Education Policies: The Major Role of Mediation» (Политика в области миграции и языкового образования: основная роль медиации) авторы отмечают, что политика языкового образования должна быть переосмыслена в соответствии с текущим многоязычным и многокультурным контекстом, чтобы удовлетворять конкретным потребностям учащихся-мигрантов, помогать сглаживать их «траекторию мобильности» [Coste, et al., 2018]. В статье «Mediating migration crises: Sicily and the languages of despair» (Медиация в условиях миграционного кризиса: Сицилия и языки отчаяния) представлен краткий обзор итальянской правовой базы, регулирующей языковую медиацию и культурную поддержку мигрантов на

ранних этапах их перемещения, анализируется отношение к утверждённым правилам языковой медиации участников процесса медиации, а именно сотрудников миграционных служб, психологов, оказывающих поддержку мигрантам, самих мигрантов, делаются выводы о корректности интерпретации этих правил разными участниками этого процесса медиации и о возможности реализации этих правил [Filmer, etal., 2018].

В статье 2019 г. «Hostility Towards immigrants' languages in Britain: a backlash against 'super-diversity'?» (Враждебность по отношению к языкам иммигрантов в Великобритании: ответная реакция против "супер-разнообразия"?) исследуется общественное мнение о так называемом «социолингвистическом супер-разнообразии» и изменениях в языковой и этнической идентичности, вызванных массовыми миграционными процессами, в значительной мере затронувшими Великобританию. Автор делает вывод о необходимости переосмысления понятия «социолингвистического супер-разнообразия», отразив в нём элемент спонтанности, общественное мнение и соотношение между понятиями культурного разнообразия и культурной идентичности [Musolff, 2019].

3. Миграционная лингвистика

Изучим степень репрезентативности нового научного направления «Миграционная лингвистика» в наукометрической базе Elsevier Scopus. Для этого в расширенном поиске базы данных введём следующие условия поиска: TITLE-ABS-KEY ("migration linguistics").

Результатом поиска явились 3 документа, тем не менее, при тщательном изучении было выявлено, что не все они отвечают условиям поиска, так как знаки препинания, разделяющие элементы поиска, не учитываются. То есть, поиск выдал результат с последовательностью «migration, linguistics»,

следовательно, данная публикация исключается из выборки. Таким образом, только 2 документа, в которых есть упоминание о миграционной лингвистике, соответствуют заданным параметрам поиска. Первая статья, опубликованная в 2011 г. под названием «Linguistic aspect among minorities of German origin: Language maintenance, Hybridation and Language change» (Языковые аспекты этнических меньшинств немецкого происхождения: сохранение, гибридизация и изменение языка), нацелена на рассмотрение изменений языка немецких иммигрантов, проживающих в Аргентине. В качестве теоретической основы исследования используется интерпретация понятия *миграционная лингвистика*, предложенная Е. Гугенбергер [Gugenberger, 2003]. Р. Бейн, автор статьи, подчеркивает, что при описании изменений языка мигранта необходимо учитывать факторы, влияющие на процессы языковой динамики, такие как страны эмигрантов, этапы и причины эмиграции, число иммигрантов рассматриваемой национальности в стране, эволюция их социальной, трудовой и культурной интеграции, наличие национальных школ, религиозных и культурных учреждений, спортивных клубов, благотворительных ассоциаций, публикаций на родном языке мигранта, а также политические факторы в стране пребывания и языковая политика. Исторические данные сопоставляются с текущей ситуацией. Автор анализирует исторические данные, проводит «сортировку» по факторам до и после миграции и дает оценку значения каждого фактора в изменении языка [Bein, 2011].

Во второй работе «Linguistic mediation as part of migrant linguistic practices: The provision of interpreting services in the Galician community in Hanover, Germany» (Языковая медиация как часть языковой практики мигрантов: услуги перевода в галисийском обществе в Ганновере, Германия) автор стремится

сочетать задачи двух направлений: миграционной лингвистики, направленной на описание и объяснение всех коммуникативных ситуаций, с которыми сталкивается мигрант [Kluge, 2007], но, не учитывающую динамику языковой медиации, происходящей в каждом двуязычном сообществе, и практику перевода в социальной сфере, обычно фокусирующейся на языковой медиации в общинах мигрантов, но, не обеспечивающей тщательного лингвистического анализа отдельных лиц или сообществ, являющихся объектом изучения. М.Е. Гросси (Grossi М.Е.) демонстрирует пример, как определённые теоретические элементы устного перевода могут быть интегрированы в исследования по миграционной лингвистике [Grossi, 2018], опираясь на миграционную лингвистическую модель Е. Гугенбергер [Gugenberger, 2007, 2018] и модель профилей медиативных практик Дж. Хлаваца [Hlavac, 2011].

Публикация М.Е. Гросси также попадает в нашу следующую выборку – «Миграционная лингвистика и медиация». На момент написания данного обзора она является единственной в базе данных Elsevier Scopus, соответствующей критерию поиска TITLE-ABS-KEY ("migration linguistics" AND mediation), то есть включающей в название, ключевые слова или аннотацию упоминание о миграционной лингвистике и медиации. Другие публикации этого автора, не представленные в базе данных Scopus, также направлены на рассмотрение проблемы лингвистической медиации в контексте миграционной лингвистики: стратегии лингвистического упрощения юридических текстов (документов).

Проведенный анализ публикаций, представленных в наукометрической базе Elsevier Scopus показал высокую репрезентативность публикаций, рассматривающих вопрос миграции в совокупности с лингвистическими аспектами этого феномена (697 результатов), поскольку языковой барьер, необходимость

использования неродного языка для коммуникации и адаптации в новых культурных условиях вызывают социологические, психологические, когнитивные и др. проблемы. С другой стороны, лингвистика предоставляет эмпирический материал и методы для изучения истории процессов миграции.

Подключение технологии медиации в процесс межкультурной коммуникации в условиях возрастающей миграции имеет разноплановую интерпретацию. Самый общий подход к медиации – ее использование в законоприменении, как способ урегулирования конфликтов (юридическая медиация). Тот же взгляд на медиацию возникает при решении межкультурных конфликтов (межкультурная медиация), а также уменьшение несогласованности коммуникации на уровне языка (языковая коммуникация). Обращение к термину *медиация* в контексте межкультурной коммуникации, рассматриваемой в переносном смысле, как миграция термина или миграция знания, может быть полезным при разработке модели медиации, способствующей пониманию её закономерностей, специфики, методов и т. д.

Опираясь на статистические данные, можно сделать вывод, что направление изучения лингвистических вопросов в контексте проблем миграции на настоящий момент является хорошо проработанным и широко представлено в базе данных Elsevier Scopus. Возможность применения медиации для решения конфликтов на уровне языка или культуры, но с учётом изучения языковых средств и вопросов, попадающих в выборку публикационных данных «медиация + лингвистика», также в достаточной мере представлена в Elsevier Scopus. Как показало наше исследование, менее репрезентативным в количественном отношении является направления миграционная лингвистика, тем не менее, это направление является актуальным в условиях глобализации и нарастания миграцион-

ных процессов и требует особого внимания в отношении языка, культурных, когнитивных, и психолингвистических вопросов. Что касается применения технологии медиации при разрешении конфликтных ситуации лингвокультурного плана в условиях миграции, эта проблема еще только начинает изучаться как в зарубежной, так и отечественной миграционной лингвистике, которая, в свою очередь, сейчас находится на этапе формирования своей методологии.

Список литературы

1. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний = Slovari.ru: Азбуковник, 2003. Эл № ФС 77–20427.
2. Bein R. Linguistic aspects among minorities of German origin: Language maintenance, Hybridation and Language change // Estudios Migratorios Latinoamericanos. Logroño: Centro de Estudios Migratorios Latinoamericanos, 2011. 70. P. 23–35.
3. Bellwood Cultural Evolution: Phylogeny versus Reticulation: Australian National University, 2015.
4. Billiez J., Trimaille C. Language, variation and social integration: About mediation in and around school // Langage et Societe. Langage et Societe: Maison des Sciences de l'homme, 2001. Vol. 4: Iss. 98.
5. Bogatikova E., Isaeva E., Rukavishnikova N. Knowledge transfer in the scope of transdiscursive professional communication // International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts (SGEM 2014). Albena: 2014. Iss.3. P. 483–489.
6. BrIss.et A. Cultural perspectives on translation // International Social Science Journal: Wiley-Blackwell, 2010. P. 69–81.
7. Coste D., Cavalli M. Migration and Language Education Policies: The Major Role of Mediation// European Journal of Language Policy. Liverpool: Liverpool University Press, 2018. Vol. 2: Iss.10. P. 165–186.
8. Del Castillo J. C. The influence of language upon symptomatology in foreign-born patients // The American journal of psychiatry. Washington, DC: 1970. Vol. 2: Iss. 127. P. 242–244.

9. Elbow Gary S. Migration or interaction: Reinterpreting pre-columbian West Indian culture origins // *Journal of Geography*. 1992. Vol. 5: Iss.91. P. 200–204.

10. Engberg J., Luttermann K., Cacchiani S. Popularization and Knowledge Mediation in the Law. Popularisierung und Wissensvermittlung im Recht. –Zurich: LIT Verlag Münster, 2018. P. 376.

11. Filmer D., Federici F. M. Mediating migration crises: Sicily and the languages of despair // *European Journal of Language Policy*. Liverpool: Liverpool University Press, 2018. Vol. 2: Iss.10. P. 229–253.

12. Foss Donald J. An Analysis of Learning in a Miniature Linguistic System // *Journal of Experimental Psychology*. Washington: APA, 1968. Vol. 3: Iss.76. P. 450–459.

13. Grossi M. E. Linguistic mediation as part of migrant linguistic practices: The provision of interpreting services in the Galician community in Hanover, Germany // *Revista Internacional de Linguística Iberoamericana*. Frankfurt: Vervuert Verlag, 2018. Vol. 1: Iss. 16. P. 13–40.

14. Gugenberger E. Einflussfaktoren auf Migrantensprachen. Bausteine für ein migrationslinguistisches Modell // *Mehrsprachigkeit und Migration* / ed. Erfurt J., Budach G., Hofmann S. Frankfurt: Meno Peter Lang, 2003.

15. Gugenberger E. Linguistic acculturation and linguistic hybridization in migration: Proposal of a theoretical-analytical model for the linguistics of the migracion // *Revista Internacional de Linguística Iberoamericana*. Frankfurt: Vervuert Verlag, 2007. Vol. 2: Iss. 5. P. 21–45.

16. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik – mit einer Studie zu den Galiciern und Galicierinnen in Argentinien. Wien: LIT-Verlag, 2018. 660 p.

17. Hlavac J. Sociolinguistic profiles of users and providers of lay and professional interpreting services: The experiences of a recently arrived Iraqi language community in Melbourne // *Translation and Interpreting*. Sydney: School of Humanities and Communication Arts, University of Western Sydney, 2011. P. 1–31.

18. Ingleby D. Adapting mental health services to the needs of migrants and ethnic minorities // *Migration and Mental Health* / Bhugra D., Gupta S. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

19. Isaeva Ekaterina V. Metaphor in terminology: finding tools for efficient // *Fachsprache*. Viene, 2019. (принято в печать).

20. Islam R., Xu M., Fan Y. Chinese Traditional Opera database for Music Genre Recognition // 2015 International Conference Oriental COCODA – Held jointly with 2015 Conference on Asian Spoken Language Research and Evaluation, O-COCODA/CASLRE 2015 – Proceedings. Shanghai: Shanghai Jiao Tong University, 2015. P. 38–41.

21. Kluge B. The linguistic accomodation in the migration: the pragmatic level // *Revista Internacional de Linguistica Iberoamericana*. Frankfurt: Vervuert Verlag, 2007. Vol. 2: Iss. 5. P. 69–91.

22. Lutskovskaia L., Atabekova A., Zvereva E., Gorbatenko O., Kalashnikova E.. A pilot study of language and culture mediation in medical interpreting at border crossing points in Moscow, Russia // *Heliyon*. – London: Elsevier, 2019. Vol. 2: Iss.5. b № e 01208.

23. Merriam-Webster.Online Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (:дата обращения: 22.05.2019).

24. Musolff A. Hostility Towards immigrants' languages in Britain: a backlash against 'super-diversity'? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Abingdon: Taylor & Francis, 2019. Vol. 3: Iss. 40. P. 257–266.

25. Nakane I., Otsuji E., Armour W.S. Languages and identities in a transitional Japan: From internationalization to globalization. London: Taylor and Francis Inc., 2015. 202 p.

26. Niklas F., Möllers K., Schneider W. The early learning environment provided by the family as a mediator between structural family background and basic reading abilities at the end of Grade 1: Ernst Reinhardt Verlag, 2013. Vol. 2: Iss. 60.

27. O'Connor B.H. "Everything Went Boom": Kinship Narratives of Transfronterizo University Students // *Journal of Latin American and Caribbean Anthropology*. Malden MA: 2019. Vol. 1: Iss.24. P. 242–262.

28. Potts M. The effects of a morphological cue and of distinctive verbal labels on the transposition responses of three-, four-, and five-year olds // *Journal of Experimental Child Psychology*: Elsevier, 1964. Vol. 1: Iss. 6. P. 75-86.

29. Prokhorova O.A. Mediation: Focus on discourse modeling // Mediation: Focus on discourse modeling. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. Vol. 1: Iss. 12. P. 117–127.

30. Rogers R.A., Rogers L.A., Martin L.D. How the door opened: the peopling of the New World // Human biology; an international record of research. Detroit: Wayne State University Press, 1992. Vol. 3: Iss. 64. P. 281–302.

31. Srithawong S., Srikumool M., Pittayaporn P., Ghirotto S., Chantawannakul P., Sun J., Eisenberg A., Chakraborty R., Kutan W. Genetic and linguistic correlation of the Kra-Dai-speaking groups in Thailand // Journal of Human Genetics: Springer Nature Publishing, 2015 . Vol. 7: Iss. 60. P. 371–380.

32. Stafford Kenneth R. Problem Solving as a Function of Language // Language and Speech. – Thousand Oaks, USA: SAGE, 1968.– Vol. 2: Iss.11. – p. 104-112.

33. Stalford H. Crossing boundaries: Reconciling law, culture and values in international family mediation // Journal of Social Welfare and Family Law. London: Taylor & Francis, 2010. P. 155–168.

34. Sun Q., Amin M. S., Yan B., Martell C., Markman V., Bhasin A., Ye J. Transfer learning for bilingual content classification // Proceedings of the ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. Sydney: KDD 2015, 2015. P. 2147–2156.

Костева В. М.

*Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный
лингвистический университет*

ДИСКУРСЫ МИГРАЦИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Миграция, под которой понимается переселение народов¹ имеет несколько видов. Традиционно говорят о внешней (межгосударственной или международной – эмиграция и иммиграция) и внутренней (внутригосударственной) миграции. В качестве критериев типологизации выделяют также направление (город – село), причины (экономическая, социальная, экологическая, политическая миграция), формы и др. [Мукомель 2015].

Миграционные процессы являются предметом изучения различных наук – социологии, политологии и других, что, соответственно, породило ряд дискурсов, к основному виду которого принадлежит миграционный / мигрантский дискурс.

В современной лингвистике этот дискурс нашёл своё отражение в появлении специального термина – «миграционная лингвистика» – которое занимается различными аспектами этого многогранного явления и имеет свои задачи и направления.

Очевидно, что миграционный дискурс при проецировании на лингвистику может дать нам ещё несколько направлений его дальнейшего изучения. Рассмотрим некоторые из них, основываясь на опыте нашего исследования лингвистики тоталитаризма, посвященном изучению теоретических и прикладных аспектов лингвистики в тоталитарных государствах XX в.

© Костева М. В., 2019

¹ Передвижение, переселение народов, населения внутри страны или за ее пределы [Словарь русского языка, с. 226]

В нашей «тоталитарной» лингвистике – обобщающему термину, используемому нами для определения лингвистики в тоталитарных государствах, противопоставляется термин «антитоталитарная» лингвистика. Данную антитезу мы исследовали на основе оппозиции «тоталитарный язык vs антитоталитарный язык». Под последним понимается «языковое сопротивление» или «языковая борьба» [Вежбицкая, 1993, с. 107–108; Купина, 2003, с. 552–554]. Следуя логике исследователей антитоталитарного языка, мы должны были определить антитоталитарную лингвистику как один из видов лингвистического сопротивления, что могло бы найти свое воплощение в некоей борьбе. Однако сопоставительный анализ развития лингвистики в тоталитарных государствах позволил нам сделать несколько иной вывод, а именно о том, что суть «антитоталитарной» лингвистики состоит, скорее, в приспособлении лингвистов к сложившейся ситуации, к условиям работы в тоталитарном обществе, а не в борьбе, например, лингвистических школ и направлений за доминирующие позиции в общей лингвистической парадигме. Считаем, что миграционной лингвистике может быть также противопоставлена антимиграционная лингвистика, её изучение может быть связано с выявлением механизмов и дискурсивных практик (в понимании М. Фуко) участников общего миграционного дискурса.

Наличие такого вида лингвистики подтверждается бытованием в современной общественно-политической литературе термина антимиграционный дискурс, тесно связанного с антимигрантской мифологией и мигрантофобией, под которой понимается совокупность негативных проявлений и последствий иммиграции [Мукомель, 2015]. Приведем также понимание антимиграционного дискурса современными российскими учеными: «В российском антимиграционном дискурсе настойчиво проводится мысль, что иммигранты, особенно некоторые, – другие

навсегда, «проникнуть в их коллективное сознание нереально – мигрантские группы абсолютно закрыты», культурные границы, разделяющие местное население и мигрантов, непреодолимы, смена мигрантом и даже его потомками своей культурной идентичности невозможна» [Вишневский, 2011].

В связи с этим полагаем, что вопрос о существовании анти-миграционной лингвистики представляется весьма актуальным и связан с идеей рассмотрения дискурса любого вида с точки зрения всех его участников.

Следующим аспектом изучения миграционной лингвистики с точки зрения её участников, вовлечённых в миграционный дискурс, является эмиграция и, соответствующий термин – эмиграционный дискурс¹.

Наши попытки найти его точное определение, к сожалению, закончились практически неудачей, так как его представление ограничивается такими исследованиями как «Эмигрантский газетный дискурс эпохи революционного кризиса: типы источников известий (1917–1919)» [Краснова, 2010], «Эмиграция и типология понятия «писатель-эмигрант» в современном эмиграционном дискурсе» [Велилаева, 2014]. При этом, как видно уже из названия работ, эмигрантский дискурс тесно связан с дискурсом писателей и поэтов, эмигрировавших из СССР. В последнем исследовании автор, взяв за основу критерий отчуждённости, выделяет 4 типа писателя-эмигранта: собственно писатель-эмигрант, писатель-экспатриант, писатель-номад и писатель-турист [Велилаева, 2014, с. 211-212]. Важным представляется нам дальнейшая классификация эмигранта, которая включает в себя следующие типы: диаспорник, космополит и националист [там же, с. 210]. Полагаем, что исследования эмиграционного

¹Отметим еще одно название эмиграционного дискурса: дискурс русской эмиграции [Ярская-Смирнова, Ковалев, 2017]

дискурса могут также включать в себя лингвистический анализ нескольких категорий эмигрантов, наибольший интерес для лингвистики может представлять, на наш взгляд, исследование научного дискурса ученых-лингвистов в диахроническом аспекте и выявление общих дискурсивных практик научной эмиграции.

Учитывая особенности миграционных процессов, связанных с выездом различных социальных групп наших соотечественников за рубеж, считаем необходимым говорить о наличии миграционной лингвистики как о совокупности дискурсивных практик, реализуемых различными группами эмигрантов. Известно, что многие из них, покинув Россию, стали проводниками русского языка и культуры за рубежом, основали ряд русских школ, проводят большую просветительскую работу. По последним данным «в Западной Европе число владеющих русским языком составляет 8 млн человек, и «подпитывается» постоянной эмиграцией и трудовой миграцией из России и бывшего СССР» [Арефьев, 2018, с. 11].

Немаловажным представляется вопрос о дискурсивной принадлежности миграционной / антимиграционной лингвистики и о критериях данной принадлежности.

Полагаем, что антимиграционный лингвистический дискурс в первую очередь связан с агрессивным интрадискурсом, под которым понимается «фрагмент конкретной этноспецифической лингвокультурной реальности, демонстрирующий возможные и реальные фреймы и сценарии поведения, направленного на других лиц с непосредственной интенцией причинения вреда [Радченко, 2009, с. 64].

Считая агрессивный дискурс интрадискурсом, его проявления можно обнаружить в ряде частных дискурсов, среди которых: бытовой, политический, социальный, vindиктивный и другие [там же, с. 65].

На наш взгляд, миграционная лингвистика относится, прежде всего, к политическому дискурсу, под которым в современной лингвистике понимается «...любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 23]. Как часть политического дискурса миграционная лингвистика должна реализовывать акциональную, агональную, контролирующую и побудительную (манипулятивную) функции [Там же, с. 41–42].

В нашем исследовании лингвистики тоталитаризма, например, агональная функция проявляется в борьбе языковыми средствами против политических противников, что связано с достижением цели тоталитарного государства – тотального контроля над всеми областями жизни. Манипулятивная функция политического дискурса связана с созданием специального отношения к тем или иным проявлениям политики государства. В «тоталитарной» лингвистике к таковым относится формирование соответствующего отношения к единому национальному языку [Костева, 2014, с. 157–158].

Представляется, что исследования миграционной лингвистики с точки зрения данных аспектов с учетом экстралингвистических факторов будет способствовать формированию целостной картины современного общества, затронутого миграционными процессами.

В области социального дискурса миграционная лингвистика связана с изучением таких аспектов, как расовая рознь, толерантность, мигрантский дискурс.

В области рекламного дискурса, рассматриваемого как институциональный дискурс, то есть дискурса представителя определенного социального института [Карасик, 2000, с. 7] миграционная лингвистика может получать черты агрессивного дискурса.

Учитывая вышесказанное, мы можем предположить, что в общем дискурсивном пространстве миграционная лингвистика в

совокупности с ее антиподом антимиграционная лингвистика, а также ее разновидностью эмиграционная лингвистика, аналогично «тоталитарной» лингвистике может стать объектом нескольких дискурсов и интрадискурсов, а именно: агрессивного, социального, политического, научного, рекламного.

В схематическом изображении данная совокупность может быть представлена следующим образом:

Схема 1

Представляется, что данный перечень не является окончательным, при детальном анализе миграционной лингвистики с точки зрения ее участников могут быть выявлены пересечения с другими видами дискурсов.

Список литературы

1. Арефьев А.Л. Социология языка. Русский язык. Современное состояние и тенденции распространения в мире. Монография. 2-е изд., перераб.и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2018. 308 с.
2. Вежбицкая А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107–125.
3. Велилаева Л.Р. Эмиграция и типология понятия «писатель-эмигрант» в современном эмиграционном дискурсе. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Се-

рия «Филология. Социальные коммуникации», 2014. Том 27 (66). № 1. Ч.1. С. 209–213.

4. Вишнеvский А.Г. Миграционная стратегия России и политика толерантности // Национальный психологический журнал, 2011, № 2 (6), с. 90–97. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/analit01.php>. (дата обращения: 28.04. 2019).

5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

6. Костева В.М. «Тоталитарная» лингвистика как объект политического и агрессивного дискурса // Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.): Научное издание / Под ред. Д.А. Крячкова, Д.Н. Новикова. Изд-во «МГИМО-Университет», 2015.С. 154–163.

7. Краснова Т.И. Эмигрантский газетный дискурс эпохи революционного кризиса: типы источников известий (1917–1919) Электронный научный журнал «Медиаскоп» Выпуск No 4. 2010 г. URL: <http://mediascope.ru/node/697>. (дата обращения: 03.05. 2019).

8. Мукомель В.И. Миграционные процессы в России 1985–2015. Монография. Москва, 2015. URL: <http://last30.ru/issue/migration/research/> (дата обращения: 30.04.2019).

9. Радченко О.А. Исследования агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1. С. 61–65.

10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2004. 328 с.

11. Ярская-Смирнова В.Н., Ковалев М.В. Темпоральность революции в дискурсе русской эмиграции // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 269–286/

Список словарей

1.Купина, Н.А. Тоталитарный язык // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. Москва: Флинта, Наука, 2003. С. 552–554.

2. Словарь русского языка: в 4-х т. /АН СССР, Институт русского языка; под редакцией А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1986. Том II.

Черноусова А. С.

*Кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

О ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПЕРМСКУЮ ГОРОДСКУЮ СРЕДУ

Проблема миграции в России, с нашей точки зрения, в разные периоды проявляется с разной степенью интенсивности: то более остро, то несколько ослабевает. Тем не менее, в актуальности изучения указанной проблематики не приходится сомневаться: всегда были, есть и будут государства с более развитой и тем самым привлекательной экономикой и менее развитой; всегда были, есть и будут крупные города – мегаполисы и небольшие поселения. Таким образом, всегда было, есть и, по-видимому, в дальнейшем будет неравенство перспектив и возможностей, открывающихся перед людьми в разной среде и по-разному определяющих качество их жизни.

На сайте Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm) представлены количественные показатели международной миграции РФ 2017 г. в зависимости от разных критериев (общие итоги миграции населения по субъектам РФ, внутригосударственная миграция, международная миграция, возрастные и половые группы приезжих, распределение мигрантов по целям поездок, по видам миграции, семейной структуре, возрастной состав мигрантов по субъектам РФ, распределение мигрантов в Российской Федерации по территориям прибытия и выбытия и по длительности проживания на предыдущем месте жительства и т. д.).

Табл. 1 составляют общие данные международной миграции РФ¹.

Таблица 1

Международная миграция Российской Федерации в 2017 году

	Городская и сельская местность			Городская местность			Сельская местность		
	Число прибывших	Число выехавших	Мигрантский прирост	Число прибывших	Число выехавших	Мигрантский прирост	Число прибывших	Число выехавших	Мигрантский прирост
Всего по всем странам	589 033	377 155	211 878	467 597	306 309	161 288	121 436	70 846	50 590
в том числе: Страны СНГ	524 452	321 018	203 434	410 525	254 715	155 810	113 927	66 303	47 624
Азербайджан	25 602	17 003	8 599	21 670	14 307	7 363	3 932	2 696	1 236
Армения	46 898	32 899	13 999	35 272	24 800	10 472	11 626	8 099	3 527
Беларусь	21 282	9 512	11 770	14 601	7 696	6 905	6 681	1 816	4 865
Казахстан	71 680	38 944	32 736	58 384	31 241	27 143	13 296	7 703	5 593
Кыргызстан	41 165	21 810	19 355	35 259	18 589	16 670	5 906	3 221	2 685
Молдова, республика	31 369	21 764	9 605	23 900	16 960	6 940	7 469	4 804	2 665
Таджикистан	63 467	28 828	34 639	51 134	23 421	27 713	12 333	5 407	6 926
Туркменистан	8 734	5 861	2 873	8 105	5 521	2 584	629	340	289
Узбекистан	64 073	41 906	22 167	50 353	33 438	16 915	13 720	8 468	5 252
Украина	150 182	102 491	47 691	111 847	78 742	33 105	38 335	23 749	14 586

¹ Данные приведены не по всем странам, а только по странам СНГ.

Как мы видим, наибольшее количество миграционного прироста составляют приезжие из Украины (47 691 человек); Таджикистана (34 639); Казахстана (32 736). Из этих же стран в такой же последовательности мигранты прибыли в городскую местность (33 105 – Украина, 27 713 – Таджикистан, 27 143 – Казахстан) и в сельскую (14 586 – Украина, 6 926 – Таджикистан, 5 593 – Казахстан).

Интересен возрастной и половой состав мигрантов, прибывших из стран СНГ. Данные по этому критерию мы поместили в табл. 2.

Таблица 2

Возрастно-половой состав мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию из-за её пределов, 2017 г.

	Всего из-за пределов России	Из стран СНГ	Из других зарубежных стран
Всего мужчин и женщин	589 033	524 452	64 581
в том числе в возрасте:			
моложе трудоспособного	63 746	59 248	4 498
трудоспособном	465 036	410 068	54 968
старше трудоспособного	60 251	55 136	5 115
по возрастным группам, лет:			
0 – 14	59 807	55 511	4 296
15 – 24	113 081	94 307	18 774
25 – 34	164 737	151 196	13 541
35 – 44	109 383	98 317	11 066
45 – 54	68 723	58 912	9 811
55 – 64	44383	39 488	4 895
65 – 74	17 293	15 889	1 404
75 и более	11 626	10 832	794
Всего мужчин	332 236	289 517	42 719
в том числе в возрасте:			
моложе трудоспособного	33 418	31 003	2 415
трудоспособном	282 732	244 355	38 377
старше трудоспособного	16 086	14 159	1 927

	Всего из-за пределов России	Из стран СНГ	Из других зарубежных стран
по возрастным группам, лет:			
0 – 14	31 305	28 995	2 310
15 – 24	69 643	57 708	11 935
25 – 34	98 666	89 275	9 391
35 – 44	64 412	56 362	8 050
45 – 54	39 073	31 945	7 128
55 – 64	20 208	17 260	2 948
65 – 74	6 078	5 372	706
75 – и более	8 929	7 972	957
Всего женщин	256 797	234 935	21 862
в том числе в возрасте:			
моложе трудоспособного	30 328	28 245	2 083
трудоспособном	182 304	165 713	16 591
старше трудоспособного	44 165	40 977	3 188
по возрастным группам, лет:			
0–14	28 502	26 516	1 986
15 – 24	43 438	36 599	6 839
25 – 34	66 071	61 921	4 150
35 – 44	44 971	41 955	3 016
45 – 54	29 650	26 967	2 683
55 – 64	24 175	22 228	1 947
65 – 74	11 215	10 517	698
75 и более	8 775	8 232	543

Как показывают приведённые данные, всего из-за пределов России мужчин прибыло больше, чем женщин (332 236 и 256 797 соответственно); в процентном соотношении – на 33 %. Из стран СНГ мужчин прибыло на 19 % больше, чем женщин (289 517 и 234 935).

Что касается возраста, то на первом месте по количеству у мужчин, прибывших из-за пределов России, возрастная группа 25–34 года (164 737 человек), на втором – 15–24 года (113 081 человек), на третьем – 35–44 (109 383). Из стран СНГ на пер-

вом месте группа 25–34 года (151 196), на втором – 35–44 года (98 317), на третьем – группа 15–24 (94 307).

У женщин, прибывших из-за пределов России, на первом месте возраст 25–34 (98 666), на втором – 15–24 (69 643), на третьем – 35–44 года (64 412). Из стран СНГ женщин больше приехало в возрасте 25–34 (89 275). На втором месте – 15–24 (57 708), на третьем – возраст 35–44 (56 362).

Для наглядности составим табл. 3, в которой обобщенно отразим половозрастной состав мигрантов.

Таблица 3

Обобщенные данные возрастно-полового состава мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию из-за ее пределов, 2017 г.

	Всего из-за пределов России		Из стран СНГ	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
15 – 24	113 081 (2 м.)	69 643 (2 м.)	94 307 (3 м.)	57 708 (2 м.)
25 – 34	164 737 (1 м.)	98 666 (1 м.)	151 196 (1 м.)	89 275 (1 м.)
35 – 44	109 383 (3 м.)	64 412 (3 м.)	98 317 (2 м.)	56 362 (3 м.)

Как видно, возрастные тенденции мигрантов, прибывших из-за пределов России, по гендерному признаку совпадают. Различия наблюдаются у мигрантов, прибывших из стран СНГ: второе место по количеству у женщин в возрасте 15–24, а у мужчин в возрасте 35–44. Мы не обнаружили статистические данные по половому параметру по странам СНГ за 2018 г., как нам кажется, это любопытный показатель, позволяющий делать определенные прогнозы.

На сайте «Город 812» (<http://gorod-812.ru/migrantiyi-edut-v-grossiyu-ne-za-tem-za-chem-ehali-ranshe/>, дата обращения – 16.01.2019) размещено интервью с профессором факультета антропологии Европейского университета в Петербурге, доктора исторических наук Сергеем Николаевичем Абашиним

относительно миграционных процессов в Санкт-Петербурге, высказанное 24.11.2018 г. Приведем несколько его тезисов.

Во-первых, «из-за кризиса, случившегося в 2014 г., количество гастарбайтеров в России заметно сократилось, но сейчас вновь возвращается на докризисный уровень. По данным на конец 2017 г., в России находилось 8,7 миллиона иностранцев из стран СНГ».

Во-вторых, «изменился национальный состав и мотивация, с которой к нам едут гастарбайтеры. Трудовая миграция из каждой страны имеет свою специфику. Из Узбекистана и Таджикистана едут в основном молодые мужчины, женщин меньше 20 %. Для Беларуси, Казахстана и Украины характерно обратное соотношение: женщин приезжает в полтора-два раза больше, чем молодых мужчин. Кыргызстан – особая страна среди среднеазиатских: почти 40 % мигрантов оттуда составляют женщины, что сильно отличает киргизок от таджичек и узбечек, которые в миграцию отправляются относительно редко». Ученый приводит одну из гипотез, согласно которой это связано с культурными традициям. Киргизы исторически – кочевники. Женщины у них считаются добытчицами наравне с мужчинами, они и работали наравне с ними – ухаживали за скотом и т. д. У киргизок несколько больше свободы, чем у узбечек и таджичек, – полагает С.Н. Абашин.

В-третьих, по его словам, нынешние мигранты заметно отличаются от тех, что приезжали в начале 2000-х: сегодня на заработки едут не только бедные. Многие имеют деньги, открывают в России собственный бизнес. В основном мелкий, конечно: кафе, ларьки. Но и в большом бизнесе выходцы из Средней Азии тоже есть – Алишер Усманов, например. Миграция всегда имеет такой эффект: в первую волну едут нуждающиеся, которым надо заработать на кусок хлеба, затем процесс приобретает собственную внутреннюю логику – когда

складываются социальные связи, миграционная инфраструктура. Образуется сеть людей, которые тебя в другой стране принимают, подыскивают работу. Когда миграция перестает быть рискованным предприятием, тогда в нее начинают втягиваться люди среднего достатка. Раньше гастарбайтеры трудились, чтобы прокормить семью. Сегодня – чтобы заработать на мечту. В Средней Азии есть три главных мечты: построить дом, купить машину и достойно провести большой праздник на сотню-другую человек – обрезание сына или свадьбу. Мечты немного различаются в зависимости от страны. Узбеки мечтают купить белую машину. В Узбекистане 80 % автомобилей – белые. Машина для узбека не столько средство передвижения, сколько показатель престижа и достатка. На ней не ездят. Ее берегут. Таджики больше мечтают о том, чтобы построить дом – для себя, для детей. В этой стране большие семьи, а у каждого сына должно быть собственное жилье. Многие киргизы мечтают остаться в России навсегда. Часто они покупают здесь малогабаритное дешевое жилье и переезжают в него целыми семьями.

В-четвертых, «с недавних пор у мигрантов появилась новая мечта – поступить в российский вуз. Образовательная миграция из Средней Азии растет. Количество бюджетных мест в вузах (по межгосударственным соглашениям) для них тоже увеличивается, – констатирует Сергей Абашин.

Ежегодно от 12 до 19 миллиардов долларов гастарбайтеры переводят из России на родину. В 2017 г. больше всего денег было отправлено в Узбекистан – 3,9 миллиарда долларов. На втором месте Таджикистан (\$ 2,5 млрд) На третьем – Кыргызстан (\$ 2,2 млрд). Общая сумма переводов из России в страны СНГ составила 12,9 миллиарда долларов, что на треть меньше, чем в 2014-м.»

В-пятых, один из самых актуальных для нашего исследования вопросов: «Мы сами не понимаем, куда интегрируем мигрантов и зачем». Вот что сказал Сергей Абашин по этому поводу: «Киргизы больше других ориентированы на то, чтобы получить российское гражданство и остаться здесь. Летом 2018 г. власти пресекли попытку создания в Тульской области киргизского поселения с самоназванием Ала-Тоо. Почти 500 участков в районе деревни Клищино были куплены приезжими из Кыргызстана. Местные власти сначала дали разрешение на строительство жилья, а потом отозвали – после того как в СМИ стали появляться статьи о "киргизском анклавe"». На вопрос: «Грозят ли анклавы Петербургу?» был дан ответ: «Большинство мигрантов приезжают, чтобы заработать и уехать. Те, кто остается, покупают квартиры в новых районах, где жилье дешевле. Никаких «национальных кварталов» или анклавов в Петербурге нет».

В-шестых, нужны ли программы по адаптации мигрантов, включающие, например, лекции о русских писателях. «Среди ста мигрантов найдутся два-три человека, которые связывают свое будущее с Россией. Для них подобные программы полезны. И таких людей постепенно становится всё больше, соответственно, и востребованность программ должна расти. Пока же большинству мигрантов нужна не столько адаптация, сколько легальный статус и социальная помощь – медицинское обслуживание, например.

Они не понимают, зачем адаптироваться, если они скоро уедут. Мы и сами, по-моему, до конца не понимаем, куда мы их интегрируем и зачем. Обязательные экзамены по русскому языку превратились в формальность. Они нужны не для того, чтобы выяснить уровень знаний, а чтобы больше заработать, так как за каждый экзамен мигранты платят» – считает С. Н. Абашин.

И последнее: на вопрос «Петербургские мигранты отличаются от других российских?» Сергей Николаевич ответил: «Миграция в регионах отличается от петербургской и московской. Проблемы с легальностью, с преступностью актуальнее для обеих столиц. В регионах мигрантов меньше, там они более легализованы, больше на виду. Поэтому и проблем там меньше».

Соотнесём статистические данные по Российской Федерации с данными Пермского края по тем же критериям (табл. 4).

Таблица 4

Общая характеристика миграционной ситуации
в Пермском крае

Миграция – всего	Январь-октябрь 2018		Справочно январь-октябрь 2017	
	всего	на 10 тыс. человек населения	всего	на 10 тыс. человек населения
Прибывшие	71315	326,8	69134	315,6
выбывшие	76448	350,3	73815	337,0
Миграционный прирост, снижение (-)	-5133	-23,5	-4681	-21,4
В том числе: в пределах России				
Прибывшие	68691	314,8	65437	298,7
Выбывшие	73129	335,1	69743	318,4
Миграционный прирост / снижение (-)	-4438	-20,3	-4306	-19,7
Международная миграция				
Прибывшие	2624	12,0	3697	16,9
Выбывшие	3319	15,2	4072	18,6
Миграционный прирост, снижение (-)	-695	-3,2	-375	-1,7

Миграция – всего	Январь-октябрь 2018		Справочно январь-октябрь 2017	
	всего	на 10 тыс. человек населения	всего	на 10 тыс. человек населения
В том числе: с государствами- участниками СНГ				
Прибывшие	2362	10,8	3077	14,0
Выбывшие	2656	12,2	3186	14,5
Миграционный прирост, снижение (-)	-294	-1,4	-109	-0,5
Со странами дальнего зарубежья				
Прибывшие	262	1,2	620	2,8
Выбывшие	663	3,0	886	4,0
Миграционный прирост, снижение (-)	-401	-1,8	-266	-1,2

Доминирующим компонентом миграционных процессов Пермского края традиционно является миграция в пределах России, большую часть которой составляют внутрорегиональные потоки. Наибольшее число выбывших на постоянное место жительства за пределы Пермского края традиционно выбрали регионы Центрального, Северо-Западного и Южного федеральных округов. Для выезжающих из края жителей к числу наиболее привлекательных территорий можно отнести г. Москву и г. Санкт-Петербург.

В части международного обмена населением в первом квартале 2018 г. сложилось отрицательное сальдо миграции. Со странами СНГ оно составило 57 человек, наибольший отток мигрантов наблюдался в Украину (114 человек), а наибольший приток отмечен в основном из Таджикистана и Казахстана (28 и 25 человек соответственно).

В табл. 5 помещены показатели миграции Пермского края со странами СНГ и со странами дальнего зарубежья.

Таблица 5

Показатели международной миграции

	Январь – июнь 2018			Справочно: январь – июнь 2017		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост, убыль (-)	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост, убыль (-)
Международная миграция в том числе:	1 485	1 863	- 378	2 233	2 247	-14
С государствами – участниками СНГ, в т.ч. по странам	1 322	1 338	- 16	1 743	1 485	258
Азербайджан	100	114	- 14	158	136	22
Армения	149	174	- 25	229	224	5
Беларусь	24	11	13	26	17	9
Казахстан	105	80	25	146	76	70
Киргизия	190	172	18	229	182	47
Молдова	13	16	- 3	12	26	- 14
Таджикистан	404	264	140	406	310	96
Туркмения	2	11	- 9	8	2	6
Узбекистан	85	103	- 18	119	118	1
Украина	250	393	- 143	410	394	16
со странами дальнего зарубежья	163	525	- 362	490	762	- 272

Из стран – участников СНГ наибольшее количество прибывших в Пермский край – из Таджикистана (404 человека); на втором месте – из Украины (250); на третьем – из Киргизии (190). В целом же наблюдается незначительная убыль (- 16 человек).

С государствами дальнего зарубежья сложилась миграционная убыль (-362 человека), как указано, за счет граждан Китая (-184 человека) и Индии (-124 человека). За январь-сентябрь 2017 г. миграционный отток составлял 14 человек.

Новые правила и законы о мигрантах, вступившие в действие в 2015 году в России, ужесточились. И это, естественно, уменьшило поток приезжающих в страну. Кроме того, нестабильная ситуация с возросшей инфляцией, ослаблением рубля, санкции и т. п. привели к тому, что сегодня мигранту уже не так интересно работать в России. В 2013 г. доллар стоил примерно 30 руб., в 2015 г. – 70 руб., в 2019 г. – 65 руб.; соответственно, при пересчёте в долларовом эквиваленте сегодня мигрант получает за свою работу в два раза меньше и, следовательно, может отправить семье сумму, гораздо меньшую, чем два года назад.

Сегодня на первый план вышла проблема мигрантов в глобальном мировом масштабе. Как известно, с проблемой интеграции мигрантов сталкивались все развитые европейские страны. Однако то, что происходит сегодня в странах Евросоюза, требует глубокого научного осмысления представителями различных наук. Каковы причины миграции массовой миграции беженцев, кто организовал этот процесс, овладеют ли мигранты Европой, как строить отношения с ними – это вопросы сегодня остро стоят на повестке дня.

В Российской социологической энциклопедии даётся следующее определение: «Миграция населения – этимологически означает переселение, перемещение, однако современное значение этого термина значительно шире. В научной литературе его применяют для обозначения социальных явлений, неоднозначных по своему характеру, последствиям и обуславливающим факторам. Встречаются четыре подхода к определению миграции народов. Во-первых, согласно наиболее широкой трактовке, к миграциям относятся все виды движения населения, имеющие

общественную значимость. Сюда включают не только все пространственные перемещения, но и текучесть кадров, их движение внутри предприятия, соц. перемещения Отраслевое, профессиональное и иное движение, не будучи собственно миграцией, связано с ней, но лишь в том случае, если оно сопровождается территориальным перемещением. Во-вторых, под миграцией понимается все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей. Сюда относят переезды из одних населенных пунктов в другие, ежедневные поездки на работу или учебу за пределы населённых мест, прибытие в тот или иной район на временные, в т. ч., сезонные работы, поездки в командировки, отпуск и др. перемещения. Из миграции исключают те пространственные перемещения, которые совершаются в пределах одного и того же населённого пункта. В-третьих, в миграции включают такие пространственные перемещения, совершающиеся между населенными пунктами, которые ведут к постоянной и временной смене места жительства, а также представляют регулярное двустороннее движение между местами жительства и местами труда и учёбы. В этом определении нет возвратных эпизодически совершающихся поездок из одних населенных пунктов в др. И, в-четвертых, к миграции относят такой процесс пространственного движения населения, который в конечном счёте ведёт к его территориальному перераспределению. В этом случае отнесение пространственного перемещения к миграции определяется фактическим переселением из одной местности в др. и в ряде стран – формальной пропиской на постоянном месте жительства. В результате переселения происходит соединение места жительства с местом приложения труда, учёбы или иной деятельности в одном населенном пункте (Российская социологическая энциклопедия; <https://sociologicheskaya.academic.ru/653>).

Миграция – сложный общественный процесс, затрагивающий практически все стороны социально-экономической, политической и культурной жизни целых народов и оказывающий огромное влияние на состояние демографической структуры общества. Вместе с тем обычно миграция является хорошим индикатором благополучия или, наоборот, неблагополучия различных сфер бытия в этих регионах.

Под интеграцией мы будем понимать, учитывая наличие многочисленных её определений, включение вынужденных переселенцев в местное сообщество. Интеграция предполагает включение в систему социальных отношений, экономической деятельности, а главное – в культурную среду.

Возвращаясь, однако, к теме миграции в России заметим, что для нашей страны данная тема стала особо актуализироваться после распада Советского Союза. В нашей стране накоплен определённый опыт количественного и качественного исследования поведения мигрантов и их взаимоотношений с представителями местного сообщества различных регионов. Сегодня миграционная проблема – одна из острых и актуальных во всём мире. В содержание научных номинаций многообразных видов и форм миграций (беженцы, вынужденные мигранты, репатрианты, трудовые мигранты и т. д.) исследователи вкладывают различный смысл и не всегда едины в понимании сущности миграционных процессов. Образные представления о миграции – в виде муравейника, бурных потоков людей, наводнений, пришельцев – всплывают в сознании людей, далёких от научных теорий.

В каждом регионе существуют программы, проекты, направленные на обеспечение оптимально благоприятного внедрения мигрантов в ту или иную среду. В 2008 г. в Пермском крае была принята Краевая целевая программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на 2009–2013 гг., в которой зафиксировано, что органы власти наме-

рены с позиций программно-целевого подхода в национальной политике края «объединять усилия всех звеньев системы власти, научных, образовательных, культурных учреждений, творческих коллективов, учреждений физической культуры и спорта, общественных национальных и других объединений для обеспечения стабильного позитивного развития сферы межэтнических отношений в Пермском крае, что включает в себя обеспечение для представителей этнических сообществ Пермского края равных возможностей для изучения родных языков, доступа к этнокультурным ценностям, участия в этнокультурных проектах и акциях; обеспечение сохранения стабильной этнополитической ситуации и недопущение социальных конфликтов на межэтнической почве; обеспечение сохранения, развития и популяризации лучших образцов национальных культур, народного творчества как основы развития культурно-исторического наследия Пермского края; разработку и внедрение в повседневную практику системы мер раннего учета и предупреждения этнического экстремизма и межэтнических конфликтов, инновационных технологий по формированию толерантности в пермском региональном сообществе; создание условий для культивирования традиционных национальных видов спорта с целью пропаганды здорового образа жизни среди населения края» [Консультант Плюс: Пермский край эл. ресурс].

В Пермском крае ежегодно проводится Форум национально-го единства. Так в ноябре 2018 г. состоялся уже пятый форум, в котором приняли участие представители общественности, научного сообщества, духовенства; представители власти федерального, регионального, местного уровней. Гостями Пермского края стали более 500 делегатов из 41 субъекта РФ. Традиционной темой форума является вопрос реализации единой национальной политики на территории Российской Федерации. На протяжении ряда дней участники форума обменялись опытом по реализации Стратегии государственной национальной политики

в различных регионах нашей страны, а также обсудили перспективы развития сферы межнациональных отношений.

В рамках форума прошел ряд Круглых столов («Реализация Стратегии государственной национальной политики: точка зрения экспертов.2.0»; «Деятельность ресурсных центров в сфере национальных отношений», «Образ будущего многонациональной России»); мастер-классов, семинаров («Государственно-общественное партнерство в социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в регионах России», «Этномедиация как эффективный инструмент предотвращения конфликтов на национальной почве»); конкурс лидеров некоммерческих организаций и общественных объединений, реализующих проекты в сфере государственной национальной политики Российской Федерации; Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы укрепления гражданской нации в России. Роль высшей школы»; курсы повышения квалификации («Религиозные институты в светском государстве: исторический опыт и современность», «Профессиональные стрессы и синдром профессионального выгорания лидеров национальных общественных объединений. Профилактика и методы восстановления»); Мастерские экспертов народно-художественного творчества в «Губернии»; ярким событием стал Фестиваль национальных культур и др. В ходе мероприятий были затронуты актуальные вопросы межнациональных отношений в России, воспитания гражданственности и укрепления единства российской нации. Отдельным направлением в работе форума стали семинары и практикумы для работников муниципальных органов.

Однако несмотря на желание всех сторон сохранять мир и согласие в области межэтнических отношений, на практике оказывается не всё так хорошо и гладко. Представители власти, как правило, работают с руководителями диаспор; с мигрантами, которые успешны, достигли каких-либо результатов в новой среде. Вопро-

сы: «Каким же образом происходит адаптация вновь прибывших мигрантов, какие проблемы становятся для них первоочередными, какие жизненные и культурные практики принимающей стороны трудно осваиваемы ими, представители каких сообществ легче адаптируются и т. п.» – так и остаются без ответа. Усилия, которые прилагает власть, порой недостаточны для создания комфортной среды для приезжих. С другой стороны, миграционные потоки, которые с каждым годом растут, являются источником повышенной опасности и дестабилизации принимающего общества.

Сегодня не требует доказательства факт, что современные проблемы социально-экономического развития многих стран во многом связаны с миграционными процессами. Влияние миграции на состояние практически всех сфер общественной жизни становится довольно выраженным.

В практическом воплощении существует разрыв между двумя процессами: с одной стороны, мигранты должны проявлять лояльность к национально-государственной целостности территории-реципиента, интериоризировать её ценности, традиции, язык; с другой, принимающая сторона должна признать идентичность и социально-культурные групповые и индивидуальные практики мигрантов.

Таким образом, **цель нашего исследования** – проанализировать процесс интеграции мигрантов в среду города Перми на современном этапе, выявить реальные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты при адаптации, сформулировать последующие рекомендации по избежанию указанных проблем.

Причем, в отличие от социологических методов, базирующихся на масштабных эмпирических данных, наше внимание будет сосредоточено, прежде всего, на человеке, приехавшем в Пермский край на заработки. При этом также предполагается выявить тенденции в сформированности проблем интеграции трех групп мигрантов – узбеков, таджиков, киргизов.

Новизна идеи состоит в получении информации интегрированным путём. Сравнительный анализ материала, произведённый с помощью социологических и лингвистических методов (метод анкетирования, анализ текстов, метод лингвистического описания и интерпретации экспериментальных данных и текстов, контент-анализ, лингвистический ассоциативный эксперимент, социолингвистическая интерпретация данных, метод моделирования) позволит достичь поставленной цели.

Основным направлением изучения миграционных процессов изначально было социально-экономическое. В работе «Методология и методы миграционных процессов» (2007) представлена матрица социальных дисциплин, исследующих указанный феномен, с перечнем исследовательских вопросов и основных теорий (Табл. 6).

Таблица 6

Миграционная теория в социальных дисциплинах

Дисциплина	Исследовательские вопросы	Уровни / единицы анализа	Основные теории	Примеры гипотез
Антропология	Как миграция вызывает культурные изменения и воздействует на этническую идентичность?	В основном микро / индивиды, группы, домохозяйства	Рационализм или структуралистские и транснациональные	Социальные сети помогают поддерживать культурные различия
Демография	Как миграция воздействует на характеристики населения?	В основном макро / население	Рационализма (много заимствовано из экономики)	Мигранты повышают рождаемость из-за разного репродуктивного поведения с коренным населением

Дисциплина	Исследовательские вопросы	Уровни / единицы анализа	Основные теории	Примеры гипотез
Экономика	Чем объясняется решение мигрировать и эффект этого решения?	Более микро/индивидуальный	Рационализм: выталкивания – притяжения; (затраты-выгоды)	Приживаемость зависит от качеств индивида (человеческого капитала)
История	Каков миграционный опыт мигрантов?	Более микро/индивидов и групп	Избегает теории и проверочных тестов	Не применяются
Право	Как законодательство влияет на миграцию?	Макро/ и микро /политическая и законодательная системы	Заимствована из социальных наук теории институционализма и рационализма	Права, создают ... структуры для мигрантов
Политология	Почему государству трудно контролировать миграцию?	В основном макро / политические и международные системы	Институционализм и рационализм	Государство часто является заложником проиммигрантских интересов
Социология	Чем объясняются разные формы адаптации мигрантов?	Более макро / этнических групп и социальных классов	Структурализм и/или функционализм	Приживаемость и интеграция зависят от социального капитала мигранта

Как видим, матрицу составляют такие дисциплины, как это социология, антропология, демография, экономика, история, право, политология, социология. Представим тезисно мнение авторов.

Для историков главными, подлежащими изучению вопросами, являются вопросы, связанные с конкретными местами и периодами: например, каковы причины, определяющие движение

населения, каковы его последствия, кто именно участвует в миграциях, когда начинается движение, и почему люди начинают мигрировать? Почему некоторые люди остаются на месте? Как мигранты переживают исход, миграцию и расселение на новом месте? Эти вопросы обычно и, как правило, ставят в отношении определённых групп (и даже отдельных людей), не сравнивая их опыт с опытом других групп, поскольку попытки такого сравнения требуют *огромных лингвистических знаний*. В истории (как дисциплине) повествования о том, как расселяются разные группы, как они строят свои общины и свою идентичность, преобладают над анализом миграционных процессов.

Антропологи сосредотачивают внимание на контексте этнографических исследований. Они стремятся заняться межкультурными сравнениями, которые позволяют строить обобщения, охватывающие разные территории и разные эпохи. Следовательно, антропологи ориентированы на построение универсальной, устанавливающей закономерности, и на общие законы теории. Антропологи с помощью этнографии стараются понять, что значит быть иммигрантом, постичь смысл, суть, которую иммиграция имеет для самих мигрантов, суть социальных и культурных изменений, являющихся результатами выхода из одной среды и вступления в Другую. Вопросы, которые ставятся в антропологических исследованиях по миграции, обусловлены предположением о том, что последствия миграций для мигрантов предопределены их социальным, культурным и гендерным статусом и что мигранты сами определяют своё поведение, интерпретируя свой опыт и конструируя его в рамках структурных ограничений.

Для социологов главные вопросы это: «Почему происходит миграция?», «Что делает миграцию устойчивой во времени?». Социологи имеют общую с антропологами теоретическую основу. И те, и другие опираются на классические труды социальной

теории (труды Маркса, Дюркгейма и Вебера) и склонны акцентировать особое значение социальных отношений как чрезвычайно важного для понимания процесса миграции и инкорпорирования иммигрантов обстоятельства. Впрочем, социологи изучают, почти исключительно, принимающие общества, тогда как антропологи зачастую изучают и отправляющие, и принимающие общества, а иногда одновременно и те, и другие. Различие этих двух дисциплин – результат их исторического происхождения: социология изначально занималась изучением западных учреждений и западного общества, антропология – изучением «других» обществ.

Если антропологи придают особое значение культурной конструкции и символическим маркерам этнической идентичности, то социологи подчеркивают институциональные проявления этнических отличий. И то, и другое одинаково важно, но различие акцентов отражает различие гносеологических установок, господствующих в каждой из двух дисциплин, и, соответственно, различие в постановке вопросов социологами и антропологами.

Для демографов главный вопрос – вопрос о природе демографических изменений, основными составляющими которой являются рождаемость, смертность и миграции. Опираясь преимущественно на обобщенные данные, демографы документируют характер, модель и направление миграционных потоков и характеристики мигрантов (возраст, пол, род занятий, образование и т. д.). Демографы не меньше, чем историки, антропологи и социологи интересуются вопросам о том, кто и когда мигрирует, но для того, чтобы дать ответы на эти вопросы, демографы занимаются построением прогнозных моделей.

Экономисты также строят модели, позволяющие прогнозировать более или менее позитивную селекцию при разных условиях. Это скорее теория «спроса», чем теория результатов, но эта

теория «спроса» отражает более фундаментальные предположения, которые формируют значительную часть ведущихся экономистами исследований миграции. Главным из этих предположений является предположение о том, что люди действуют рационально и стремятся максимизировать свою полезность.

Политологи и юристы позднее других вступили в исследования миграций. Политологи, обратившиеся к изучению иммиграции, занимаются, главным образом, тремя темами. Первая из них – роль национального государства в управлении миграционными потоками и в контроле над собственными границами. Вторая – воздействие миграции на институты суверенитета и гражданства и взаимосвязь миграции с одной стороны и внешней политикой и политикой национальной безопасности – с другой. Третья тема – проблема инкорпорации. Политология уделяет внимание работам социологов и экономистов о социальной и экономической инкорпорации, и дополняет эти исследования изучением политической инкорпорации, говоря конкретнее, изучением вопросов обретения гражданства и прав. Эта проблематика хорошо освоена и юристами.

Подобно социологам, политологи занимаются преимущественно проблемами принимающего общества, хотя можно найти и очень немногочисленных исследователей, занимающихся эмиграционной политикой (правилами, регулирующими выезд), а не иммиграционной политикой (правилами, регулирующими въезд).

С нашей точки зрения, сегодня международная миграция настолько многогранный процесс, что открывает новые горизонты исследований учёным гуманитарных отраслей знания – культурологам, лингвистам, психологам.

Социологические, экономические, антропологические и другие теории миграционных процессов могут быть дополнены исследованиями, выполненными в лингвокультурологической

проекции с акцентом внимания на проблему конкретного мигранта, а не сообщества, к которому он принадлежит.

Результаты исследования семиотической репрезентации киргизов, таджиков и узбеков в пермскую городскую среду

Перспективными и интересными для изучения, на наш взгляд, в направлении интеграции мигрантов в иную для них среду видятся способы семиотической репрезентации национально-культурных автономий в осваиваемом пространстве. Указанные способы интерпретируются как совокупности сообщений, выражаемых семиосферой городского пространства, – памятниками, зданиями, религиозными учреждениями, особой топографией; также национальными праздниками, национальной кухней; их количественными и качественными показателями и степенью значимости для той или иной диаспоры. Следует предположить, что в многонациональных городах при пропагандировании идеи этнокультурной толерантности формируются стратегии этнокультурного выделения, идентификации и презентации. В семиотических структурах города возможно выявить способы культурной идентификации представителей различных диаспор в соотношении с городской идентичностью, их отражение в городском тексте, в дискурсивных практиках. Этнические сообщества могут презентовать себя как через семиотически постоянные объекты, так и через периодически возобновляющиеся динамические событийные ряды.

В реализации стратегии этнокультурной идентификации и презентации особую роль играет семиотика конфессиональных зданий: храмы, мечети, синагоги, комплексы других религиозных конфессий, которым придается особое значение в этнокультурной консолидации диаспор. Можно обратить внимание на архитектурную семиотику, репрезентирующую мифологему мультикультурности городской идентичности, и в присутствии в пространстве города зданий, построенных знаменитыми пред-

ставителями различных диаспор (знаменитыми узбеками, немцами и др.). Наряду с отдельными зданиями определённую роль в маркировании этнокультурной идентичности играют офисы культурно-этнических сообществ: их локализация, оформление, доступность.

Городское пространство дополняется и появившимися в последние годы многочисленными зданиями ресторанов, закусочных узбекской, таджикской, грузинской и других национальных кухонь. Обычно такие здания оформляются элементами малых архитектурных форм, специфическим национальным орнаментом, выбираются и интерьерные решения, характерные для соответствующей культуры, что может быть интерпретировано как способ взаимной дискурсивной поддержки репрезентирующих стратегий. Как известно, что национальная кухня является одним из наиболее активно используемых маркеров национальной идентичности, особенно актуализирующихся в инокультурном окружении. Именно национальная кухня позволяет подчеркнуть принадлежность к тому или иному этносу в обыденной жизни.

В системе семиотической репрезентации стратегии образа многонационального города с актуализацией идеи этнокультурной толерантности значительную роль играют наличие / отсутствие, например, Домов дружбы и Этнокультурных центров.

В динамических событийных рядах чрезвычайно важное значение имеет (наряду с архитектурными знаками) система национальных праздников, концертов, фестивалей и т. п., подчеркивающих этнокультурную самоидентификацию и презентацию. Такие праздники направлены как внутрь, так и вовне этноса. Основная цель этих событий – репрезентация этноса инокультурному окружению, направленная на формирование положительного эмоционального фона существования этноса в инокультурном окружении.

Таким образом, идеи мультикультурности, национально-культурной специфичности той или иной диаспоры в соотнесении с идеями интегративной городской идентичности могут найти комплексное постоянное выражение в городском пространстве, формируемом архитектурным комплексом, элементами городского ландшафта в их семиотическом функционировании и поддерживаться семиотикой событийного ряда праздников, фестивалей, социальных мероприятий.

Результаты наблюдений по данному аспекту. В анкетировании приняли участие по 50 человек каждой национальности. Безусловно, для масштабных социологических исследований данная цифра не является убедительной, однако нашей целью было исследование проблем адаптации конкретного человека-мигранта. К тому же опрос 150 человек позволяет говорить об определённых тенденциях по интересующим исследователя вопросам.

Киргизы. По данным переписи населения численность киргизов в Пермском крае в 2010 г. составляла 1003 человека [О национальном составе...]. С 2007 г. в Пермском крае действует «Союз кыргызстанцев». Активисты общества принимают участие в краевых и городских проектах, среди которых выставка «Пермь – наш дом», краевой Новруз, «Школа русского языка для мигранта», общественные приёмы по вопросам трудовой миграции, спортивные мероприятия. По количеству постоянно проживающих членов диаспоры киргизы являются самой динамично развивающейся этнической общностью Прикамья. Киргизская диаспора в основном представлена мигрантами, первые из которых появились в Прикамье в 1990-е гг. Большинство киргизов сегодня трудятся в сфере благоустройства и ремонтных работ в ЖКХ. Члены «Союза кыргызстанцев» являются ежегодными победителями турниров по волейболу, который очень популярен в Кыргызстане. В конце 2012 года прошли

торжественные мероприятия, посвящённые 5-летию Союза. Участие в юбилее приняли приглашённые руководители краевых национально-культурных центров, органов власти, руководители киргизских диаспор Челябинской, Свердловской, Курганской, Тюменской областей и Алтайского края. По итогам мероприятия была выпущена брошюра «Киргизы Пермского края: нам пять лет».

По самым последним данным (31.12.2015), как заявила проктор по работе с иностранными студентами Российского университета дружбы народов (РУДН) А.В. Должикова, самыми грамотными мигрантами стали украинцы и киргизы [Должикова, эл.р.]. По итогам первого года сдачи обязательного комплексного экзамена по русскому языку, основам права и истории России для иностранцев – трудовых мигрантов и тех, кто хочет получить вид на жительство, выяснилось, что лучше всего эти предметы знают граждане Украины и Киргизии. Всего экзамены сдали более 1,7 млн. человек – при этом успешно прошли тест 90 % всех приезжих. По ее словам, легко сдавать было экзамены украинцам ввиду близости к русской культуре, а киргизам – в связи с тем что на их родине русский язык преподается в школах. Чаще всего тест сдавали в 2015 г. граждане Узбекистана (около 44 %), за ними следуют таджики (23 %), украинцы (11 %), азербайджанцы (5 %), молдаване (4 %), китайцы, армяне и киргизы (по 3 %).

Таджики.

По данным переписи населения 2010 г., численность таджиков в Пермском крае составляет 3548 человек [О национальном составе жителей Пермского края, эл. ресурс].

Некоммерческое партнерство «Союз таджиков Пермского края» было основано в 2004 г. Таджикская диаспора активно участвует в культурной жизни города, выходит с собственными инициативами. Формирование таджикского населения в Прикамье

началось в XX в. Костяк диаспоры составили выходцы из Таджикистана, осевшие в Перми в советское время. В летний период диаспора значительно увеличивается за счёт временных трудовых мигрантов. В новых социально-экономических условиях таджики прочно заняли несколько сфер деятельности, в которых они представлены массово: розничная торговля, строительство, сельское хозяйство. В последние годы таджики заняты также в сфере пассажирских перевозок и такси. Пермские таджики сохраняют многие черты этнической культуры: праздники, ритуалы, национальную кухню. В числе задач Союза таджиков Пермского края решение организационных и социально-экономических вопросов жизни общины, культурные контакты с Таджикистаном. Прикамские таджики принимают участие в различных акциях и мероприятиях по социальной адаптации мигрантов. В 2008 г. на базе краевой библиотеки им. А.М. Горького прошли Дни таджикской поэзии, значимым для города было проведение Дней таджикской культуры в 2010 г. Большой интерес вызвали мастер-классы по традиционной таджикской культуре, проведённые в 2012 г. в рамках выставки «Пермь – наш дом».

Узбеки.

По итогам переписи населения 2010 г., численность узбеков, проживающих в Прикамье, составила 4215 человек.

Общественные организации узбеков Прикамья появились в 2000-е гг. В 2008 г. была зарегистрирована Пермская региональная общественная узбекская организация «Содействие развитию межнациональных отношений и культуры «Содружество». В 2009 г. было зарегистрировано Некоммерческое партнерство «Общественный центр узбеков Перми», куда вошли наиболее влиятельные представители узбекской общины Перми и Пермского края. Основная деятельность узбекской общины направлена на содействие в адаптации соотечественникам, приезжающим для работы в Пермский край. Значительная часть узбе-

ков, постоянно проживающих в Прикамье, – городское мужское население. Большее число сосредоточено в Перми, Березниках, Соликамске и Пермском районе. Прикамские узбеки прочно заняли несколько сфер занятости: строительство, торговля и сельское хозяйство. Труд граждан Узбекистана активно используется и управляющими компаниями при проведении ремонтных работ различного характера. В Перми и Пермском крае также работает несколько ресторанов узбекской кухни (кафе «Узбечка», «Узбекистон» и другие). Община продолжает сохранять отдельные черты своей культуры. Так, например, некоторые праздники отмечаются по исламским нормам, а первое поколение мигрантов до сих пор сохраняет свободное владение родным языком. Узбеки традиционно принимают участие в краевых и городских проектах, среди которых выставка «Пермь – наш дом», краевой весенний новый год Новруз, «Школа русского языка для мигранта», общественные приемные по вопросам трудовой миграции, спортивные мероприятия. Команда узбекской диаспоры ежегодно становится победителем или призером краевых межнациональных турниров по футболу. Большой интерес пермяков вызвали мастер-классы по узбекской культуре в рамках выставки «Пермь – наш дом» в 2012 г., а в 2013 г. был записан «Курс русского языка» с комментариями на узбекском.

Выше обозначенную информацию мы находим в официальных источниках.

Однако, в ходе опроса, один из вопросов которого был связан с выяснением, есть ли в Перми особенные для того или иного народа места (памятники, особые здания). И если есть, то почему это место памятно и значимо и где оно находится, мы получили следующие результаты.

80 % опрошенных таких мест не знают. По трём группам информантов результаты распределились следующим образом (Табл. 7).

Таблица 7

Результаты исследования значимых мест для мигрантов
в Перми по группам, в %

Вопрос	Мигранты		
	Киргизы	Таджики	Узбеки
Кол-во испытуемых, отрицательно ответивших на вопрос «Есть ли в Перми особенные для того или иного народа места (памятники, особые здания). И если есть, то почему это место памятно и значимо и где оно находится»	92 %	92 %	98 %

Причём представляют интерес те ответы, которые дают испытуемые в качестве обозначения таких мест.

Киргизы: *Мечеть новая; парки, скверы; мечеть* (2 ответа); *Кунгур-центр; Драмтеатр.*

Узбеки: *Площадь Карла Маркса, памятник у танка (памятник хороший и сквер хороший).*

Таджики: *зоопарк, Мечеть по Монастырской* (3 ответа).

На вопрос «Посещаете ли религиозные учреждения и какие?» 53 %, опрошенных ответили положительно, 47 % – не посещают либо не ответили на данный вопрос. По трём группам мигрантов результаты следующие (Табл. 8).

Таблица 8

Результаты исследования посещения религиозных учреждений Перми мигрантами по группам, в %

Вопрос	Мигранты		
	Киргизы	Таджики	Узбеки
Кол-во испытуемых, посещающих в Перми религиозные учреждения	53 %	59 %	45 %

Таким образом, по нашим данным, если говорить о религиозном портрете приезжих, то граждане Таджикистана демонст-

рируют наиболее высокую степень принадлежности к своему вероисповеданию (исламу) и следуют религиозным практикам, находясь в Перми, в большей степени, нежели другие группы. Также отметим, что среди приезжих из Таджикистана заметно выше доля тех, кто регулярно посещает мечеть (реакции – *каждую пятницу* или *стараюсь заходить ежедневно*), в сравнении с приезжими из Киргизии и Узбекистана.

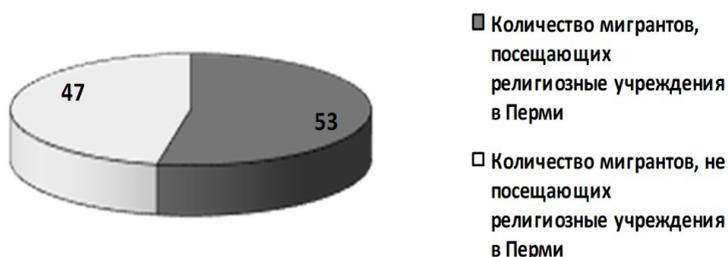

Рис. 1. Религиозный портрет мигрантов-киргизов, приехавших в Пермь

Рис. 2. Религиозный портрет мигрантов-таджиков, приехавших в Пермь

Рис. 3. Религиозный портрет мигрантов-узбеков, приехавших в Пермь

Таким образом, мы не обнаружили особых различий (кроме религиозной активности) в способах семиотической репрезентации национально-культурных диаспор киргизов, таджиков и узбеков в осваиваемом пространстве г. Перми. Определить особые специфические особенности деятельности по данному аспекту той или иной диаспоры мы не можем. Кроме того, пермская среда осваивается сообществами крайне односторонне: в большей степени через семиотику событийного ряда праздников, фестивалей, социальных мероприятий, находя отражение в разовых практиках, а не в постоянных (скажем, в архитектуре города, элементах городского ландшафта и т. п.). Хотя некоторые наслышаны о новой мечети, что было отражено в анкетах. В конце 2015 г. было объявлено, что недалеко от Центрального рынка, по адресу улица Крылова 36 в., будет построена новая мечеть в Перми. Накануне праздников региональное Духовное управление мусульман представило эскизный проект мечети, утвержденный Верховным муфтием России Талгатом Таджуддином.

Результаты исследования образа г. Перми в обыденном сознании мигрантов

Не менее интересными могут стать исследования образа принимающего пространства, сформированного в языковом созна-

нии представителей миграционных сообществ, до прибытия и после. Использование ассоциативного языкового материала, направленного на выявление положительного или отрицательного образа территории-реципиента, поможет проследить эволюцию этого образа и возможные причины несоответствия ожиданиям.

Дизайн исследования. Испытуемым-мигрантам (также по 50 человек от каждого исследуемого народа) было предложено задание: Описать город Пермь любыми словами, первыми приходящими в голову. Далее задавался вопрос: «Оправдались ли ваши ожидания после приезда в город?». Предполагалось, что анализ свободных ассоциаций, полученных в ходе опроса как реакции на слово-стимул – название города, дадут достаточно точное и объективное представление о реальных составляющих образа принявшей их территории. Полученный материал позволит выявить соотношения универсальности и специфичности представлений различных групп мигрантов о городской среде. Подобные репрезентации являются индивидуальным и субъективным феноменом человеческой психики, а выявление универсального компонента в представлениях о них может продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры представлений об определенном пространстве. При таком подходе можно изучить проблему универсальности и специфичности представленности городского пространства, выделяя центральное поле представлений и периферийное; а также сходство и различие образа города у разных групп мигрантов. Подробнее указанная методика описана в коллективной монографии «Человек в городе и город в человеке (социолингвистическое исследование)» [Черноусова, 2013].

Результаты исследования по данному аспекту. Был проведён опрос, как уже отмечалось, с 50-ю представителями каждой из диаспор, с целью описания г. Перми; однако полученный ма-

териал не позволил выявить ярко специфический образ Перми у узбеков, или таджиков, или киргизов.

Лексические единицы, которые используют представители всех групп, не отличаются семантическим разнообразием и коннотативными оттенками. Кроме того, наш интерес об оправданности / неоправданности ожиданий относительно Перми (показался лучше или хуже после приезда) не может быть удовлетворён по следующей причине: в основном своем большинстве мигранты приехали в Пермь по рекомендации знакомых и родственников и поэтому уже имели определённый образ Перми в своём сознании (наиболее частый ответ на данный вопрос: *город оказался таким, каким я его представлял*).

Слова, которыми была описана мигрантами Пермь, мы организовали в 3 группы: 1) реакции с положительной оценкой; 2) реакции с отрицательной оценкой; 3) безоценочные реакции. За одну реакцию принималось как одно слово (например, *серый*), так и словосочетание (*много достопримечательностей*). Если слово / словосочетание трудно было распределить по обозначенным группам (например, *много народу*), мы относили его к третьей группе.

Представим результаты исследований в таблице 9.

Таблица 9

Образ города Перми в сознании мигрантов

Характер оценки	Реакции	Количество реакций
Положительная оценка	Хороший	24
	Красивый	16
	Интересный	12
	Гостеприимный	6
	Светлый	4
	Чистый	3
	Люди хорошие	3
	Дружелюбный	3

Характер оценки	Реакции	Количество реакций
	Развитый	3
	Город строится, расширяется	1
	Хорошее место	1
	Хорошая погода	1
	Город с возможностями	1
	Приятный	1
	Большой центр	1
	Лучше, чем другие города	1
	Нравится в городе	1
	Ухоженный	1
	Хорошо здесь жить	1
	Итого	84
Отрицательная оценка	Холодный	9
	Серый	6
	Закрытый	3
	Страшный	2
	Много дождей, очень сырой	1
	Мрачный город с хрущевками	1
	Необитаемый	1
	Немного враждебный	1
	Военный	1
	С заводами и выбросами	1
	Итого	26
Нейтральная оценка	Большой	26
	Нормально, можно жить / Нормальный	24
	Обычный	20
	Много народу / много людей	6
	Затрудняюсь ответить	3
	Провинциальный	2
	Впервые видела высотки	1
		Итого
	Всего	192

Чаще всего мигранты описывают Пермь следующими лексемами – *большой* (14 %) и *хороший* (13 %). Первое слово мы отнесли к группе с нейтральной оценкой, второе – с положительной; также 13 %-ую активность имеет слово и его варианты *нормально*, *можно жить / нормальный*, которые мы поместили в 3 группу. Для 11 % мигрантов Пермь предстает как *обычный* город (20 реакций), 9 % испытуемых считают Пермь *красивой* (16).

Преобладание положительных и нейтральных оценок образа Перми мы объясняем, отчасти, субъективным фактором (несмотря на анонимность исследования, мигранты рисуют более позитивный образ принимающей стороны), а более убедительным является то обстоятельство, что в Пермь они приехали не случайно (по рекомендации родственников и знакомых). Так, 12 человек (7 %) обозначают Пермь как *интересный* город; для 6 мигрантов (4 %) он *гостеприимный*; для 4-х (2 %) – *светлый*; по 3 информанта (1 %) обозначили лексемы *чистый / люди хорошие / дружелюбный / развитый*.

Достаточно прогнозируемой является оценка *холодный*, данное слово встретилось нам в 9 анкетах (5 %), в 6 анкетах – слово *серый*, 3 человека (2 %) охарактеризовали Пермь как *закрытый* город. Данное слово отметили испытуемые старше 50 лет, которые, по-видимому, знают, что в советское время из-за стратегически важных и секретных отраслей промышленности Пермь долгий период (вплоть до 1989 г.) оставалась закрытым городом. Для 2 людей (1 %) Пермь – *страшный* город. Обозначенные лексемы мы поместили в группу с отрицательной оценкой.

Группа с нейтральной семантической оценкой, помимо описанных выше, включает слова / словосочетания *много народу / много людей* (6 ответов, 4 % соответственно), 3 человека затруднились ответить (2 %), для 2 человека Пермь – *провинциальный* город (1 %). Выражение *впервые видела высотки* трудно отнести к какой-либо группе, поэтому мы отнесли к третьей.

Рис. 4. Оценочные составляющие образа города Перми в восприятии мигрантов

Пожалуй, более интересными в лингвистическом ключе оказываются одиночные оценки образа Перми. Так, среди положительных реакций мы видим: *город строится, расширяется, хорошее место, хорошая погода* (по-видимому, повлияла ситуация дня с хорошей погодой, встречающаяся в Перми крайне редко), *город с возможностями* (отметил информант 26 лет), *приятный, большой центр, лучше, чем другие города, нравится в городе, ухоженный, хорошо здесь жить*. Лексические единицы с отрицательной оценкой и единичной воспроизводимостью-много дождей, *очень сырой, мрачный город с хрущевками, необитаемый, немного враждебный, военный, с заводами и выбросами* – отражают не очень хорошие погодные условия, старый жилищный фонд, промышленный характер города.

Также особый интерес представляют не просто отдельные слова / словосочетания о Перми, а небольшие тексты информантов, позволяющие судить о неоднозначном образе Перми.

1) Мигрант из Киргизии (ж., 56)

После маленькой деревни Пермь показалась большим мегаполисом с большими домами, машинами и автобусами. Говорили,

что закрытый город и кого попало не пускают; пугали, что нас обратно отправят. Все оказалось куда лучше. Город действительно большой, красивый, много достопримечательностей.

2) Мигрант из Киргизии (м., 33 года)

Рассказывали, что это большой город. Много машин и заводов. А ещё много дождей и мало солнечных дней. Так и оказалось.

3) Мигрант из Таджикистана (м., 49)

Представлялся – закрытый город. Мало что известно о нем. Теперь привычный.

4) Мигрант из Таджикистана (м., 36)

Когда ехал, думал, что это большой и страшный город. А оказался красивым, чистым.

5) Мигрант из Таджикистана (м., 33)

Хорошая местность. Люди лучше, чем в Сургуте (12 лет работал там), относятся хорошо, хотя серый, как везде.

6) Мигрант из Таджикистана (ж., 26)

До приезда думала, что Пермь – большой и грязный город. А сейчас – светлый, довольно чистый на центральных улицах и грязный на окраинах.

7) Мигрант из Таджикистана (м., 29)

Своеобразный город, надо к нему привыкать, вливаться в ритм. Все постоянно спешат, толкаются. Все достопримечательности обошли за 2 дня. Их очень мало.

8) Мигрант из Таджикистана (м., 23)

Думал, что Пермь как Москва: большая, много-много машин, метро и поезда. Оказалось, что поменьше, чем Москва, без метро, зато постоянно летают истребители.

9) Мигрант из Узбекистана (м., 46 л.)

До приезда думал, что это большой областной город, второй Ташкент, думал метро есть, высотные здания, много храмов; а реально это большая деревня: деревянные дома, бараки

(попал в Мотовилиху); колея, а не дорога на Садовом. Ожидания не оправдались.

10) Узбекистан (ж, 46 л.)

Город, где много работы и где можно найти мужа. Провинциальный серый, с большими улицами. В реальности – таким и оказался.

К сожалению, по собранным эмпирическим данным нам не удалось составить образ Перми, сформированный у киргизов, таджиков и узбеков в сравнении. Либо скованность при анкетировании, либо небольшой словарный запас, либо другие причины привели к тому, что отражены однообразные реакции, не позволяющие выявить что-то специфичное для той или иной этнической группы в сформированности образа города Перми и оправданности / неоправданности ожиданий от пермской городской среды.

Мы отдаём себе отчёт, что представители трех групп мигрантов являются носителями разных культур, своих традиций, имеют различную историю, но в нашем исследовании сложился некий обобщенный портрет мигранта, приехавшего на заработки в Пермь, своеобразно воспринимающего сложный образ территории-реципиента. Перспектива исследования видится в более тонких и детальных методах получения информации с целью сравнительного анализа.

Тем не менее, мы выявили определённое знание мигрантов о пермской городской среде, которое основано на обыденных понятиях, сформированных в обыденном сознании мигранта. Образ Перми включает различные составляющие и отражает типовые связи, определяет тот стандарт, в котором зафиксированы наиболее актуальные для обыденного сознания семантические отношения и закономерности их осмысления. В лингвистическом и культурологическом ключе здесь отражается та совокупность знаний, которая является достоянием как отдельного но-

сителя языка и носителя культуры о городе, так определённого коллектива, социальной группы, в нашем случае – группы 150 мигрантов.

Результаты исследований образа миграционных сообществ в публицистических текстах

Актуальным и объективным видится, на наш взгляд, изучение образа миграционного сообщества, отражённого в текстах Интернет-изданий. Выявление текстов, отражающих образ того или иного миграционного сообщества в информационном пространстве и последующий анализ указанных текстов предположительно покажет, как формируется общественное мнение о деятельности той или иной диаспоры, её руководителях и т. д. Адекватным методом анализа может выступить контент-анализ, который позволит выявить в материалах текстовые блоки, формирующие образ диаспор, и языковые единицы, являющиеся их выражением. Анализ формируемого образа той или иной диаспоры по данным из прессы и Интернет-источников позволит создать обобщенный и объективный её образ.

Материалом для данной части исследования послужили официальные статистические и аналитические отчеты и сводки, тексты разной тематики, размещенные на Интернет-страницах. Все материалы связаны общностью цели – созданием наиболее целостного и структурированного образа.

Образ миграционного сообщества, отражённый в публицистических текстах, включает оценочный компонент, поскольку основная цель текста СМИ – воздействие на аудиторию и создание в сознании читателя определённой концептуальной модели действительности.

Нашей целью выступает анализ оценочных компонентов, используемых для создания образа мигрантов трёх групп. Пожалуй, самый разработанный подход, который используется для анализа образа чего-либо – это применяемый в медиалингвисти-

ке метод анализа коммуникативных и лингвистических особенностей отражения в региональной прессе.

Данный подход предполагает описание традиционных составляющих коммуникативной ситуации статьи: определение типа авторства, типа адресата, условий появления текста, а также собственно лингвистических особенностей текста – стиля, наиболее устойчивых выражений, оценочных компонентов, заголовочных комплексов и композиции (блоков) издания. В нашем случае мы также обратим внимание также на тональность текстов, характер описываемых ситуаций и т. п.

В лингвистическом же аспекте интересен и второй подход, который относится к традиционной сфере функциональной стилистики и предполагает выявление оценочных и квазиоценочных компонентов, из которых складывается образ. В стилистике ресурсов оценочные компоненты значения выделяют у собственно оценочных единиц (в качестве базового значения) и контекстуально-оценочных, которые приобретают дополнительную коннотацию лишь в условиях употребления.

В качестве методики анализа предлагаем рассматривать:

- а) собственно оценочные компоненты, включающие оценочность в ядро значения (*хороший, плохой, полезный, вредный* и т. п.),
- б) контекстуально-оценочные единицы, приобретающие положительную или отрицательную окрашенность в контексте, под влиянием других единиц, а также обладающие так называемой культурной оценочностью, когда устойчиво положительно или отрицательно оценивается само явление действительности, которое эти единицы обозначают, при этом слова могут быть нейтральными в словарном толковании (например, единица «преступность» будет обладать отрицательной потенциальной оценочностью, поскольку эта область действительности всеми оценивается как негативная),

в) единицы, находящиеся на периферии поля оценочных единиц, но обладающие какой-либо стилистической или социальной коннотацией, поскольку функции данных единиц для создания образа города могут быть схожими.

Кроме того, представляется важным рассмотреть качественный характер оценочных компонентов, что позволит судить об отношении авторов текста к теме сообщения. Анализ проведём либо по типу оценочности (положительной, отрицательной), или по тематическим блокам.

Данный метод может выступать и инструментом выявления значимых компонентов того или иного образа. Далее для анализа образов мигрантских сообществ Пермского края нами применялись два этих подхода.

Тексты, которые были проанализированы за два года (2014 и 2015 гг.), можно разделить на две группы: 1) постоянно имеющаяся официальная информация на сайте Администрации Губернатора Пермского края и 2) новостная информация небольшого объёма, чаще всего криминального характера. В связи с этим сразу возможно высказать рекомендации главам миграционных сообществ: во-первых, начать позиционировать свою деятельность в сети Интернет, которая сегодня является наиболее динамично и активно распространяющим информацию источником; во-вторых, позитивно позиционировать свою диаспору через, например, рассказы о выдающихся деятелях; людях, достигших определённых высот в своей сфере, через отражение праздничных мероприятий, официальных событий др.

Естественно, что официальная информация имеет следующие характеристики:

- 1) объективно-фактологический, констатирующий характер речи, который реализуется через глаголы в настоящем времени;
- 2) документализм, также проявляющийся в объективности и проверенной фактологичности изложения;

- 3) документально–фактологическая точность проявляется ещё и в терминованности речи;
- 4) ограниченность метафоризации терминов;
- 5) сдержанность;
- 6) некоторая официальность либо «нейтральность», подчеркивающие значимость фактов.

Эти черты реализуются в именном характере речи, своеобразии или отсутствии фразеологии, обобщённости и понятности изложения, аргументированности излагаемого. Перечисленные особенности ярко проявляются в следующем тексте [Региональная общественная организация «Сюз кыргызстанцев», эл. ресурс].

Региональная общественная организация «Союз кыргызстанцев»

Председатель: Алымкулов Асылбек Алишерович

«Союз кыргызстанцев» действует в Пермском крае с 2007 г. Активисты общества принимают участие в краевых и городских проектах, среди которых выставка «Пермь – наш дом», краевой Новруз, «Школа русского языка для мигранта», общественные приемные по вопросам трудовой миграции, спортивные мероприятия.

Численность киргизов в Пермском крае в 2010 г. составляла 1003 человека по данным переписи населения. По количеству постоянно проживающих членов диаспоры киргизы являются самой динамично развивающейся этнической общностью Прикамья.

Киргизская диаспора в основном представлена мигрантами, первые из которых появились в Прикамье в 1990-е гг. Большинство киргизов сегодня трудятся в сфере благоустройства и ремонтных работ в ЖКХ.

Члены «Союза кыргызстанцев» являются ежегодными победителями турниров по волейболу, который очень популярен в Кыргызстане.

В конце 2012 г. прошли торжественные мероприятия, посвященные 5-летию Союза. Участие в юбилее приняли приглашенные руководители краевых национально-культурных центров, органы власти, руководители киргизских диаспор Челябинской, Свердловской, Курганской, Тюменской областей и Алтайского края. По итогам мероприятия была выпущена брошюра «Киргизы Пермского края: нам пять лет».

Или в тексте об узбеках [В Перми создана вторая общественная организация узбеков, эл. ресурс].

В Перми создана вторая общественная организация узбеков

13.08.2015

Министерство юстиции выдало свидетельство о государственной регистрации второй узбекской общественной организации на территории Пермского края. Первая, «Общественный центр узбеков города Перми», существует в городе уже 7 лет. «Общество Центральной Азии» образовалось в результате внутри узбекского противостояния и раскола. Инициатором создания новой структуры выступил Джахангир Джалолов (который стал ее руководителем) и его сторонники.

Новый лидер пермских узбеков – гражданин России, получил здесь образование, в прошлом офицер армии Таджикистана. В своем возрасте 37 лет Джалолов занимается предпринимательской деятельностью, на территории Перми живет уже около 10 лет, сообщает ИА «Перископ».

Большая часть уважаемых узбекских аксакалов и лидеры большинства кланов уже перешли в новую организацию, и что в ее ряды уже вступило несколько тысяч узбеков, включая и ино-

странцев, и граждан России, так уверяют руководители самой организации.

Основными задачами «Общества Центральной Азии» узбеков Пермского края» являются интеграция и адаптация узбеков в локальной культурной среде, предотвращение религиозных и национальных конфликтов.

Новостная информация, чаще всего, содержит негативную информацию. Так в 2014 г. актуальной темой, касающейся таджиков, являлась тема создания «таджик-таун» на территории Заостровки в г. Перми. В текстах, изученных нами, встречаются необычные лексические единицы: *Чуркобад, таджикский анклав, укалывательные, тамошняя полиция*. Именно публицистическая речь закрепляет такие необычные сочетания, в которых оценочные прилагательные характеризуют социальные и политические процессы: *бархатная революция, хрупкое перемирие*. Пример такого текста о таджиках Перми: [Пермь превращают в Душанбе]

«На прошлой неделе в Перми заговорили о том, что в городе появится свой «таджик-таун». Строительством первого дома, жилье в котором будут продавать только таджикам, на 2–3 подъезда высотой 3–4 этажа займется строительная компания «СИМ» (директор Анатолий Слестников). Заказчиком выступает Пермское ООО «ЕвроПлюс» (директор Джонибек Джононов), специализирующееся на оказании различных услуг мигрантам-мусульманам. Дотошные журналисты стали искать заказчика, чтобы прояснить суть дела. Поначалу Джонибек Джононов все отрицал: не знаю, дескать. Однако спустя время, под нажимом со стороны десятков СМИ, он все-таки сознался: да, этот вопрос обсуждается, стройка начнется в известном микрорайоне Заостровка города Перми.

Духовный лидер мусульман Прикамья муфтий Пермского края Мухаммедгали-хазрат Хузин раскритиковал идею строи-

тельства таджикских селений в регионе. В своем интервью порталу 59.ru он прямо заявил: «Мы прекрасно помним, во что превращаются места этнических поселений. Чайна-тауны, Гарлем, Каирское кладбище, где проживает несколько миллионов человек, куда есть вход, но выхода нет, – говорит он. – Люди ущемлены в правах и находятся годами в этом состоянии. В России, многонациональной стране, резервации – это абсолютно неприемлемо».

Действительно, Заостровский анклав таджиков может официально превратиться в государство в государстве.

– Что такое Заостровка сегодня? Первое: это нелегальная эмиграция, – поясняет ситуацию Вячеслав Дегтярников. – Каждый рейд УФМС выявляет огромное количество нелегалов. Второе: это ужасные условия труда. Фактически те же таджики попадают в рабство. Они бегут с родины, чтобы заработать у нас денег, а вместо цивилизованного общества попадают в какие-то анклавы, созданные по национальному признаку, в которых действуют не российские законы, а свои. Ситуация там такая, что наемные рабочие постоянно кому-то должны, и вот в этом состоянии рабства их можно подбить на что угодно. Посмотрите, сколько таджиков сидят по 228-й статье («Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств». – Примеч. ред.). Это в основном молодые люди, только что захватившие на территорию РФ. Вводить обязательно нужно визовый режим, чтобы решить эту проблему. Властям нужно понимать, с кем они сотрудничают.

Кстати, в минувшую субботу в Перми прошел митинг за введение визового режима с Таджикистаном, основной страной – поставщиком наркотиков в РФ. Молодые люди собирали подписи пермяков. Несмотря на широкую огласку, на мероприятие собралось несколько десятков человек.

– Мы надеялись, конечно, что придет больше наших сторонников, – пояснил Илья Сретенских, председатель регионального отделения партии «Новая сила». – Но это не такая, впрочем, акция, где требовалось что-то обсуждать, это пикет формальный, он был необходим для соблюдения буквы закона, на самом деле это сбор подписей. Основная проблема, которую мы озвучиваем проходим, – введение визового режима с наркопоставляющими странами.

По данным Пермстата, за прошлый год в регион прибыли 1440 таджиков. Граждане бывшей советской республики компактно располагаются в районе Заостровки. В этих местах наглядно можно понять, как именно Пермь превращают в Душанбе. Только восточным гостеприимством здесь и не пахнет.

Если случается конфликт между коренными жителями и выходцами из Средней Азии или Закавказья, то последние выигрывают всегда, – рассказывает жительница микрорайона Заостровка Анастасия Санникова. – Наши так друг друга не защищают. Россия, так исторически сложилось, всегда всех защищала и принимала, поэтому к нам так свободно приезжают, ищут защиты. Но если бы они ещё культуру нашу уважали. Я живу рядом с Заостровским рынком, когда я иду вечером по улице, ко мне всегда подъезжают южане, слова «отстань» и «отойди» они не понимают. Там просто страшно жить.

– Известие о планах строительства в Перми «таджик-тауна» меня серьезно испугало, – делится своими опасениями Роман Юшков, ответственный секретарь газеты «За человека» при Пермском региональном правозащитном центре. – Это будет колоссальная наркобаза с развесочными и укальвательными, – как нынешние цыганские поселки, но на порядок круче. Это будет территория, закрытая для правоохранительных органов. Ведь и по западным чайна-таунам известно: тамошней полиции приходится проявлять чудеса профессионализма, чтобы как-то

туда проникать, кого-то вербовать и хоть что-то контролировать. А наша местная полиция, вялая и разгромленная, стареющая лишний раз не связываться с южанами, будет здесь просто бессильна – поверьте мне как сотруднику правозащитного центра! В таком таджик-тауне будут исчезать концы всех криминальных историй, там будут закопанные трупы под каждой чайханой и русские сексуальные рабыни в подвалах, очень хорошо могу всё это представить... А вслед за ним тут же начнут возникать и аналогичные узбекские, и киргизские районы – чем они хуже?

Между тем, по данным правозащитника, таджикская диаспора очень оживилась в связи с этим проектом: строятся планы, готовятся инвестиции, в том числе из Таджикистана. Начались серьезные переговоры с местной властью.

– По идее, пермяки должны сейчас тысячами выйти на улицы под лозунгами: «Пермь – для пермяков!», «Прекратить ползучую колонизацию!!», «Это наша земля!!» И ведь как раз в эту субботу в центре города намечался подходящий антимиграционный пикет – иди и протестуй! Однако пришли четыре десятка человек. Люди хотя и пишут в Интернете в связи с этой новостью сотни протестных реплик, отрывать ... от дивана не хотят. И рано или поздно досидят до того, что увидят рядом с собой на этом диване пару симпатичных бородачей в тубетейках».

По данному аспекту можно сделать следующий вывод: к сожалению, тексты, изученные нами, не формируют положительный образ сообщества, а, наоборот, представляют негативный образ и подстёгивают жителей Перми настороженно относиться к приезжим. В целом же изучение особенностей и закономерностей различных образов (в нашем случае – мигрантских сообществ), моделируемых в различных текстах, позволяет осмыслить и структурировать на более глубоком концептуальном уровне процессы взаимодействия различных культур, субкуль-

тур, этносов, а также может стать полезным для практических разработок положительного их имиджа.

Таким образом, миграционные процессы настолько сложны и многогранны, что необходимо их исследовать с различных точек зрения и методами различных наук. Лингвистический материал, собранный от испытуемых-мигрантов, даёт богатую пищу для размышлений относительно индивидуальных и групповых проблем интеграции и адаптации конкретных людей в городскую среду. Описанные методики могут быть использованы при исследовании проблем мигрантов и в других регионах.

Список литературы

1. В Перми создана вторая общественная организация узбеков [Электронный ресурс]. Загл. с экрана. URL: http://v-kurse.ru/news/politics/v_permi_organizovana_vtoraya_obschestvennaya_organizatsiya_uzbekov_1217851.- (дата обращения: 03.09.2015).
2. Должикова А.В. Самыми грамотными мигрантами стали украинцы и киргизы [Электронный ресурс]. URL: http://infomir59.ru/news/PermNews/2015/12/31/news_7929.html. (дата обращения: 07.10.2015).
3. Консультант Плюс: Пермский край [Электронный ресурс] Справочно-правовая система. URL: www.consultant.ru. (дата обращения: 05.05.2014).
4. Методология и методы миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. Центр миграционных исследований. Москва, 2007. 320 с.
5. О национальном составе жителей Пермского края (По данным Всероссийской переписи населения 2010 года) [Электронный ресурс]. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/news/rss/ab0e36004d81448d82ebef344d6b6963. – (дата обращения: 15.06.2015).
6. Пермь превращают в Душанбе [Электронный ресурс]. Загл. с экрана. URL: <http://rons-inform.livejournal.com/904957.html>. (дата обращения: 15.06.2015).

7. Региональная общественная организация «Союз кыргызстанцев» [Электронный ресурс]. Загл. с экрана. URL: <http://www.etnoperm.ru/natsionalnye-tsentry/regional-naya-obshchestvennaya-organizatsiya-soyuz-kyrgyzstantsev.html>. (дата обращения: 10.10.2015).

8. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА-М. 1999. 672 с. URL: <https://sociologicheskaya.academic.ru/653> (дата обращения 14.01.2019).

9. Человек в городе и город в человеке (социолингвистическое исследование). Коллективная монография / Под ред. А.С. Черноусовой. Пермь: Изд-во «Пермский государственный институт искусства и культуры (академия)», 2013. 270 с.

Дружинина М. В.

*Доктор педагогических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова*

О РОЛИ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ УНИВЕРСИТЕТА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В условиях глобализации и интернационализации всех сфер жизнедеятельности людей резко возрастает мобильность населения и миграционная активность жителей всех стран. Данные процессы столь обширны и так ярко выражены, что возникают проблемы политического, экономического, социокультурного и лингвокультурологического характера, связанные с социализацией, аккультурацией, гибридизацией, самоидентификацией субъектов – участников миграционных процессов.

Этот процесс носит двусторонний поликультурный и многоязычный характер, так как происходит культурное и языковое взаимовлияние мигрантов на местных жителей. Иными словами, идёт процесс смешения языков, культур, а динамика процессов гибридизации может иметь как положительные результаты, так и негативные последствия. К числу положительных явлений следует отнести возможность кооперации, реализацию международных проектов, обмен ресурсами, виртуальную мобильность, оперативное получение источников новой информации, внедрение инноваций и многое другое.

Негативными моментами являются потеря национальной идентичности, коммуникативные сбои в общении представителей разных национальностей, разжигание неприязни к представителям других национальностей, вспышки национализма, выражение ру-

софобии или других фобий, распространение англо-саксонской культуры во всём мире, влияние английского языка на другие языки, тенденции к языковой экспансии, чрезмерное увлечение модными английскими выражениями и словами, порождающими негативные языковые явления *Denglish*, *FrenGLISH*, *Renglish* и др.

С позиций миграционной лингвистики возникает необходимость изучения данных явлений в контексте миграционного дискурса, особенно его лингвокультурологических и лингвоэкологических характеристик и измерений. Языковые и культурологические явления настолько взаимодействуют, что образуется междисциплинарная матрица, анализ которой необходим с позиций нескольких наук, в том числе с позиций языковой педагогики и лингводидактики.

Сферы науки и образования также подвержены очень сильным изменениям, так как развиваются в условиях формирования международного научно-образовательного пространства. В современных условиях полифония разных национальностей наполняет все без исключения образовательные организации и научно-исследовательские учреждения.

Поскольку приток иностранных студентов во все университеты имеет тенденцию к увеличению, а одним из показателей успешности работы вуза становится количество иностранных студентов, то по понятным причинам в мире уже сложились условия жесткой конкуренции университетов за абитуриентов из других стран.

С одной стороны, интернационализация образовательной среды экономически выгодна для университетов, у субъектов образования появляется уникальная возможность изучения других культур и языков, традиций и обычаев. Но, с другой стороны, порождает многочисленные проблемы, связанные с социальной адаптацией иностранных студентов, организацией их быта, аккультурацией, нормативно-правовым обеспечением международных процессов и т. д. Следует предвидеть, что часть иностранных

студентов – выпускников вуза – в перспективе становятся мигрантами в стране пребывания, остаются жить и работать в стране, где они получили образование, таким образом, появляется комплекс миграционных проблем политического, юридического и социокультурного характера. Ярко выраженной инновацией для многих университетов и других образовательных организаций и абсолютно новой функцией вузов стала работа с мигрантами, проживающими и работающими в стране.

В соответствии с законом все мигранты должны знать культуру и язык страны пребывания и трудовой занятости, сдавать экзамен на знание языка, истории и права. Поэтому в университетах для мигрантов организуются языковые курсы и создаются специальные условия для сдачи экзаменов. В результате возникает потребность в подготовке кадров для языкового образования мигрантов, курирования иностранных студентов, организаторов сдачи международных экзаменов на сертификат, менеджеров в образовании и международной деятельности и других специалистов. Всё это требует организационных усилий, финансовых затрат, материально-технического обеспечения, решения ресурсных и кадровых проблем.

Обозначенные проблемы имеют политический характер, являются частью языковой и образовательной политики всех уровней: мирового, европейского, государственного, федерального, регионального, муниципального и институционального. Считаем целесообразным раскрыть понятие языковой и образовательной политики, представить её социокультурный, лингвокультурологический и лингводидактический потенциал, связать с понятийным полем миграционной лингвистики, языкового образования в системе многоуровневой подготовки и представить значимые компоненты этого феномена в теоретическом и прикладном ракурсе. Особо хотелось бы отметить, что поводом для размышления и изложения материалов в данном разделе, импульсом для

анализа феномена языковой образовательной политики в ракурсе миграционных проблем и миграционной лингвистики послужили работы коллег из Пермского государственного национального исследовательского университета [см., например, Зубарева, Шустова, 2018; Миграционная лингвистика, 2019].

Таким образом, целью данного раздела монографии является описание сущности языковой образовательной политики в контексте миграционной лингвистики.

В соответствии с целью задачами данной главы являются:

1) раскрытие сущности понятий и понятийного поля по теме исследования;

2) описание структуры и функций языковой образовательной политики разных уровней;

3) анализ роли языковой образовательной политики в процессах интернационализации и миграции на конкретных примерах прикладного характера, а именно: презентация международного проекта «Denglish в языках мира», представление концепции пособия «Культура на Севере. Педагогика многоязычия» и др.).

Обратимся к раскрытию понятия языковой образовательной политики университета.

В международных и государственных документах по образованию [Заявка РФ, 2003; Общеввропейское пространство, 2005; ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», 2012; Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen, 2002] прослеживается тесная культурологическая взаимосвязь образовательной политики (изучение русского языка, в том числе за рубежом, выбор языка для обучения, овладение иностранными языками и др.) с языковой политикой (условия разнообразия и равноправия языков и культур, уважительное отношение ко всем языкам и культурам, самоидентификация субъектов с ценностями родной культуры, сохранение и приумножение культурных традиций и др.) и политикой качества (необходимость постоянного улучшения каче-

ства системы в целом и её компонентов, совершенствования технологий обучения, родному и иностранным языкам и др.).

Анализ разных видов политики с синергетической и культурологической позиций показывает, что они взаимодействуют друг с другом, открыты для дополнений и изменений. При этом успешность их реализации зависит от активности субъектов и количества участников процесса формирования направлений политики, от готовности представителей университетского и внеуниверситетского сообществ к диалогу и консолидации усилий. Если на более высоких уровнях политики языковые и образовательные процессы и их регулирование, как правило, рассматриваются отдельно, то на институциональном уровне рациональнее объединить языковую и образовательную политику в единый процесс (Таб. 1).

Таблица 1

Модель соотношения политических и образовательных понятий по уровням

Мировой уровень	Мировое образовательное пространство	Мировая языковая и образовательная политика
Европейский уровень	Европейское образовательное пространство	Европейская языковая и образовательная политика
Федеральный уровень	Образовательное пространство России	Государственная языковая и образовательная политика
Региональный уровень	Образовательное пространство региона	Региональная языковая и образовательная политика
Университетский уровень	Образовательная среда университета, языковая образовательная среда университета	Образовательная политика университета, языковая образовательная политика университета

↑ ↑ ↑
Внешние социально-экономические и социокультурные условия

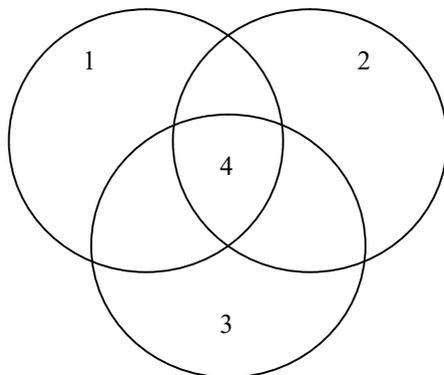
Изучение взаимосвязи политики разных уровней показало, что языковая и образовательная политики и политика качества имеют общее в ориентирах, содержании и принципах. Так, образовательную и языковую политику связывают совокупность идей о культурном плюрализме, многоязычии, культурной самоидентификации, роли родных и неродных языков и культур, межкультурном взаимодействии, интеграции университетов в мировую систему образования, гуманизме, общечеловеческих ценностях, решении языковых проблем.

Образовательную политику и политику качества объединяют идеи управления, обеспечения качества, социальной обусловленности, системности, процессуальности, непрерывности. Опыт показывает, что в практической деятельности преподаватели и студенты не разделяют языковую и образовательную политику, подразумевая под языковой политикой всё, что происходит в языковом образовании университета, включая и образовательную деятельность, и миграционные явления. Эти факты обусловили разработку понятия языковой образовательной политики университета и её формирования.

Содержание образовательной, языковой политики и политики качества взаимосвязано совокупностью общих идей, которые дополняют друг друга, что особенно ярко проявляется на университетском уровне (рис. 1).

В то же время процесс формирования языковой образовательной политики университета осуществляется с большими трудностями. Синергетически это объясняется тем, что процессы обновления не являются линейными, сопровождаются явлениями флуктуаций, бифуркаций и даже хаотичностью. Но в соответствии с синергетическими идеями преодоление трудностей, поиск резервов, апробация нового есть путь к новому качеству. В процессах преобразования сложных систем нельзя ожидать мгновенных социальных эффектов, поэтому результаты

ощущаются не сразу. В таких условиях и востребованы современные способы обеспечения качества профессионального образования: организация постоянного субъектного взаимодействия, непрерывное согласование разных позиций, совместный поиск оптимальных решений возникающих проблем.

*Рис. 1. Взаимосвязь видов политики в университете:
1 – образовательная политика университета,
2 – политика качества в университете,
3 – языковая образовательная политика университета,
4 – зона взаимодействия видов политики*

Границы формирования языковой образовательной политики университета условно очерчены границами образовательной политики университета. Место формирования определяется университетским пространством (рис. 2).

Поскольку языковая образовательная политика университета является составляющей образовательной политики университета, то процесс их формирования должен соответствовать целям государственной образовательной политики, иметь черты, присущие государственной образовательной политике: ориентация на стратегическую цель, отбор и использование оптимальных

средств для реализации цели, поиск резервов внутри системы университетского образования, преодоление трудностей и противоречий, создание специальных условий в университетах для удовлетворения личностных потребностей и творческой самореализации субъектов образования.

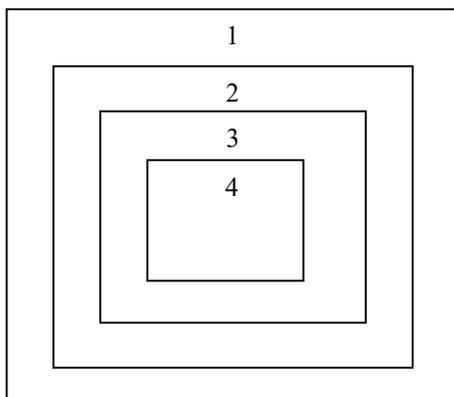

Рис. 2. Границы формирования языковой образовательной политики университета и ее зависимость от содержания образовательной политики других уровней, где:

- 1 – рамки международного регулирования,*
- 2 – нормативно-правовая база государственной образовательной политики в целом,*
- 3 – нормативно-правовая база высшего профессионального образования на федеральном уровне,*
- 4 – границы образовательной политики университета и ее составляющей – языковой образовательной политики университета*

В процессе формирования языковой образовательной политики университета решаются задачи, соответствующие государственной образовательной политике, образовательной политике университета, которые формулируются в нормативных документах.

К числу таких задач относятся: обеспечение качества профессионального образования и его компонента – языкового образования; организация субъектного взаимодействия; использование положительного опыта; подготовка высокообразованных специалистов, готовых к социальной и профессиональной мобильности, способных решать профессиональные задачи языковыми средствами, работать с языковой информацией, самостоятельно общаться в межкультурных ситуациях; ответ на новые вызовы современности, например, решение миграционных проблем, обучение мигрантов и иностранных студентов и др.

Одновременно идеи формирования языковой образовательной политики университета должны быть соотнесены с теми возможностями и условиям, которые имеются в каждом конкретном университете.

Задача управления взаимодействием системы профессионального образования и её компонента – языкового образования, субъектов в них, в том числе мигрантов, иностранных студентов и преподавателей, становится миссией формирования языковой образовательной политики университета.

В соответствии с этой стратегической ролью языковая образовательная политика университета берёт на себя аналитическую функцию позитивного или негативного опыта взаимодействия участников процессов и трансляционную функцию распространения положительного опыта. Ориентирами такой политики становятся поиск способов обеспечения качества языкового образования по направлениям подготовки многоуровневого образования, учёт заказов профилирующих кафедр и предприятий, направленность работы на конечный результат совместной образовательной деятельности специалистов по профессиональному и языковому образованию, представителей международных и управленческих структур.

Процесс формирования языковой образовательной политики университета учитывает стратегию развития университета. Участники процесса формирования инициируют обновление языкового образования как составляющей профессионального образования, ссылаясь на содержание нормативно-правовой базы, руководствуясь принципами государственной образовательной политики, используя аналитические документы, указывающие на нерешённые проблемы, осуществляя поиск новых резервов в обеспечении качества образования, предлагая современные способы преодоления противоречий.

Показателем качества самой языковой образовательной политики университета и ее формирования становится правовое соответствие государственной образовательной политике и образовательной политике университета.

Анализ образовательных документов, научной литературы и практического опыта позволяет акцентировать внимание на следующих положениях:

1. В основу разработки главных ориентиров языковой образовательной политики университета закладываются приоритеты государственной образовательной политики: формирование у обучающихся всего контингента видения ценностей поликультурного мира, сохранение и развитие условий многоязычной среды, содействие вариативности образовательных программ, совершенствование технологий в обучении иностранным языкам.

2. Соблюдение законности является условием формирования языковой образовательной политики университета, а соответствие государственной образовательной политике и образовательной политике университета – показателем ее качества.

3. Местом и границами формирования языковой образовательной политики университета становится пространство университета.

4. Система мер и действий в процессе формирования языковой образовательной политики университета складывается из потребностей университетского и внеуниверситетского сообществ, но с учётом конкретных условий и возможностей университета.

5. Языковая образовательная политика университета имеет два направления формирования: внешнее, ориентированное на требования государственной образовательной политики, и внутреннее, направленное на организацию субъектного взаимодействия в университете.

6. Ведущими функциями формирования языковой образовательной политики университета являются аналитическая и трансляционная функции.

7. Организация согласования позиций субъектов образования – неотъемлемая часть формирования языковой образовательной политики университета.

8. Языковая образовательная политика университета призвана содействовать качеству профессионального образования языковыми средствами, поэтому её формирование ориентировано на создание условий для культурной самоидентификации, взаимодействия разных языков и культур, ситуаций межкультурного общения, расширение образовательных услуг, в том числе и дополнительных.

9. Предпосылки стремления образовательных систем к многообразию и своеобразию, множественности и единичности, целостности и компонентности создают основу для формирования языковой образовательной политики университета в направлении «поли» (поликультуры, многоязычия, полисубъектности, полиметодологии, вариативности программ, разнообразия моделей) и «само» (самосовершенствования, самостоятельности, саморазвития, самореализации).

10. Объективность языковой образовательной политики университета основывается на осознании участниками процесса формирования того, что она зависима от государственной образовательной политики и образовательной политики университета. Формирование языковой образовательной политики университета осуществляется поэтапно, выражается конкретными мерами и действиями, принимаемыми представителями университетского сообщества с учётом мнений работодателей, родителей и других представителей внеуниверситетского сообщества.

11. Механизм реализации языковой образовательной политики университета основывается на постоянном совершенствовании языкового образования как составляющей профессионального путём непрекращающегося диалога субъектов образования, работодателей, представителей общественности и других лиц.

12. Успешность формирования языковой образовательной политики университета зависит от организации взаимодействия участников процесса и расширения субъектного поля.

13. В феномене языковой образовательной политики обнаруживаются синергетические признаки (нелинейность развития, неравновесность, неустойчивость, саморегулирование, поиск механизмов совершенствования и другие) и культурологические явления (многоязычие, поликультура, культурная самоидентификация, диалог, культуросообразная парадигма, многообразие образовательного пространства, уважение к другим языкам и культурам, межкультурная коммуникация), что свидетельствует о взаимосвязи культурологического и синергетического подходов и обоснованности их использования в качестве методологической основы исследования проблем современности, например, в области миграционной политики и миграционной лингвистики.

14. Процесс формирования языковой образовательной политики непрерывен, открыт для совершенствования на основе трансфера новых научных знаний, например, из области разви-

тия миграционной лингвистики. Одновременно сущностные характеристики и содержание языковой образовательной политики оказывают сильное влияние на развитие инноваций в научных знаниях, междисциплинарных исследованиях, полипарадигмальных подходах к решению проблем, в том числе и миграционных.

Сложность междисциплинарных исследований объясняется наличием множества уровней и компонентов системы образования. Так, нами обнаружено несколько триад взаимосвязанных понятий, показывающих целостность системы профессионального образования и её компонентов, включая языковое образование, а также аспектов деятельности субъектов в процессах обеспечения качества образования.

К ним относятся: обучение – развитие – воспитание, профессия – культура – язык, язык – речь – речевая деятельность, образовательные пространство – среда – контекст и др.

Наглядной формой, отражающей предлагаемые понятия, является, на наш взгляд, «многокольцевая пирамида», в которой «стержнем» является концепция формирования языковой образовательной политики университета, а «кольцами» – понятийные ряды (нами представлено четырнадцать «колец»). Само расположение «колец» символизирует возможность их относительно автономного рассмотрения, комбинирования и выбора в зависимости от решаемых задач в определенный период времени и в конкретных условиях (рис. 3).

В соответствии с синергетической идеей о допустимости элементов субъективности в объяснении сложных систем схематичное изображение взаимосвязи понятий не претендует на исчерпанность, но дает их обзор для использования в процессе формирования языковой образовательной политики университета с целью регулирования научно-образовательных процессов и обеспечения их качества.

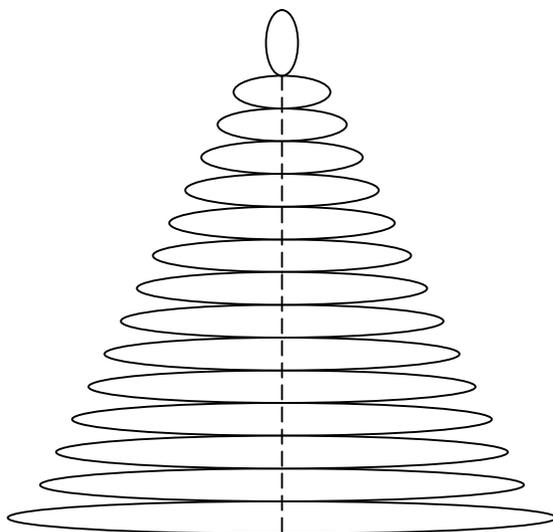

Рис. 3. «Пирамида» совокупности понятий в образовании, используемых при формировании языковой образовательной политики университета (снизу вверх):

образование как система – процесс – результат; образовательные пространство – среда – контекст; потребности – цели – результат; обучение – развитие – воспитание; целостность – разнообразие – своеобразие; профессия – культура – язык; язык – речь – речевая деятельность; образование – человек – деятельность как системы; упорядочение взаимодействия компонент – сохранение целостности системы – взаимообмен с обществом; совокупность внутрисистемных компонент и отношений между ними – совокупность взаимосвязи с внешней средой – совокупность элементов структуры качества языкового образования в системе профессионального; система – процесс – нормы; стратегическое управление – тактическое – оперативное; управление качеством образования – воздействие на процессы – обеспечение качества компонентов образования; языковая политика – образовательная политика – языковая образовательная политика университета

Изучение теории управления качеством образования, а также идей конструктивной педагогики обусловило разработку другой модели использования взаимосвязанных понятий в процессе формирования языковой образовательной политики университета.

Совокупность понятий в этом случае выстраивается в виде «лестницы», мысленное восхождение по которой начинается с рассмотрения общих понятий и осуществляется далее в направлении к идеальной форме функционирования системы, призванной обеспечить качество профессионального образования языковыми средствами (рис. 4).

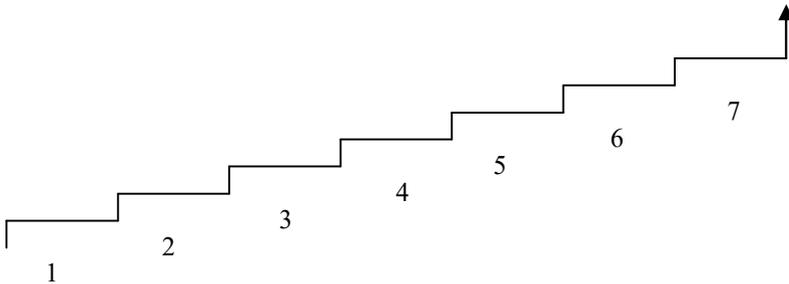

Рис. 4. Поле понятий, используемых для формирования языковой образовательной политики университета:

1 – компоненты системы профессионального образования, 2 – аспекты деятельности субъектов в языковом образовании как компоненте профессионального, 3 – измерения политики, 4 – функции политики, 5 – принципы политики, 6 – стратегия формирования, 7 – механизм формирования

Анализ зарубежного и отечественного опыта в области формирования языковой образовательной политики осуществлялся диалогично, путем сравнения достижений и их использования в науке и образовании.

Для осмысления взятых Российской Федерацией обязательств по реализации Болонской декларации мы обращались к тексту самой Декларации [О реализации положений, 2005], коммюнике последующих встреч министров образования и другим международным документам.

К числу проанализированных первоисточников относятся: Совместное заявление европейских министров образования (Болонья, 19 июня 1999 г.); Коммюнике встречи европейских министров, отвечающих за высшее образование (Прага, 19 мая 2001 г.); Коммюнике конференции министров высшего образования (Берлин, 19 сентября 2003 г.); Заявка Российской Федерации на присоединение к Болонскому процессу, поданная в июне 2003 года; Приказ № 40 Министерства образования и науки Российской Федерации «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации» от 15 февраля 2005 года; Коммюнике конференции европейских министров, отвечающих за высшее образование (Берген, 19–20 мая 2005 г.).

Источниками для изучения стали материалы исследований международного опыта и анализа возможностей его использования в отечественном образовании (В.И. Байденко, А.Ю. Белогуров, Е.В. Бережнова, И.Л. Бим, З.И. Васильева; В.А. Болотов, Г.А. Бордовский, Л.А. Вербицкая, Б.Л. Вульфсон, Б.С. Гершунский, Л.С. Гребнев, Э.Д. Днепров, В.В. Краевский, Г.А. Лукичев, В.А. Садовничий, Н.Л. Шубина, В.А. Ясвин), а также публикации в периодических и электронных изданиях, включая интернет-сайты (В.И. Байденко, Б.Л. Вульфсон, Р. Грин, Е.Б. Гришаева, Г.В. Елизарова, Г.В. Захарова, Е.О. Иванова, З.О. Кекеева, И.Ю. Крутова, А. Ливандовская, В. Нургалиев, Л.И. Романкова, O. Anweiler, C. Anz, E. Appel, M. Bjerkeng, G. Brinkmann, I. Broch, G. Bjørhovde, P. Dietz, W. Jenkins, F. Revhaug).

Культурологический подход позволил проанализировать развитие Болонского процесса, цели, приоритеты, принципы, дополнительные возможности стран и субъектов образования, участвующих в процессе интернационализации образования. Так, коммюнике конференции европейских министров образования, принятое в Бергене в 2005 г., подтвердило ориентацию на качество европейского образования, формирование европейского высшего образовательного пространства на принципах «качества и прозрачности»; указало на необходимость «беречь культурное наследие и культурное разнообразие, внося вклад в создание общества знаний», на реализацию принципа общественной ответственности за высшее образование, необходимость осознания того, что высшее образование находится «на перекрестке исследований, образования и инноваций», является «залогом европейской конкурентоспособности» [Общеввропейское пространство, 2005].

Таким образом, актуальность сохраняют задачи обеспечения качества образования, его прозрачности, сохранения культурного многообразия, национального опыта стран, возрастания ответственности общества за образование, согласования реформ, устойчивого финансирования, кооперации университетов в проведении исследований и образовании.

Изучение зарубежного опыта позволило установить, что Болонский процесс оказывает и политическое влияние на развитие образования всех стран – участниц Болонского процесса. Прямое воздействие выражается проведением реформы высшего образования, возрастанием роли политического контекста в образовании.

Все изменения в образовании нацелены на обеспечение его качества, которое предполагает непрерывность исследований, совершенствование способов преподавания, обновление образовательной инфраструктуры, решение новых проблем исследова-

ния, развитие новых научных отраслей. Внешним выражением обеспечения качества образования является его надежность и признание в обществе.

Особо отметим роль взаимосвязи языков и культур, изучение которых содействует росту научного потенциала, что, в свою очередь, обеспечивает качество профессионального образования. Многообразие языков и культур рассматривается в международном сообществе как форма «кооперации», «синергетики изучения иностранных языков» [Krumm H.-J., Cillia R., с. 20]. «Для реализации цели многоязычия имеется много возможностей: изучение языков соседних стран, второго иностранного языка, третьего языка, то есть сукцессивное изучение языков», которое основано на родственности языков, взаимосвязи родного и иностранного языков, приобретении опыта изучения иностранных языков [Stehle R., 2001, с. 21].

Интернационализация рынка труда создает такие условия многообразия языков и культур, что специалисты «в различных профессиональных ситуациях вынуждены переходить в общении с одного языка на другой, адекватно понимать и воспринимать партнеров как представителей другой культуры, это требует содержательного и методологического обновления курсов профессионально ориентированного обучения иностранным языкам» [Garai, 2001, S. 241].

Языковое образование обучающихся, слушателей курсов-мигрантов, иностранных студентов в университетах следует ориентировать на практические потребности будущей профессиональной сферы в контексте разнообразия языков и культур. Коммуникативная сеть многофункционального общения по вопросам совершенствования качества научных исследований, языкового образования в системе университетского профессионального образования становятся неотъемлемой частью полити-

ческой, научно-образовательной, научно-технической стратегии развития университета.

Особую роль в обеспечении качества профессионального образования играет международная деятельность университетов, которая рассматривается в отечественной науке как одно из направлений развития качества образования [Селезнева, 2004].

Культурологической характеристикой международного сотрудничества является социокультурный контекст процесса формирования единого образовательного пространства, в условиях которого происходит постоянное знакомство с другими языками, культурами; сравнение своей и другой культуры, языков; заимствование элементов другой культуры, языков; более глубокое познание своего языка и своей культуры; формирование целостной картины мира в условиях культурного и языкового разнообразия (А.Л. Бердичевский, В.С. Библер, Н.Н. Вересов, Г.В. Елизарова, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, А.А. Леонтьев, И.М. Синагатуллин, Н.Н. Соловьева, М. Vjerkeng, D. Coste, N. Einar, V.B. Joost, J.P. Nielsen, B. North, J. Sheils, J. Trim). В международном сотрудничестве выражены различные формы межкультурного общения: деловое, профессиональное, личное; письменное и устное; прямое и опосредованное, например, техническими средствами и разнообразными информационными источниками; кратковременное и долгосрочное; самостоятельное и с помощью переводчиков; вербальное и невербальное. Общение на основе взаимодействия языков и культур изучается в отечественной и зарубежной науке и широко используется в образовании как понятие межкультурной коммуникации (И.Л. Бим, Е.М. Верещагин, В.Г. Зинченко, О.Н. Иванищева, В.И. Карасик, В.Г. Костомаров, Н.И. Курганова, И.П. Лысакова, Е.И. Пассов, С.Г. Терминасова, J.M. Newman, P. Schreiner, J. Spietzmüller).

В науке сформировалось социокультурное направление, ставшее подходом к организации языкового образования по всем направлениям подготовки и активно распространяющееся во всем образовании в целом (Г.И. Воронина, Е.А. Григорьева, В.В. Сафонова, Э.И. Соловцева, П.В. Сысоев, O. Anweiler, U. Boos-Nünning, G. Brinkmann, H. Hensel, A. Labisch, W. Poths, J. Toubon, B. Witte).

Вопросы взаимодействия языков и культур, многообразия и своеобразия, развития нового и сохранение традиционного, глобализации и национальной идентичности, культуроведения и регионоведения приобрели стратегический характер, так как оказывают политическое влияние на качество образования и новых исследований (Р.Г. Абдулатипов, Е.Ю. Артемьева, И.А. Бажина, Н.А. Бенедиктов, А.П. Бердашкевич, Н.Д. Гальскова, А.С. Горшков, Е.Б. Гришаева, А.В. Докучаева, М.В. Дьячков, М.В. Дружинина, И.Г. Илишев, И.Ю. Крутова, Р.А. Кудрявцева, Ф. Ландер, В.В. Лезина, Г.А. Лукичев, В.И. Панарин, И.З. Сквородкина, В.И. Солдаткин, С.Б. Суоров, Я.С. Турбовской, И.И. Халеева, Р.И. Хашимов, C. Anz, H. Commer, W.J. Clancy, M. Druzhinina, N. Einar, K.S. Goodman).

Общим мнением отечественных и зарубежных ученых является необходимость формирования профессиональной иноязычной компетентности как основы профессиональной культуры и компетентности выпускников университетов и обучающихся на курсах (Д.В. Булатова, О.А. Демина, Т.А. Дмитренко, Н.А. Дударева, Ю.В. Еремин, Я.Е. Кузнецов, Ю.Л. Могилевич, О.В. Немирович, О.Н. Федорова, Н.В. Яценко, R. Buhlmann, M. Jung, J. Genuneit, U. Heidel, D. Levy-Hillerich, M. Perlmann-Balme).

Взаимодействие профессионального образования и его компонента – языкового образования – приобретает прозрачную форму за счет разработанных в Европе уровней коммуникатив-

ных компетенций (Общеввропейские компетенции, 2003), уровней коммуникативных характеристик речевого поведения в профессиональной сфере, изучения ключевых компетенций будущих профессионалов (Е.В. Кавнатская, В.В. Сафонова, K. Wille); модульного и уровневого построения образования (G. Dondelinger, J. Kohler, B. Reuter); программного и учебно-методического обеспечения (S. Akstinat, U. Hartmann, D.M. Kurland, R. Reissert, K. Scheele, G. Skischus); автономного обучения (P. Bimmel, W. Einsiedler, M. König, M. Hurth, C. Nodari, U. Rampillon, H. Thomsen).

В то же время языковое образование по-прежнему остаётся узкопрофессионально ориентированным, что выражено в изучении нескольких тем по профессии и недооценкой в университетском сообществе профессиональной значимости языкового образования, модули обучения разрабатываются чаще стихийно, составление языковых профилей специалистов имеет единичные случаи, взаимодействие языковых и профильных кафедр слабо выражено, что свидетельствует о неисчерпанных резервах качества языкового образования как составляющей профессионального и остроте проблемы обеспечения качества университетского образования.

Так, С.Г. Тер-Минасова считает, что повышению качества языкового образования мешает «отрыв преподавания иностранных языков от жизни, его абстрактный характер», «конфликт между характерным для нашей школы перфекционизмом, стремлением дать и знать все и необходимостью ускорения, все хотят быстро все знать», «противоречия между традициями и новыми современными требованиями» и другие причины (количество часов, нецелесообразные способы обучения, учебно-методическое обеспечение, условия труда и др.) [Тер-Минасова, 2006, с. 4].

Эти проблемы проявляются и в языковом образовании как иностранных студентов, так и мигрантов. Неполный перечень трудностей свидетельствует о социально-педагогическом характере проблемы обеспечения качества профессионального образования и его языкового компонента, а также о том, что решать эту проблему следует путем совместных усилий специалистов в разных областях всего университета.

В целом сравнение и изучение отечественного и зарубежного опыта по обеспечению качества профессионального образования и его компонентов, включая языковое образование, ведет к пониманию проблемы качества как сложной социально-педагогической проблемы, осознанию роли и сложности формирования единого образовательного пространства, предоставляет материал для дальнейшего критического осмысления, обсуждения, анализа, согласования и выбора оптимальных путей и принятия решения (Е.Ю. Артемьева, Б.Л. Вульфсон, Б.С. Гершунский, С.А. Гончаров, А.А. Деркач, А.Н. Джуринский, М.В. Дружинина, В.И. Жуков, А.А. Захаров, М.С. Каган, З.О. Кекеева, В.А. Козырев, А.К. Костин, Р.А. Кудрявцева, Е.С. Кузьмин, В.В. Лезина, Э.В. Минько, Г.Н. Мотова, Н.Д. Никандров, А.В. Райцев, М.Б. Рахманина, Т. Розова, В.А. Садовничий, М.П. Сибирская, В.А. Слостенин, Л.Н. Талалова, Ю.Г. Татур, Ю.В. Храмова, Э.Г. Юдин, В.З. Юсупов).

Результаты изучения отечественного и зарубежного опыта стали источником следующих концептуальных идей для формирования языковой образовательной политики университета:

- 1) европейская образовательная политика тесно связана с языковой политикой стран, эта взаимосвязь выражена в практике образовательной деятельности субъектов в университетах;
- 2) проблема обеспечения качества образования решается как сложная и многоаспектная проблема;

3) субъектное взаимодействие и активность субъектов рассматривается как один из основных способов обеспечения качества образования;

4) в реализации идей языковой образовательной политики выражены такие её функции, как аналитическая, регулятивная, интеграционная, трансляционная;

5) процессы обеспечения качества образования имеют культурологический и синергетический характер;

6) качество высшего профессионального образования развивается по двум направлениям: внутреннее, ориентированное на развитие культуры качества, и внешнее, обеспечивающее привлекательность системы качества по сравнению с другими системами;

7) в университетах настойчиво распространяется англосаксонская культура, с трудом, но сохраняются условия разнообразия языков и культур, межкультурного общения;

8) прозрачность и привлекательность университетского образования достигается путём признания его качества в университетском и внеуниверситетском сообществах, включая международное;

9) идея обеспечения качества профессионального образования путём реализации социокультурного подхода к обучению и организации межкультурного общения в образовании отмечается как позитивная и в зарубежных, и в отечественных исследованиях.

Совокупность особых черт формирования языковой образовательной политики университета позволяет рассматривать это социально-педагогическое явление как систему мер и действий, непрекращающийся процесс, результат образования, целенаправленную деятельность, специальную стратегию, методологический ориентир, педагогический феномен, импульс к изменениям, явление политической и языковой педагогики, форму

политики аналитического типа, «камертон» достижения педагогического резонанса, многофункциональный аттрактор, транслятор новых идей, вариант ответа на вызовы времени, источник качества, фактор обеспечения качества, инструмент взаимодействия системы профессионального и её компонента – языкового образования, форма субъектного взаимодействия, средство контроля и гарантии качества профессионального образования языковыми средствами, современный управленческий механизм достижения целей профессионального образования путем обновления языкового образования в университете.

Формированию языковой образовательной политики университета как системе, процессу и результату присущи диалогично ценностные черты общего и особенного, системного и процессуального, разнообразного и своеобразного, «поли- и самопонятийного», качественного и количественного, культурологического и синергетического, эксплицитного и имплицитного, традиционного и инновационного, целого и частного, теоретического и практического, приоритетного и второстепенного. На основе обнаруженных пар ценностных черт формирования в дальнейшем были сформулированы общие принципы формирования как ценностные ориентиры в деятельности субъектов.

Формирование языковой образовательной политики университета осуществляется при соблюдении определенных условий. Ранее было указано, что языковая образовательная политика является составляющей образовательной политики университета, следовательно, непременным условием её формирования является соответствие стратегическим целям образовательной политики университета.

Современный взгляд на вопросы целеполагания ориентирует формирование языковой образовательной политики университета на результативность работы, соотношение целей и средств, цель задаётся как результат, достижение цели подтверждается

конкретными практическими результатами совместной деятельности преподавателей и будущих специалистов, используются различные формы проверки достижения главной цели формирования данного вида политики – обеспечение качества языкового образования как компонента и показателя качества профессионального образования: тестирование, экзамен, собеседование, опрос, анализ творческих работ, проверка способности решения профессиональных задач языковыми средствами, сертификация знаний по международным стандартам, внутренняя и внешняя экспертиза, оценка качества проведенных мероприятий, аналитическая отчетность выполнения управленческих решений, оценка качества условий языковой образовательной среды как составляющей образовательной среды университета и др.

Другим условием формирования языковой образовательной политики университета является управление основными направлениями деятельности субъектов в языковом образовании в системе профессионального, среди которых были выделены: структурно-организационное и управление им, организационно-содержательное и управление процессами согласования в нем, организационно-образовательное и управление взаимодействием субъектов, а также ценностно-ориентационное и специальная система мер и действий в нем.

Все виды деятельности субъектов, например, образовательной, учебно-методической, научной, общественной, воспитательной, культурно-просветительской, организационной, рефлексивно-аналитической, самообразования, повышения квалификации и другие условно распределяются по этим четырем направлениям. Направления деятельности соответствуют трем форматам образовательной политики, принятых в международном сообществе: регулятивному, содержательному, процессуальному. Границы направлений условны (рис. 5).

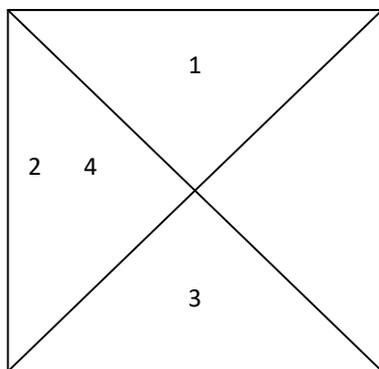

Рис. 5. Направления деятельности субъектов в языковом образовании как компоненте профессионального образования:

1 – структурно-организационное и управление в нем, 2 – организационно-содержательное и процессы согласования в нем, 3 – организационно-образовательное и взаимодействие в нем субъектов, 4 – ценностно-ориентационное и специальная система мер и действий в нем

Процесс согласования разных позиций, расширения субъектного поля деятельности, увеличения числа участников формирования, организации взаимодействия разных специалистов предполагает обучение субъектов формированию языковой образовательной политики университета. С этой целью продумывается система специальных форм повышения квалификации специалистов как по языковому, так и профессиональному образованию: семинары, курсы, дискуссии, обсуждения, дистанционное обучение. Особое внимание в обучении направляется на осознание и понимание тенденций в современном профессиональном образовании, документов по образованию, международных соглашений, положительного зарубежного и отечественного опыта.

Процесс обучения может иметь нелинейный характер, сопровождаться бифуркациями и флуктуациями. Например, стратегические цели, задачи, направления деятельности, изложенные в документах по образованию, зачастую требуют длительного поиска способов реализации и принятия решений. Изучение так называемых скрытых резервов нормативно-правовой базы сопровождается дискуссией, убеждением, трансляцией среди коллег новых возможностей использования документов. С целью визуализации процесса формирования появилась идея восприятия политики как природосообразного явления и живого организма. Творческий поиск привел к тому, что модель формирования была представлена в виде схематичного изображения «Древа качества» (рис. 6).

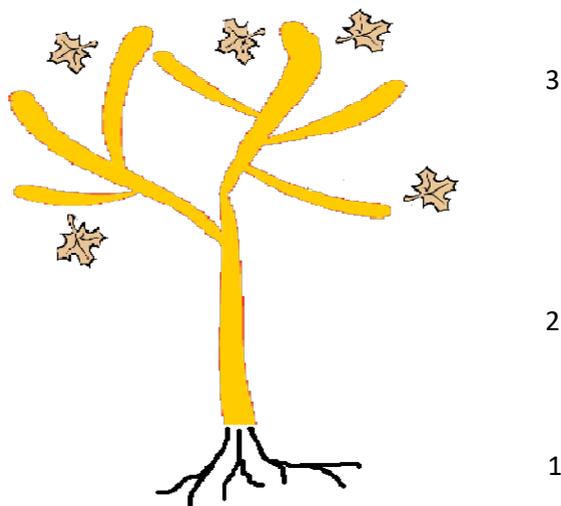

Рис. 6. «Древо качества»:

1 – управленческие решения в формировании языковой образовательной политики университета; 2 – согласование специалистами целей и содержания языкового образования; 3 – разнообразие условий и результаты деятельности субъектов

Предлагаемая схема отображает три яруса политических действий: управленческие решения в формировании политики есть основа всего процесса («корневая система»), согласование специалистами целей и содержания языкового образования («ствол»), действия как процессы («крона» – ветви и листья символизируют договоренности, реализация которых создает разнообразие условий, необходимых для творческой самореализации обучающихся, показывают результаты деятельности субъектов).

Образная модель формирования языковой образовательной политики университета символизирует неотделимость составляющих ее частей друг от друга, их соотносимость с понятиями образовательного пространства, среды и контекста, которые незримо присутствуют на всех уровнях формирования политики и оказывают влияние на деятельность субъектов, в том числе и в области миграционной политики.

При формировании языковой образовательной политики университета первый уровень модели ориентирован на изучение и использование участниками процесса имеющихся ресурсов системы университетского профессионального образования в целом, второй – на изучение внутренних ресурсов языкового образования как составляющей профессионального, организацию процесса согласования и подготовки к преобразованиям, третий – на реализацию задуманного, формирование условий для творческой самореализации и самостоятельной работы обучающихся, появление результатов совместной деятельности субъектов. Содержательным наполнением такой модели становятся преобразовательные действия субъектов в конкретном университете. Модель может быть дополнена и четвертым уровнем изображения «листвы, соцветий или плодов», что показывает конкретные результаты обеспечения качества профессионального образования языковыми средствами в процессе формирования языковой образовательной политики университета.

Проектирование отдельных видов деятельности субъектов (организация самостоятельной и внеаудиторной работы, изменение программ, разработка моделей обучения) на этапах формирования языковой образовательной политики университета направлено на внедрение нового во всем или отдельных элементах языкового образования в системе профессионального, но с учетом условий и возможностей конкретного университетского комплекса.

Формирование языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования учитывает систему воздействий на качество языкового образования по разным направлениям подготовки в многоуровневой системе университетского образования и не может считаться удачной, если формируется автономно от стратегически важных изменений во всем университете. Спецификой формирования языковой образовательной политики университета в этом случае становится гармонизация взаимодействия системы профессионального образования и ее компонента – языкового образования, отношений разных специалистов к выбору способов обеспечения качества профессионального образования языковыми средствами.

Поэтому другая модель формирования представлена как своеобразный «фильтр», роль которого выполняет языковая образовательная политика университета, так как ориентируется на изучение тенденций, потребностей, противоречий, нормативно-правовых документов в образовании, международного опыта, отношения субъектов к качеству профессионального образования и отбор оптимальных воздействий на качество профессионального образования и его компонентов (рис. 7).

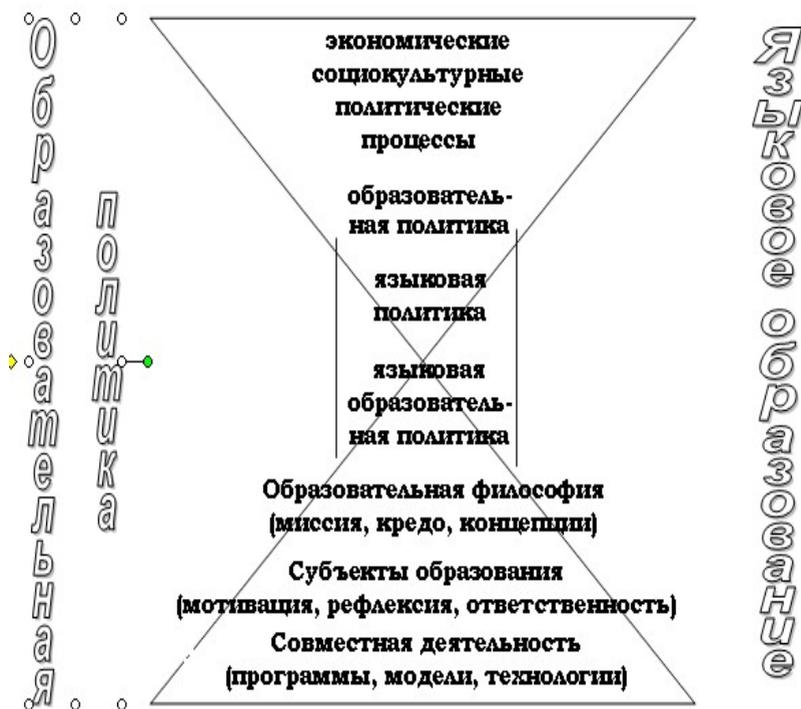

Рис. 7. Формирование языковой образовательной политики университета как способ отбора воздействий на качество университетского профессионального образования

Раскроем специфику формирования представляемого нами феномена (таблица 2).

Условием формирования языковой образовательной политики университета является постоянная и целенаправленная организация взаимодействия субъектов внутри университета и с представителями внеуниверситетского сообщества.

Таблица 2

Специфика (роль, задачи, функции) формирования языковой образовательной политики университета в современных условиях образования

Явления в университетском образовании	Роль языковой образовательной политики университета	Задачи и функция (назначение)
Влияние языковой и образовательной политики на университетских уровнях	Ориентация в деятельности	Разработать комплекс мер с учетом тенденций и специфики. Ориентационная функция
Возрастание проблем и противоречий	Анализ ситуации, систематизация трудностей	Минимизировать проблемы, снимать противоречия через анализ. Аналитическая функция
Интернационализация	Сравнение, выбор приоритетов, анализ сильных и слабых сторон	Определить приоритеты, не адаптироваться, а интегрироваться, сохраняя отечественный опыт. Интеграционная функция
Полидисциплинарность	Изучение методологии научных подходов с позиции междисциплинарности	Использовать потенциал научных направлений с целью обеспечения качества образования. Методологическая функция
Гуманизация и гуманитаризация	Изучение гуманистического потенциала языкового образования	Ориентировать на обучение, развитие и воспитание личностей профессионалов. Ценностно-ориентационная и культурологическая функции

Явления в университетском образовании	Роль языковой образовательной политики университета	Задачи и функция (назначение)
Интенсификация труда	Поиск форм научной организации труда, организация субъектного взаимодействия	Экономить время, финансы и ресурсы персонала, согласовывать позиции. Организационная функция
Конкуренция	Определение целей, результатов, реакция на вызовы времени, прогнозирование	Определить маркетинговую концепцию и представить общественности, развивать рефлексию. Прогностическая функция
Трудности взаимодействия субъектов образования в условиях многообразия и разнообразия	Направление на концептуальные разработки, проектирование, моделирование	Сохранять баланс интересов, совокупность субъектных позиций, развивать взаимодействие. Регулирующая функция
Зарубежный и отечественный опыт	Изучение, обобщение опыта, сохранение своеобразия университетов, использование опыта	Транслировать, изучать, распространять положительный опыт, сохранять традиции, стимулировать совместные разработки. Трансляционная функция
Потребность общества в качестве образования специалистов	Изучение способов обеспечения качества образования	Воздействие на обеспечение качества языкового образования в контексте профессионального. Инновационно-преобразовательная функция

Взаимодействие осуществляется путем диалога (полилога) разных специалистов – представителей структурных подразделений в университете, исследователей, заинтересованных в ре-

лизации целей языкового образования в системе профессионального. Отметим, что в языковом образовании как компоненте профессионального сфера политического дискурса в деятельности субъектов развита очень слабо. Это проявляется в некомпетентности субъектов в формулировании целей, разработки стратегий, неадекватной оценке своей деятельности, неполной рефлексии, неумении сориентироваться в потоке информации, отсутствии систематического анализа своей деятельности и невладении знаниями политической культуры. В результате в университетах появляется потребность в формировании нового вида специальной компетентности у субъектов образования – понимание стратегии обновления языкового образования в университете, осознание роли формирования языковой образовательной политики университета, участие в этом процессе.

Такое понимание необходимо как преподавателям, так и студентам, так как способствует восприятию современных целей языкового образования, ясности результатов, реалистичности и объективности совместной деятельности субъектов образования. Условием формирования языковой образовательной политики является то, что цели, задачи и результаты языкового образования как показателя качества профессионального должны быть четко и корректно сформулированы командой специалистов, поняты и приняты преподавателями, студентами и другими представителями университетского сообщества.

Изучение политического дискурса современного университетского образования показывает неоднозначность, неоднородность, разнообразие интересов и позиций субъектов. В этих условиях формирование языковой образовательной политики университета не ориентируется на жесткий алгоритм действий, а направлено на поиск совокупности субъектных позиций. Опора на различные мнения специалистов в университете позволяет

принимать решения как коллективную договоренность, в которой учитываются разные мнения и интересы.

Основным условием формирования языковой образовательной политики университета становится ориентация на результат не в ракурсе ассимиляции, а с позиций уважения различных мнений, интересов, суждений и точек зрения. В этом случае нормой становится анализ и понимание проблемы, формулировка цели, задач, видение результатов работы, поиск современных способов обеспечения качества языкового образования как компонента профессионального, экономия средств, времени и ресурсов персонала.

В соответствии с синергетическими идеями принятие решения не может претендовать на абсолютную истину, рассматривается лишь как приближение к ней, как непрекращающийся процесс совершенствования и самосовершенствования. В этой ситуации не может быть единомыслия, официально следует признать разнообразие способов обеспечения качества языкового образования как составляющей профессионального, языковой образовательной среды как составляющей образовательной среды университета, языковой компетентности как составляющей профессиональной компетентности. В реализации идей языковой образовательной политики университета возрастает гражданская ответственность каждого субъекта за воплощение цели и достижение значимого, устойчивого результата.

Таким образом, в процессе систематизации и описании условий формирования языковой образовательной политики университета нами определены следующие группы:

- 1) организационно-управленческие – университетское сообщество осознает современные тенденции в системе высшего профессионального образования, участвует в формировании европейского образовательного пространства, в университете востребовано единство гуманитарной и профессиональной подго-

товки, присутствуют элементы регулирования взаимодействием языкового и профессионального образования, руководство и университетское сообщество заинтересованы в обеспечении качества профессионального образования языковыми средствами; непосредственно для формирования данного вида политики в университете осуществляется обучение профессорско-преподавательского состава через систему курсов, семинаров, создаются команды и рабочие группы по реализации целей политики и решению отдельных задач;

2) содержательно-организационные – в университете осуществляется поиск сближения интересов специалистов языкового и профессионального образования, что находит отражение в программах, в университете есть модели, позволяющие демонстрировать высокое качество профессионального образования языковыми средствами, в университете обнаруживаются резервы качества образования (финансово-экономические, кадровые, дидактические и др.); в процессе формирования изучаются возможности университета, осуществляется анализ и накопление информации, определяются группы единомышленников по реализации целей политики;

3) образовательно-организационные – в университете совершенствуется управление субъектным взаимодействием и процессами обеспечения качества образования, формируются условия языковой образовательной среды, совершенствуется система гарантий качества языкового компонента в профессиональном образовании; особенно тщательно продумывается и реализуется психолого-педагогическое сопровождение обновления языкового образования (стимулирование субъектов, информирование, презентация положительных результатов);

4) ценностно-ориентационные условия пронизывают весь процесс формирования – в университетском сообществе осознается значимость культурологических ценностей (разнообразие

языков и культур, взаимодействие родного и иностранных языков) в профессиональном образовании, поддерживается диалог специалистов, формируется положительное отношение к инновациям и преобразованиям, в университете проводится апробация новых программ, курсов, реализуются модельные проекты; в процессе формирования распространяются идеи социокультурного подхода к профессиональному образованию, продумывается система внеаудиторных мероприятий, обеспечивающая взаимодействие культур и языков, создаются условия для творческой самореализации и самостоятельной работы обучающихся.

Формирование языковой образовательной политики университета, направленное на развитие партнерства, сотворчества, взаимодействия преподавателей, студентов и заинтересованных в качестве образования лиц предполагает моделирование совместных форм работы, различных техник взаимодействия, позволяющих субъектам образования диалогично общаться, самосовершенствоваться и самореализовываться. В этом случае процесс формирования языковой образовательной политики университета не может быть линейным и закрытым, он будет многоаспектен и разнообразен.

Процесс формирования предоставляет свободу выбора и творчества субъектам образования, что соответствует методологическим идеям синергетического и культурологического подходов, использование совокупности знаний которых рассматривается нами как современный научный способ обеспечения качества профессионального образования языковыми средствами.

В условиях поликультурного образовательного пространства формирование языковой образовательной политики следует рассматривать как целенаправленное движение, как непрекращающийся процесс. В соответствии с синергетическим подходом в условиях диверсификации образования не может существовать жесткого алгоритма и предписания однозначных дейст-

вий субъектов. Языковая образовательная политика университета формируется поэтапно, путем осознания, согласования позиций, выбора оптимального пути обеспечения качества профессионального образования, признанного в результате изучения разных мнений и субъектных позиций в университете одним из способов обеспечения качества профессионального образования языковыми средствами.

Развитие процесса формирования может сопровождаться синергетическими «взрывами», иметь элементы хаоса, возврата, но эти случаи рассматриваются как временные, воспринимаются как стимул к дальнейшему совершенствованию качества. Договоренность является этапом и результатом формирования. Правильность выбора подтверждается практикой, поэтому формирование языковой образовательной политики постоянно сопровождается практической реализацией и проверкой задуманного.

Таким образом, основными этапами формирования языковой образовательной политики следует считать осознание, согласование и договоренность, а основными атрибутами формирования – диалог, выбор, практическую реализацию. Выбор основных этапов формирования, в названии которых отражена приоритетность субъектного взаимодействия в процессах обеспечения качества профессионального образования языковыми средствами, обусловлен научными предпосылками: педагогической закономерностью социальной обусловленности образования, принципом социальной обусловленности управления качеством образовательного процесса, пониманием обеспечения качества как части управления, как согласования мер и действий, а также следующими социально-педагогическими предпосылками: вовлечение новых субъектов в процессы модернизации образования, кооперация университетов и специалистов, объединение усилий представителей университетского и внеуниверситетского сообществ.

Основными показателями результативности формирования языковой образовательной политики университета являются: достижение в университетском сообществе договоренностей о развитии языкового образования по направлениям подготовки, принятие и реализация решений, разработка и осуществление комплекса мероприятий; наличие развивающихся связей университета в области языкового образования по направлениям подготовки (региональных, федеральных, международных с преподавателями, студентами, специалистами разных вузов, организаций, учреждений, предприятий); положительная динамика развития языковой компетентности обучающихся как составляющей профессиональной компетентности; положительная динамика качества результатов творческой деятельности обучающихся (презентации, резюме, аннотации, проекты); положительная динамика изменения условий языковой образовательной среды университета как составляющей образовательной среды университета.

В результате определения роли, специфики, функций, анализа особенных черт, условий, этапов формирования языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования были сформулированы определения языковой образовательной политики университета и ее формирования.

При соблюдении основных условий процесс формирования становится направляющей, стимулирующей силой взаимосвязи теории и практики в образовательной деятельности, импульсом постоянного обновления системы, ее компонентов, современных знаний субъектов, что в конечном итоге приводит к качественному преобразованию языкового образования как составляющей профессионального.

Особенным в формировании языковой образовательной политики каждого университета становится выбор собственных

решений в условиях конкретного университета. Те, кто реализует политические идеи на уровне университета, должны быть готовы и к конструктивной критике, и к непониманию, и к отрицательным результатам. В реализации масштабных идей не следует ожидать мгновенного социального эффекта. Пробы в малых масштабах и распространение положительного опыта как аргумента для внедрения в больших масштабах – неотъемлемая часть формирования языковой образовательной политики университета. Ответственность за реализуемое сопряжена с пониманием того, что любые инновации требуют тщательной подготовки и целенаправленного объединения усилий специалистов всего университета, достижения ими договоренностей о совместной деятельности по обеспечению качества университетского профессионального образования языковыми средствами.

Механизм формирования языковой образовательной политики университета основан на естественном стремлении системы и субъектов в ней к улучшению результатов в обеспечении качества профессионального образования языковыми средствами. Диалог, поиск согласия, выбор форм оптимального решения задач обуславливают достижение коллективной договоренности, которая является и основой, и гарантией качества университетского профессионального образования, и ответом на вызовы современного времени.

Таким образом, решение задачи разработки модели формирования языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования подтверждает гипотезу о том, что одним из факторов обеспечения качества современного профессионального образования может выступать языковая образовательная политика, которая характеризует стратегию обновления языкового образования как неотъемлемого компонента университетского профессионального образования [Дружинина, 2007; Дружинина, 2009].

Обобщим понятия, предлагаемые нами для активного использования в междисциплинарных научных исследованиях и научно-образовательной практике и получившие признание научной общественности:

1. Понятие «языковая образовательная политика университета».

Языковая образовательная политика как составляющая образовательной политики университета есть *результат* согласования позиций всех заинтересованных сторон о целях, содержании, организации и результатах языкового образования.

2. Понятие «качество университетского языкового образования».

Качество университетского языкового образования характеризует такое образование, которое по своим целям, содержанию, организации и результатам *удовлетворяет*:

– *потребности обучающихся* во владении родным и иностранными языками, правилами межкультурной коммуникации в повседневном, деловом и профессиональном общении;

– *запросы общества* на развитие языковых способностей человека, необходимых для разнообразных контактов, в том числе международных, работы с информацией на родном и иностранном языках;

– *требования государства* к языковой подготовке выпускников высшей школы по всем направлениям / специальностям (владение языками, в том числе иностранными, умение общаться, работать с информацией и др.).

3. Взаимосвязь качества языкового образования и качества профессионального образования в образовательной системе университета.

Основным показателем качества университетского языкового образования выступает *языковая компетентность* обучающихся, проявляющаяся в их способности решать общекультурные

задачи (общаться, работать с информацией, писать деловые письма, резюме и др.) и профессиональные задачи (отбор и презентация специальных материалов, аннотирование, перевод, участие в проекте по специальности и др.), используя языковые средства.

Развивающаяся языковая компетентность выпускников университета существенно обогащает их возможности в овладении задачами профессиональной деятельности в поликультурном пространстве посредством привлечения информации из различных источников, в том числе на иностранном языке, посредством участия в диалоге с деловыми партнерами и специалистами и тем самым *влияет* на качество профессионального образования.

4. Понятие «формирование языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования».

Формирование языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования – это *целенаправленный и поэтапный процесс принятия и реализации* субъектами образовательной системы университета решений об их совместной деятельности по обеспечению качества современного языкового образования путем взаимосвязи его целей и содержания с профессиональным образованием, обновления условий языковой образовательной среды как составляющей образовательной среды университета, создания новых возможностей творческой самореализации будущих специалистов в университете и международном сообществе [Дружинина, 2009].

На рубеже двух веков в международном сообществе стала активно развиваться политическая концепция многоязычия, которая ориентируется не только на знание нескольких языков, но и понимание различных культур, а также на изучение междуна-

родного повседневно-обиходного, профессионально-делового и научно-информационного видов общения.

Многоязычие – сложное и многогранное явление. Этим понятием интересуются не только лингвисты и филологи, но и философы, психологи, политологи, культурологи, педагоги и даже физиологи. Не только в повседневной жизни, но и в научной литературе многоязычие трактуется как фактор, принцип, феномен, норма и даже символ. Чаще всего под многоязычием (в качестве синонимов в словарях используются также полилингвизм, мультилингвизм, что остается дискуссионным) понимается сосуществование и использование языков в обществе и отдельными индивидами, при этом в широком смысле под многоязычием понимается использование не только языков, но и диалектов одного языка [Гуманитарная энциклопедия, 2011].

Во многих определениях изучаемого понятия подчеркивается, что многоязычие – это «владение несколькими языками и регулярное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации» [Ковтун, 2008, с. 28]. Понимание многоязычия как способности отдельного человека, по мнению других ученых, недостаточно, так как этот термин используется для описания межрегиональных и межгосударственных отношений, что исторически обусловлено и стало особенно выраженным в XX в. [Смокотин, 2011].

Анализ различных трактовок понятия показывает, и в этом ученые едины, что многообразие языков связано со своеобразием разных культур. Это актуализирует проблему не только языковых, но и культурных знаний, необходимых для формирования как национальной идентичности индивида, так и поликультурной личности.

Многоязычие расценивается как высший уровень языкового сознания [Ковтун, 2008], поскольку в процессе общения в поли-

культурных ситуациях мобилизуются мышление, творчество, чувства, знания и способности.

Отсюда становится понятным внимание разных ученых к изучению многоязычия, его возрастающая роль в образовании. Стимулом к изучению этого явления является многоязычная и поликультурная политическая стратегия Европы [Общеввропейские компетенции, 2003], в результате которой 15-й год активно пропагандируется и реализуется идея изучения 3–5 языков, включая свой родной и, если есть, его диалект, распространяется и внедряется культурологический подход в преподавании иностранных языков, особенно его социокультурные идеи.

А.А. Кручинина проанализировала и показала, как условия многоязычия изменяют роль преподавателя иностранного языка, определила основные перспективы дальнейшего развития идей многоязычия в отечественном образовании, в частности, путем изменения концепции языкового образования, обеспечения системности в организации мобильности студентов и др. [Кручинина, 2009]. В отечественной науке накапливаются разработки авторских концепций обучения языкам и культурам, например, «мультилингводидактика» [Барышникова, 2008], формирование многоязычной компетенции [Евдокимова, 2009]. Таким образом, многоязычие – это источник комплекса идей, которые следует рассматривать как эксплицитные и имплицитные, приоритетные и второстепенные, трудно выполнимые, но реальные для внедрения. Все это создает необходимость систематизации научных и практических разработок, объединяемых общей стратегией развития языкового образования.

Вслед за Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез под языковым образованием мы понимаем «образование в области всех (родных и неродных) языков и культур» [Гальскова, 2008, с. 3]. Следовательно, в многоязычном обучении следует обеспечивать взаимосвязь иностранных языков с родным языком и культурой.

Если учитывать существенные взаимосвязи многоязычия с идеями современной профессиональной лингводидактики и воспринимать многоязычие в политическом контексте, а также с позиций миграционной лингвистики, то многоязычие следует рассматривать и использовать в языковом образовании университетов как понятие, подход и способ. Что это позволяет?

Многоязычие как понятие дает возможность расширить рамки языкового образования путем:

- изучения языков и культур разных стран с целью их сравнения;
- использования возможностей культурологического и контрастивного подходов;
- создания на занятиях многоязычных и поликультурных ситуаций;
- раскрытия сути разных языковых и культурных феноменов;
- привлечения личного опыта преподавателей и студентов;
- мотивации к расширению языкового опыта обучающихся.

Многоязычие как подход нацеливает языковую образовательную политику университета на системную поддержку разных языков путем:

- организации групп по изучению второго и третьего иностранных языков;
- проведения встреч с носителями тех языков, которые имеют тенденцию к сокращению в языковом образовании;
- чтения открытых публичных лекций с целью агитации и мотивации студентов к изучению 2–3 языков;
- проведения внеаудиторных мероприятий на разных языках;
- организации кинолекториев, экскурсий на выставки по различным темам культуры и языков;

- участия в неделях иностранных языков;
- расширения спектра курсов в языковых центрах;
- разработки многоязычных пособий.

Многоязычие как способ позволяет на занятиях:

- анализировать контрасты языковых и культурных феноменов, включая родной язык и культуру;
- прибегать к использованию на занятиях родного языка;
- выполнять творческие работы (сочинения, проекты, аннотации, рефераты) путем сравнения повседневных и профессиональных явлений, своих и чужих ценностей, отечественных и зарубежных моделей, тенденций, событий, подходов;
- противостоять таким языковым явлениям, как *Denglish*, *Renglish*, *Frenghlish* и т. д.;
- специально объяснять заимствованные иностранные слова, анализировать их необходимость или, наоборот, нецелесообразность использования.

В 2001 г. на кафедре иностранных языков Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова началась работа по созданию учебного пособия «Культура на Севере: на пути к многоязычию». Поводом к обсуждению концепции явилось наблюдение за общением студентов с носителями языка: студенты затруднялись с ответами на вопросы о нашей культуре, региональных культурных явлениях. Информация и возможность ее презентации на иностранных языках были настолько малы, что обсуждать на занятиях региональные темы не представлялось возможным. Имеющиеся дополнительные материалы, чаще представленные в виде УМР на английском или немецком языках, не ориентированы на разные языки, изучаемые в регионе, а также на русский язык как иностранный, не дают возможности развития сопричастности ко многим уникальным культурным феноменам Архангельского региона, например:

иконопись на Севере, пушкиниана, северная роспись, русская деревня, северные обряды и другие темы.

Авторы обратились к культуре Русского Севера как к неисчерпаемому источнику, который вдохновляет и питает многих людей. В процессе работы делались личностные открытия, осознавалось новое, осуществлялась попытка передать в доступной форме элементы родного и близкого, происходила реализация так называемого трансфера осознания культурных явлений средствами других языков и культур.

Нашими зарубежными партнерами в решении задач адекватности перевода стала большая группа коллег из Франции, Норвегии, Великобритании, Америки и Германии. В 2004 г. пособию присвоен гриф УМО по педагогическому образованию. Второе издание состоялось в 2009 г. Третье – в 2018 г. вышло под названием «Культура на Севере. Педагогика многоязычия». Концепция одобрена на книжных выставках и научных форумах в Швейцарии, Германии, Австрии, получило ряд российских и зарубежных признаний и грантов. Немецкая Национальная библиотека включила работу в международный каталог своей библиотеки и запросила книгу в свой фонд.

Основные положения концепции были обозначены нами следующим образом:

1. Ориентация материалов на культуру Русского Севера (Архангельска и Архангельской области).
2. Материалы должны быть индивидуально прочувствованы авторами, основаны на личностном восприятии культурных явлений: литературы, персоналий, экскурсий, посещения культурных объектов.
3. Все предлагаемые темы автономны, что дает право их выбора.
4. Каждая тема носит открытый характер и дает повод к дальнейшему ее изучению.

5. Тексты должны быть небольшими по объему, информативны, представлять разные жанры и виды: интервью, сказку, беседу, литературное описание, репортаж, экскурсию, афишу.

6. В интерпретации материалов преобладают чувственные образы, интересы авторов, обязателен элемент культурологической новизны и вместе с тем простоты презентации.

7. Читатели должны почувствовать богатство и неповторимость культуры Русского Севера, понять, почему говорят, что на севере «отдыхают душой» и «лечат душу».

8. Задания к текстам должны быть разнообразными, немотонными и неутомительными. Читателям интересно то, что легко и с удовольствием воспринимается.

9. Все задания мотивируют к работе, поэтому необходимо продумывать их формулировку в соответствии со спецификой разных языков.

10. Задания побуждают к размышлению над языковыми и культурными феноменами: языковыми особенностями, литературным разнообразием, стилевыми различиями, исторической спецификой, неповторимостью культуры.

11. Фотографии тщательно отбираются и могут иметь отношение к авторскому коллективу.

12. Материалы излагаются на 6 языках: русском, английском, немецком, французском, норвежском, китайском. Это позволяет «прогуляться по цветному ковру иностранных языков босиком», не зная даже букв, таким образом, читатель совершает первые шаги к многоязычному миру.

13. Уровень знаний пользователей по шкале «Европейского языкового портфеля» – А2, В1 и выше.

14. Перевод корректируется носителями языка, его адекватность проверяется в совместной работе.

15. Пособие способствует развитию межпредметного кругозора и образованности читателей, интересующихся иностран-

ными языками, историей, литературой, живописью, географией, иконописью, судьбами знаменитых людей.

16. Пособие ориентируется на широкий круг русских и зарубежных пользователей, мигрантов, которые интересуются иностранными языками и культурой. Предлагаемые материалы могут использоваться как для аудиторной работы, так и для самостоятельного изучения.

В ходе договоренности авторским коллективом были отобраны 17 тем, а в последнем издании их уже 20 о культуре Русского Севера: Как возник Архангельск, Архангельск купеческий, Соловки, Экскурсия по Малым Корелам, Свадебный обряд на Севере, Икона на Севере, Стилиевые различия в росписи Северной Двины, Русская деревня, Школа Бурчевского, Романтик из Соломбалы, Марфин дом, Афиша выходного дня, Церковь Святого Николая и другие. Авторский коллектив обратился к культуре Русского Севера как к неисчерпаемому источнику, который вдохновляет и питает многих людей. В процессе работы делались личностные открытия, осознавалось новое, авторы пытались в доступной форме передать элементы родного и близкого, осуществить так называемый трансфер культур средствами других языков, затронуть чувства и эмоции читателей, заинтересовать идеями изучения языков и культур. Подчас это был мучительный поиск близких по значению слов, фраз, понятий. Авторы пособия стали ближе друг другу, учились толерантности и сотрудничеству. Зарубежными партнерами в решении задач адекватности перевода стала большая группа коллег: Мари-Габриэль Лафитт (Франция), Дани-Софи Клукас (Германия), Артур Листер (Великобритания), Рой Карштансен и Марит Бьеркенг (Норвегия), Алис Муррей и Билл Райли (США), Джичиан Шенг (Китай) и другие специалисты. Межкультурная коммуникация и тесное общение содействовали решению переводческих задач и преодолению трудностей восприятия языковых

и культурных феноменов и реалий. Решение сложных задач перевода и изложения материалов осуществлялось путем осознания, согласования и договоренностей путем прямого общения, встреч и переписки.

Многолетняя апробация идей многоязычия и мультилингвизма позволяет сделать следующие выводы. Интернационализация образовательной, социально-экономической, управленческой и всех других сфер жизнедеятельности людей предъявляет к специалистам и участникам международного общения особые требования: знание иностранных языков, уважение к другим культурам, умение ориентироваться в кросс-культурной ситуации, способность представления родной культуры, соблюдение морально-этических норм, наличие личностного потенциала для делового и неофициального общения. Любой человек интересен как личность, если он способен понимать и сравнивать разные культуры. Знание своей культуры, владение информацией, неизвестной для собеседника, умение рассказать о том, что представляет интерес для других, включение в общение элементов нового и привлекательного необходимо субъектам общения. Акцентируем внимание на том, что все эти способности следует развивать и у иностранных студентов, и у мигрантов. В этой ситуации вклад в образование научных данных миграционной лингвистики очень востребован.

Следует учитывать, что язык является инструментом всех сфер общения: обиходно-повседневной, деловой, профессиональной, научной, способом изменения социокультурного пространства, фактором исторического развития государств, механизмом влияния на экономические, а также и миграционные процессы.

Современное языковое образование располагает целым рядом средств для организации многоязычного общения: наличие огромного количества материалов, возможность выбора зару-

бежных учебников, видео- и аудио-курсов, доступ к интернет-ресурсам всего мира, общение с носителями языка, чтение иноязычной прессы, знакомство с информацией через каналы телевидения, использование электронной почты, чатов и многое другое. В целом ситуацию полиязыкового образования сегодняшнего дня следует оценивать как благоприятную для изучения иностранных языков и других культур, что отвечает потребностям участников процессов интернационализации и международной мобильности.

Идеи многоязычия и регионоведения, отражающие взаимосвязь своей и других культур и языков, имеют большое значение для формирования культурной идентичности и самоидентификации. Поэтому разработка многоязычных пособий имеет особую ценность для языкового образования по всем направлениям подготовки и на курсах для изучающих русский язык, включая иностранных студентов и мигрантов.

Еще одним примером реализации идей миграционной политики и концепции формирования языковой образовательной политики стало участие преподавателей и студентов в международном проекте «Англицизмы в языках мира». Этот проект является долгосрочным, начат в 2015 г. и продолжается в текущем году. Участниками проекта стали студенты и преподаватели Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, руководители и члены организации «Verein Deutsche Sprache», профессор немецкого университета (Georg-August-Universität Göttingen) Dieter Stellmacher. Целью этого проекта являлось совместное изучение научной литературы о влиянии английского языка на русский язык. Студентами лингвистического направления подготовки было собрано, изучено и систематизировано более 50 источников по теме. Результаты данного анализа были представлены немецкой стороне в виде обзора научной литературы. Далее начался прикладной этап

проекта, получивший условное название «Англицизмы в Архангельске». Студенты собирали материал об англицизмах в сфере рекламы, торговли, спорта и бизнеса, фотографировали обнаруженные явления, систематизировали собранные материалы. В результате было выявлено 3 типа заимствований: 1) вошедшие в обиход, 2) новые заимствования, распространяющиеся в употреблении, 3) нерациональные для употребления заимствования, засоряющие речь и русский язык. Приведем некоторые примеры:

Группа 1: блокбастер / *blokbaster* = engl. *blockbuster*, гриль / *gril'* = engl. *grill*, сэндвич/*sěndvič* = engl. *sandwich*, бизнесмен/*biznesmen* = engl. *businessman*, байкер/*bajker* = engl. *biker*, стейк / *stejk* = engl. *steak*.

Группа 2: кофейная комната / *koferum* = engl. *coffee room*, бургер / *burger* = engl. *burger*, фиш-энд-чипс/*fiš-ěnd-čips* = engl. *fish and chips*, панкейки / *pankejki* = engl. *pancakes*, чизкейк / *čizkejki* = engl. *cheesecake*, брауни / *brauni* = engl. *brownie*, банана-сплит / *bananasplit* = engl. *banana split*, донатс / *donats* = engl. *doughnuts*, фахитас / *fachitas* = engl. *fajitas*, кейтеринг / *kejtering* = engl. *catering*, ланчбокс / *lančboks* = engl. *lunch box*, сет / *set* = engl. *set*, ди-джей / *di-džej* = engl. *disc jockey (dj)*, саунд-продюсер / *saund-prodjuser* = engl. *sound producer*, резидент / *rezident* = engl. *resident*, трек / *trek* = engl. *track* и др.

Группа 3: лайт / *lajt* = engl. *light*, смайл / *smail* = engl. *smile*, трейдинг = engl. *trading*, буккипер / *bukkiper* = engl. *bookkeeper*, чикен/*čiken* = engl. *chicken*, фиш / *fiš* = engl. *fish*, коул слои/*koul slou* = engl. *cole slaw*, топ-блейд / *top-blejd* = engl. *topblade*, хаш-браун / *chašbraun* = engl. *hash browns*.

Особенно много англицизмов было обнаружено в рекламе: *Present, Baby boom, Trade in, Good Factory, Dental Smile, Dentist, Big Bro, Barber Shop, Special For You, Dram Park, Befree, Lady & Gentleman City* и многие другие.

Студенты выявили множество гибридных существительных, например: art мебель aus engl. art 'Kunst' + russ. мебель 'Möbel', doornado aus engl. door 'im Sinne von etwas erlangen' + russ. надо 'man muss', блинхаус aus russ. блин / blin 'Pfannkuchen' + engl. house 'Haus' и т. д.

Некоторые смешения языков в словах и выражениях студенты отметили как нетерпимые в языке, например: *колготки-shop*, *алко-shop*, *хоз-market*, *go в отрыв*, *welcome на Поморье*, *идем на party*, *одеваем T-shirt-ки* и многие другие, нарушающие языковую экологию городской среды.

В русском языке появились и так называемые мнимые заимствования, не имеющие ничего общего с семантикой слов английского языка, например: *Babyfit*, *beermania*, *flash cafe* и др.

Процесс работы над проектом, представления и обсуждения материалов на занятиях и научных мероприятиях, безусловно, расширил лингвоэкологический потенциал студентов, в том числе и иностранных, которые тоже приняли участие в проекте. Полагаем, что результаты проекта вполне уместны в работе с мигрантами и их детьми.

Следующий этап проекта – подготовка раздела в книгу «Англицизмы в языках мира», издание которой планируется на немецком языке в Германии.

Таким образом, нами представлена роль языковой образовательной политики университета в процессах развития новых научных направлений, таких, как миграционная лингвистика, политическая лингвистика, лингвоэкология и др. Суть новой научной парадигмы заключается, на наш взгляд, в ее междисциплинарности и полиметодологичности, пересечении научных идей и подходов к исследованию социокультурных и лингвокультурологических проблем с позиций разных наук, что, вне всякого сомнения, в целом обогащает как науку, так и образование, формирует поликультурное и многоязычное научно-

образовательное пространство. Полипарадигмальная матрица наук становится структурным каркасом и действенным механизмом для новых научных идей, распространения нестандартных открытий в научном сообществе, популяризации и просвещения лингвоэкологических знаний среди широких слоев населения, включая представителей других национальностей, носителей других языков и культур, включая мигрантов.

Список литературы

1. Барышников Н.В. Дидактика многоязычия: теории и факты // Иностранные языки в школе. 2008, № 2. С. 22–24.
2. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. Учебное пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин.яз. высш. пед. учеб. зав-й. Москва: Издат. центр «Академия», 2008. 136 с.
3. Гуманитарная энциклопедия. URL: <http://glossword.info/index.php/list/30-gumanitarnaya-entsiklopediya/%D0%9C,%D0%9D,.xhtml> (дата обращения: 14.03.2019).
4. Дружинина М.В. Формирование языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессиональной подготовки современных специалистов: монография. Архангельск: Изд-во «Поморский университет», 2007. 471 с.
5. Дружинина М.В. Формирование языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования. Дисс. д. пед. н. Санкт-Петербург, 2009. 378 с.
6. Дружинина М.В. Формирование языковой образовательной политики университета как фактора обеспечения качества профессионального образования. Автореф... д. пед. н. Санкт-Петербург, 2009. 40 с.
7. Евдокимова Н.В. Формирование способностей к изучению иностранных языков // Высшее образование сегодня. 2009, № 9. С 89–93.
8. Заявка Российской Федерации на присоединение к Болонскому процессу, июнь 2003 г. <http://www.edu.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2004).

9. Зубарева Е.О., Шустова С.В. Миграционная лингвистика: к вопросу о формировании // Мир языков: ракурс и перспективы: сборник материалов IX Международной науч.-практ. конференции, Минск, 26 апреля 2018 г.: в 6 ч. Ч. 1 / БГУ, Филологический факультет, кафедра английского языкознания; редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. С. 66–68.

10. Ковтун А. Многоязычие как константа языкового сознания Л.П. Карсавина. О переводе трактата Л.П. Карсавина «О совершенстве» // *Studies about languages*. 2008, № 13. С. 38–43.

11. Кручинина А.А. Преподаватель иностранных языков в условиях многоязычия: проблемы и перспективы // Иностранные языки в экономических вузах России: Всероссийский научно-информационный альманах № 8. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов», 2009. С. 6–15.

12. Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Монография / Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко Е.В., Костева В.М., Мошанская Е.Ю., Шустова С.В. / Науч. ред. д. ф. н., профессор Е.И. Ерофеева. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. 163 с.

13. О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации: приказ № 40 Министерства образования и науки Российской Федерации от 15 февр. 2005 г.; План мероприятий реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005–2010 годы: прил. к приказу // Формирование единого научно-образовательного пространства на Европейском Севере как ответ на вызовы XXI века: сб. ст. Архангельск, 2005. С. 228–234.

14. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Под общ. ред. К.М. Иришхановой. М.: МГЛУ, 2003. 256 с.

15. Общеввропейское пространство образования – достижение целей: коммюнике Конференции Европейских министров образования. Берген, 19–20 мая 2005 г.<http://www-ukr.univer.kharhrov.ua> (дата обращения: 08.01.2007).

16. Селезнева Н.А. Системы обеспечения качества и управления качеством высшего образования по специальностям (направлениям подготовки) как главные объекты комплексного исследования и модернизации. Москва, 2004. 45 с.

17. Смокотин В.М. Многоязычие и общество. URL: <http://www.lib.tsu.ru>. Проверено 7.01.2011. Заглавие с экрана.

18. Тер-Минасова С.Г. Что мешает повышению качества преподавания иностранных языков как средства общения между профессионалами // Критерии качества в преподавании иностранных языков в неязыковых вузах. Тезисы докладов и выступлений. Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 апреля 2006 г.). Санкт-Петербург, 2006. С. 4.

19. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 14.03.2019).

20. Garai A. Mehrsprachigkeit beim ausländischen Unternehmen in Ungarn und neuartiger Fremdsprachenunterricht für Studenten // Mehr Sprache – mehrsprachig – mit Deutsch: Konzepte und Thesen der XII. Internationalen Tagung der Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer, 30. Juli bis 4. August 2001, Luzern, Schweiz / hrsg. im Auftrag des Internationalen Deutschlehrerverbandes und der Tagungorganisation der XII. IDT. Luzern, 2001. S. 241.

21. Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: Lernen, lehren, beurteilen / J. Trim, B. North, D. Coste mit J. Sheils; Rat für kulturelle Zusammenarbeit. Berlin und München: Langenscheidt, 2002. 240 S.

22. Krumm H.-J., Cillia R. de. Forum mit Vertretern der Sprachmittlerorganisationen // Mehr Sprache – mehrsprachig – mit Deutsch: Konzepte und Thesen der XII. Internationalen Tagung der Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer, 30. Juli bis 4. August 2001, Luzern, Schweiz / hrsg. im Auftrag des Internationalen Deutschlehrerverbandes und der Tagungorganisation der XII. IDT. Luzern, 2001. S. 20–21.

23. Stehle R. Synergien beim Fremdsprachenlernen // Mehr Sprache – mehrsprachig – mit Deutsch: Konzepte und Thesen der XII. Internationalen Tagung der Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer, 30. Juli bis 4. August 2001, Luzern, Schweiz / hrsg. im Auftrag des Internationalen Deutschlehrerverbandes und der Tagungorganisation der XII. IDT. Luzern, 2001. S. 21.

Шустова С. В.

*Доктор филологических наук, доцент, профессор,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

РЕКЛАМНЫЙ МИГРАНТСКИЙ И АНТИМИГРАНТСКИЙ ДИСКУРСЫ

Обращение внимания к миграционным процессам со стороны лингвистов обусловлено необходимостью не только исследования влияния языка мигрантов на язык принимающей стороны, языка принимающей стороны, но и моделирования миграционного дискурса с целью определения аспектов, позволяющих снижать конфликтность.

В связи с этим особую значимость приобретает изучение миграционного дискурса как совокупности текстов

- отражающих миграционные процессы, их протекание;
- актуализирующих социальных агентов этих процессов
- и социально-культурную практику.

С миграционными процессами связаны определённые риски, которые необходимо минимизировать в пользу тех выгод и того положительного эффекта, которые неизбежно влечёт за собой миграция.

В этом отношении миграционный дискурс взаимодействует с экономическим, демографическим, этническим, культурным, образовательным, религиозным, политическим дискурсами.

Определить позиции пересечения и идентифицировать положительные и отрицательные факторы, связанные с миграционными процессами – задача, которая может быть решена только при условии взаимодействия специалистов разных областей.

Современные подходы к пониманию коммуникации как взаимодействия, погруженного в социально-культурные условия, существенно изменяют традиционное отношение к специфике текстов, созданных в рамках различных институциональных дискурсов.

Известно, что любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности.

В фокусе нашего внимания находится рекламный мигрантский дискурс, выделяемый в рамках миграционной лингвистики.

Миграционная лингвистика как направление, развивающееся в Европе уже на протяжении более 10 лет, и новое для России имеет глубокие корни в истории развития лингвистической науки в целом. На этот факт обращает внимание Е. Гугенбергер, являющаяся ведущим специалистом в мире в сфере миграционной лингвистики, наряду с такими немецкими исследователями как Томас Крефельд и Томас Штель.

Исследование миграционных процессов имеет давнюю традицию, начиная с примеров миграции в США, Канаду и Австралию. Особую значимость миграционные процессы представляют в Европе. Но и для России вопрос о миграции населения давно приобрёл актуальность. Так, В.О. Ключевский указывал, что история России есть история страны, которая колонизируется. Миграция является социальным и политическим феноменом, именно поэтому.

Мы рассматриваем миграционный дискурс как социальную практику, общение между агентами и социальными институтами, то есть общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной или этнической группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации.

В рамках миграционного дискурса мы выделяем рекламный мигрантский дискурс [см., например, Цзян, Оглезнева, 2016].

Адресатом рекламного мигрантского дискурса являются мигранты, с которыми рекламодатели, организации, учреждения, социальные институты (как социальные агенты, как адресанты) взаимодействуют в процессе решения насущных проблем пребывания, проживания мигрантов на территории другого государства.

Важным признаком любого дискурса является интенциональность, которая выступает в качестве релевантного дифференцирующего признака жанра в целом. Интенция рассматривается как цель говорящего. Конституирующим признаком жанра является коммуникативная / иллокутивная цель. Коммуникативная цель актуализирует «отраженное в высказывании и предназначенное для распознавания намерение говорящего оказать то или иное воздействие на знания, эмоциональное состояние или поведение адресата [Федосюк, 1997, с. 107].

Речевые жанры – это устойчивые, тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, а текстов [Там же]. Адресат получает информацию не только о том, какое воздействие на него стремится оказать говорящий (иллокутивная цель), но обо всем комплексе признаков, который характеризует предназначенные для распознавания коммуникативные намерения говорящего и именуется иллокутивной силой. Иллокутивная сила любого речевого жанра отражает событийное содержание высказывания, а также представления говорящего о том, каково его отношение к адресату и к передаваемому событийному содержанию (концепция автора), как относится к событийному содержанию адресат (концепция адресата). М.Ю. Федосюк вводит понятие «факторы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего» для установления соотношения высказывания с предшествующим и последующим текстом [Там же, с. 108].

Оказывая воздействие на адресата, адресат каузирует модификацию знаний, систему убеждений лица, состояний (эмоционального, информативного) с целью добиться определенного перлокутивного эффекта.

Рекламные тексты включают следующие аспекты: информативный, побудительный, оценочный, перформативный. Таким образом, рекламный текст представляет собой полиаспектное, полифункциональное, поликомпонентное образование, существующий и разрабатываемый для оказания максимального воздействия на эмоциональное состояние и разум адресата. В области рекламоведения выделяются три жанровые разновидности рекламных текстов: короткая реклама, представляющая собой товарный знак, фирменный стиль, слоган, фразу (малый жанр); рекламное объявление (средний жанр); рекламная статья (крупный жанр) [Шамсутдинова, 1992, с. 8].

Данное разделение одновременно отражает особенности восприятия рекламного сообщения. Короткая реклама привлекает к предмету рекламы и предложению. Объявление кроме этого предоставляет дополнительную, но достаточную информацию о предложении предмета рекламы. Рекламное объявление находится в фокусе нашего внимания, поскольку исторически предшествует всем другим видам жанров. Рекламное объявление выполняет следующие функции:

- 1) стимулирование сбыта продукции за счет обращения к потребителям;
- 2) оперативная информация об изменениях в сфере деятельности объекта рекламы;
- 3) формирование мнения;
- 4) создание специфического представления об объекте рекламы [Зирка, 2014, с. 37].

Рекламное объявление имеет особые внутрияжанровые разновидности, представленные на схеме 1.

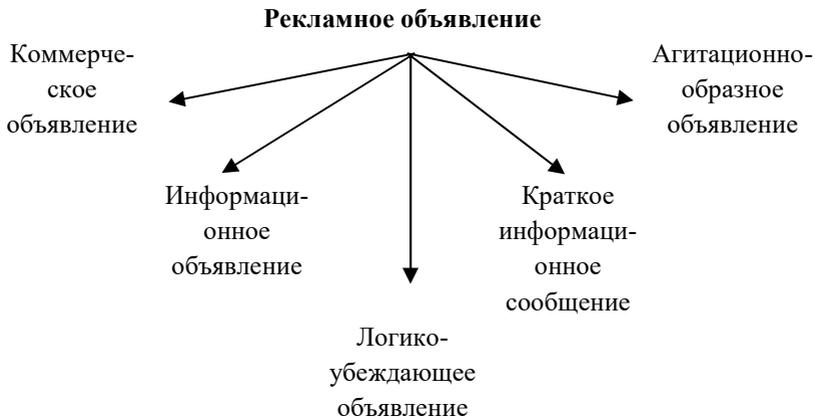

Схема 1. Жанровые разновидности рекламного объявления

В рекламном мигрантском дискурсе нас интересует информационная составляющая, включающая аспекты манипулятивного воздействия, иллюкутивной целью является информирование максимального количества мигрантов о работе, заработной плате, экзаменах, необходимости оформить документы и др.

Понятие «мигрантский дискурс» включает такие универсальные категории, как целостность и логичность (или развернутость и последовательность), связность, завершенность, социологичность и этническую составляющую.

Базовым социальным агентом мигрантского дискурса является «мигрант», который выделяется как новый вид потребителя в связи с увеличением количества мигрантов, обусловленного активными миграционными процессами. Мигранты становятся новой маркетинговой аудиторией для мобильных операторов, страховых фирм и банков.

«Мигрант» как лексема имеет следующий синонимический ряд: *переселенец, экспатриант, переведенец, перекочевщик, перешелец, иммигрант, уитлендер, спецпереселенец, невозвраще-*

нец, выходец, выселенец, эмигрант, иностранец, иноземец, чужестранец, иноплеменник, приезжий, колонист, чужак [СНС]. Электронные словари также фиксируют следующие синонимы: *заробитчанин, аллохтон, ассей, интурист, чужеземец, фирмач, фряг, фрязин, зарубежник, спидоносец, иноязычник, забугорник, этранже, гайдзинг, чужеродец, гринго, экспат, метек, басурман, гарип, заморянин, заморец, чужеплеменник, белоэмигрант, новоэмигрант, уезжант, перегрин, присталец, заезжий, нездеиный, пришлый, некоренной, инодальний, варяг, отщепенец, осадник, выведенец, выходник, репатриант, возвращенец, иссеи, беженец, нелегал, гастарбайтер, политэмигрант, беглец, инородец, маргинал, поселенец, пришлец, иногородний, чужанин, иноверец, ссыльный, заезженец, новоприбывший* [Зубарева, 2018а, с. 421]. Анализ рекламных объявлений показывает, что самым частотным словом является «мигрант».

Е.О. Зубарева разрабатывает модель номинативного поля концепта «мигрант», которое имеет следующую модель:

- ядро концепта: лексемы *иностранец, выходец, приезжий*;
- зона ближней периферии: *беглец, эмигрант, гастарбайтер, иммигрант, беженец, чужак*;
- зона средней периферии: *нелегал, заезжий, иногородний, переселенец, пришлый, поселенец, репатриант, чужеземец, гринго*;
- зона дальней периферии: *политэмигрант, иноземец, колонист, чужестранец, отщепенец, инородец, басурман, новоприбывший, экспат, интурист, гайдзин, фирмач, иноверец, невозвращенец, пришлец, заробитчанин, белоэмигрант, иноплеменник, выселенец, аллохтон, фряг, чужеродец* [Зубарева, 2018а, с. 422]

Мигранты – это новая целевая аудитория. По данным Росстата на территории России проживает 10 млн мигрантов. Это данные официальной статистики. По не официальным данным количест-

во увеличивается на миллионы (5-7 млн.). Это наши бывшие соотечественники по Советскому Союзу (Приложение, рис. 1).

Национальный состав мигрантов (согласно данным Росстата на 2018 год): Украина – 25,5 %, Казахстан – 12,2 %, Азербайджан – 11 %, Узбекистан – 10,9 %, Таджикистан – 10,8 %, Армения – 8 % и др.

Модель миграционного дискурса в целом представляет сложную структуру, включающую лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты, актуализируемые в различных жанрах.

В рекламном мигрантском дискурсе выделяются следующие жанры: объявления, опросные листы, брошюры, патент на работу, анкета, трудовой договор, листовки, буклеты, приглашения, бланки регистрации [см., например, о модели миграционного дискурса [Зубарева, 2019]].

С одной стороны, утверждается, что жанровые разновидности рекламы существуют, с другой – текстовые формы рекламного мигрантского дискурса еще не настолько общеприняты, бесспорны и специфичны, чтобы можно было говорить о жанрах в рассматриваемом дискурсе. Но в таком случае мы можем говорить о жанровой незрелости данного типа дискурса.

Мы предлагаем выделять в рекламном мигрантском дискурсе следующие модули:

Реклама образовательных услуг (в целях интеграции, языковой безопасности, языковой адаптации, социальной мобильности, культурной адаптации, минимизации мигрантофобии, минимизации языковой конфликтогенности, дискриминации).

Следующий очень важный модуль рекламного мигрантского дискурса связан со сферой потребления. Специалисты выделяют основные тренды в развитии рекламы через потребительскую призму. Мультиэкранный мир, конвергенция ТВ и Интернета, развитие мобильных технологий способствуют расширению це-

левой аудитории. Каждый третий пользователь потребляет видеоконтент с мобильных устройств, что приведет к развитию рекламы в мобильных приложениях. Конвергенция ТВ и Интернета привела к популярности смартТВ. Развитие e-commerce способствовало появлению он-лайн магазинов, которые создают офф-лайновые точки, а офф-лайновые магазины активно взялись за продвижение своих товаров в сети Интернет.

Обращает на себя внимание и тот факт, что резко увеличиваются предложения о работе для мигрантов именно в сфере Интернет-продаж.

В рекламе для мигрантов с целью привлечения внимания и расширения клиентской базы используются серии прагматических интенсификаторов, например, таких как:

бесплатно, дешевле:

Бесплатные курсы русского языка для трудовых мигрантов. Программа правительства Санкт-Петербурга «Толерантность». Петербург объединяет людей;

НОЧУ ДО «Школа иностранных языков» «АМВС». Экзамен по русскому языку для мигрантов. Дешевле. Быстрее всех; Бесплатные консультации для мигрантов;

на законных основаниях:

Оперативно! Легально! Доступно! Юридическая помощь мигрантам. Бесплатные консультации. Предоставление общезжитий. Защита в судах при закрытии въезда;

всего за 4 дня, за 1 день:

Документы мигрантам. Все за 4 дня. Экзамен на сертификат, страховое и полис. ДМС, нотариальный перевод, медицинский осмотр, налог и прописка (Приложение, рисунок 2);

всё, все, «Центр»:

Центр помощи мигрантам. Консультации по всем миграционным вопросам; Центр поддержки трудовых мигрантов ЕВРО-АЗИЯ.

Реклама образовательных услуг занимает особое место в мигрантском дискурсе. В вузах создаются миграционные отделы, центры, службы для оказания помощи мигрантам при подготовке к экзаменам:

Миграционный центр при гуманитарном университете. Экзамены по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ. Выдается сертификат государственного образца.

В немецком рекламном мигрантском дискурсе в качестве прагматических интенсификаторов выступают:

гражданство ЕС:

Мы строительная компания! Предложим стабильную работу профессиональным плиточникам в Бонне и Кельне. Мобильность и инструмент. Гражданство ЕС для проживания; Требуется хостес на ресепшн в гостиницу с проживанием. Мы рассматриваем только граждан ЕС и кандидатов с разрешением на работу в Германии. Работа в Германии от работодателя с проживанием и питанием. Требование: гражданство ЕС или разрешение на работу в Германии; Водитель-курьер. Вакансия бесплатная. Предложение только для граждан Евросоюза. На постоянную работу ищем водителей-курьеров. Устройствo на работу напрямую без посредников. Зарплата на руки или переводом на карту 15 числа каждого месяца; Ищем сиделку. Гражданство ЕС обязательно. Официальное оформление; Требуются сотрудники на строительные объекты. Работа на постоянной основе, наличие гражданства ЕС обязательно; Ищу любую работу. Молодой парень из Латвии, 25 лет. Ищу любую работу, желательно с жильем. Гражданство ЕС имеется. Город не имеет значения. Рассмотрю все варианты; Сварщик MIG, MAG с большим опытом более 15 лет. Говорю по-русски, живу в Эссен. Гражданство ЕС; на постоянную работу требуются. Предложение только для граждан Евросоюза (foren.germany).

знание немецкого языка:

Знание немецкого языка В1 и выше (foren. germanu).

быстро:

Предлагаю услуги по электрике домов, квартир. Имею Gewerbe, весь инструмент, авто. Работу выполняю аккуратно, быстро, несу ответственность за выполнение (foren. germanu).

только у нас:

Автомеханик. 2000 евро. В Германии только у нас зарабатывают более 2200 евро нетто в месяц без знания немецкого языка; Ищу делового партнера по продаже нанофильтров для очистки бассейнов и также для очистки питьевой воды в хозяйственной и рыбной промышленности. Это нано технология, конкурентов нет, только у нас есть этот патент (foren. germanu).

В рекламном мигрантском дискурсе вышеприведенные случаи функционирования прагматических интенсификаторов демонстрируют и факт манипулирования сознанием, для этого используются разноуровневые средства. Как правило, в качестве такого средства выступает лексика, содержащая в своем семантическом потенциале значение положительной эмоциональной модификации: *безвозмездно, бескорыстно, бесплатно, быстро, оперативно, устойчиво, постоянно, легально, доступно, защита, содействие, помощь, поддержка, стабильно.*

Анализ материала продемонстрировал наличие элементов скрытой рекламы образовательной организации, где проходит подготовка к сдаче экзаменов. Цель такой рекламы является в том числе и привлечение детей мигрантов для обучения в этом вузе, колледже.

Прагматические интенсификаторы «отдел», «служба», «центр», «миграционный центр», «сертификат государственного образца» выполняют наряду с информативной и манипулятивную функцию (Приложение, рисунки 4, 5, 7, 8).

Известно, что не всегда, а чаще и действительно это так, такие так называемые службы и отделы обманывают мигрантов, занимаются только сбором денежных средств и выдают фальшивые документы.

Рекламный мигрантский дискурс, как и, например, банковский рекламный дискурс и дискурс операторов сотовой связи, характеризуется алгоритмизированностью, регламентированностью, последовательностью шагов, предпринимаемых действий:

Как мигранты из СНГ получают работу в Москве с января 2015 г.

– *Обращаются за рабочим патентом в Многофункциональный миграционный центр.*

Для этого:

– *Сдают анализы на опасные заболевания, отпечатки пальцев.*

– *Экзамены на знание языка, истории и права России.*

– *Оплачивают полис ДМС, патент на работу (4 тыс. р./мес) (Приложение, рисунок 6)*

Деятельностная составляющая рекламного мигрантского дискурса включает: *обращаться (за рабочим патентом), оплачивать (полис, патент на работу), упростить (въезд), встать (на миграционный учет), предоставить (временное убежище), получить (субсидию, зарплату, право на регистрацию), претендовать (на рабочее место), сталкиваться (с проблемами), предоставить (сведения), встать (на учет), оформить (патент).*

В рекламном мигрантском дискурсе доминируют архетипы, актуализирующие уважительное, терпимое отношение к мигрантам:

Например, **ТОЛЕРАНТНОСТЬ:**

Программа Правительства Санкт-Петербурга «Толерантность»;

ДОСТУПНОСТЬ: *Доступно!: Без ограничений!*

СОДЕЙСТВИЕ, ПОМОЩЬ, ПОДДЕРЖКА: *Содействие в получении разрешения на работу; Помощь мигрантам. Тел....; Центр помощи мигрантам; Центр поддержки трудовых мигрантов;*

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: *Дом национальностей. Информационно-культурное мероприятие для мигрантов.*

По данным Федеральной службы государственной статистики, к 2030 г. количество мигрантов в России увеличится на 6 млн человек. При этом уровень потребления мигрантов в стране очень высок: по разным оценкам, от 50–65 % денег тратится именно в России. А современные технологии помогают рекламодателю найти контакт именно с тем клиентом, который ему нужен, а пользователям – получить рекламу, которая им интересна.

В числе основных трендов будущего года значатся: «Мультиэкранный мир: рост числа используемых устройств и возможность получать доступ к информации всегда и везде», «Мобильность 360: технологии, контент, потребление», «E-commerce на пороге наплыва покупателей-новичков».

Но традиционные формы продвижения рекламы сохраняются и играют важную роль в жизни мигрантов. Так, например, в Петербурге в общественном транспорте появилась новая социальная реклама для мигрантов **Хорошо говорить по-русски** (Приложение, рисунок 9). Данную информацию сообщила пресс-служба Комитета по транспорту правительства Санкт-Петербурга.

Сотрудники Горэлектротранса и Пассажиравтотранса разместили в салонах трамваев, автобусов и троллейбусов более 500 стикеров. В рамках социальной рекламы трудовые мигранты будут ознакомлены с проектом бесплатных курсов русского язык. Курсы организованы во всех районах города.

Существует реклама, согласно которой сами мигранты включаются в рекламный процесс, создают рекламу и зарабатывают деньги (Приложение, рисунок 10).

В рекламе для переселенцев отмечаются следующие информационные составляющие: *оказание гуманитарной помощи, юридические консультации, размещение:*

Информационный центр для переселенцев. День открытых дверей 11 октября с 10:00 по 12:00 ул. Плявас 3А. В течение дня будет возможность в неофициальной обстановке встретить представителей администрации ИЦИ, задать интересующие вопросы, получить бесплатные консультации и ответы на различные социальные и юридические вопросы о жизни в Латвии;

Поздние переселенцы. Облегченный въезд в Германию.

Сбор гуманитарной помощи для беженцев из Украины 26 июня с 9.30 до 11.00. Место назначения – Ростов-на-Дону.

Юридические консультации для внутренних перемещенных особ (переселенцев).

Наряду с мигрантским дискурсом существует понятие «антимигрантский дискурс». В Гамбурге появилась реклама детского сада Kita Rabenhorst, которая поразила некоторых родителей тем, что в изданной детским садом брошюре было написано: «Нашими услугами пользуется мало детей мигрантов» (“Hardly any Migrants”) [youtube.com] (Приложение, рисунки 11, 12).

Позже составители брошюры убрали одно предложение: «Мы удалили одно предложение, которое точно отражает тот факт, что в нашем детском саду совсем мало детей из семей мигрантов». Дополнительно к этому руководство детского сада подчеркнуло: «Мы руководствуемся принципом инклюзивности. Для нас не имеет значения, какие дети к нам ходят: немецкого происхождения или из семей мигрантов». При этом отмечается, что воспитанниками являются дети в основном из обеспеченных семей. Детский сад «без мигрантов» осудили в гер-

манском обществе, а руководство обвинили в нацизме, в отгораживании от проблем нуждающихся. В социальных сетях детский сад «без мигрантов» вызвал негативную реакцию. В одном из комментариев написано: «Гамбургская элита сама себя разоблачила детским садом «без мигрантов», в богатом районе им нет дела до общества» [rossarprimavera.ru, рис. 13].

В нашей стране может появиться реклама товаров с надписью «Без мигрантов», «Без использования труда мигранта», что соответствует заимствованию советского знака качества. Заявка на знак «Без использования труда мигранта», поданная в Роспатент компанией, созданной петербургским отделением партии «Родина», гласит: «В центре эмблемы расположена графическая композиция, представляющая собой натуралистическое изображение белого лебедя». Лебедь размещен на поверхности озера, «светло-синего цвета, контур которого, выполненный линией черного цвета, повторяет картографическое изображение России». Заявку на знак подала компания ООО «Интеллектуально-конструкторское бюро» (ИКБ) [РБК].

Иностранцам запрещено (согласно постановлению правительства РФ № 947 от 27 ноября 2010 г.) работать в розничной торговле вне магазинов; продавать алкогольные напитки, включая пиво; торговать лекарствами в аптеке и аптечных пунктах. Разрешено регистрироваться в качестве юридических и индивидуальных предпринимателей, трудиться подсобными рабочими, уборщиками, поварами, посудомойками на тех же рынках.

Таким образом, дискурсивное пространство миграционного взаимодействия отличается от прочих дискурсивных формаций существенным признаком: в мигрантском дискурсе в сферу общения вовлекается не отдельная говорящая или слушающая «личность», а говорящая и слушающая группа людей. Разработка моделей мигрантского и антимигрантского дискурсов может способствовать снижению конфликтности и речевой агрессии,

или, наоборот, их усилению, в зависимости от поставленных целей. Рекламный дискурс в данном случае выступает эффективным инструментом.

Список литературы

1. Зубарева Е.О. Языковая репрезентация концепта МИГРАЦИЯ // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме. Коллективная монография / Зубарева Е.О., Исаева Е.В., Иценко А.В., Костева В.М., Мощанская Е.Ю., Шустова С.В. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. С. 65–112.

2. Зубарева Е.О. Концепт «Мигрант» в миграционном дискурсе // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018, Т. 4, № 4. С. 29–41.

3. Зубарева Е.О. Номинативное поле концепта «мигрант» // Мир науки, культуры, образования. 2018а, № 4(71). С. 420–422.

4. Майборода Э.Т., Шульга М.М. Этнополитические противоречия и антимигрантский дискурс в южнороссийском макрорегионе // Конфликтология. 2014, № 5. С. 222–224.

5. РБК URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2013/12/13/56bfd789a7947299f72d84f> (дата обращения: 11.02.2019).

6. Цзян И., Оглезнева Е.А. Современная наружная реклама на русском языке в Северо-Восточном Китае: нарушение графической и орфографической нормы // Вестник Томского педагогического университета. 2016, № 7 (172). С. 124–129.

7. Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicieen und Galicierinnen in Argentinien. Austria: Forschung und Wissenschaft. Literatur und Sprachwissenschaft. B. 21. LiT Verlag. AG GmbH&Co.KG. Wien. 2018. 658 S.

8. Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Gunter Narr Verlag. Tübingen. 2004. 173 S.

Источники иллюстративного материала

9. Foren.germany.ru (дата обращения: май 2019).

10. Kita Rabenhorst – <https://www.youtube.com/watch?v=zgWtOzuvSuM> (дата обращения: 18.05.2019)

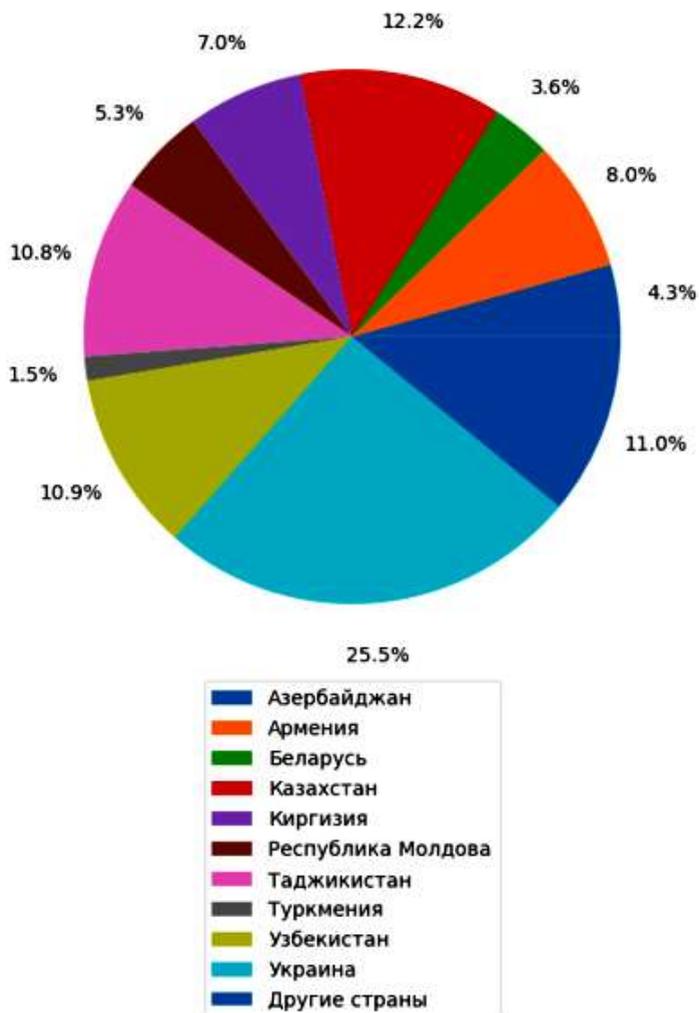

Рисунок 1. Процентное соотношение мигрантов в России (по данным Росстата на 2018 год)

Рисунок 4. Реклама юридического центра

(https://yandex.ru/images/search?text=реклама%20для%20мигрантов&pos=12&img_url=https%3A%2F%2Ficdn.lenta.ru%2Fimages%2F2014%2F07%2F09%2F19%2F20140709193128449%2Fdetail_851e8acd4ba20fd99255afed3a930f63.jpg&rpt=simage)

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЦЕНТР ТЕСТИРОВАНИЯ
ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН**

Лицензия №1995 от 15.03.2016

ЭКЗАМЕНЫ:

- ✓ ГРАЖДАНСТВО РФ
- ✓ РАЗРЕШЕНИЕ НА ВРЕМЕННОЕ ПРОЖИВАНИЕ
- ✓ ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО
- ✓ РАЗРЕШЕНИЕ НА РАБОТУ/ПАТЕНТ

г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62
 ☎ «Геологическая» | www.usue.ru | ПН–ПТ 9:00–17:00

(343) 221-26-20

Рисунок 5. Реклама центра тестирования

(https://yandex.ru/images/search?text=реклама%20для%20мигрантов&pos=19&img_url=https%3A%2F%2Fwww.usue.ru%2Fpublic%2Ffiles%2F%25D0%2594%25D0%25BE%25D0%25BA%25D1%2583%25D0%25BC%25D0%25B5%25D0%25BD%25D1%2582%25D1%258B%2520%25D0%25A3%25D1%2580%25D0%2593%25D0%25AD%25D0%25A3%2FDoc%2F%25D0%2591%25D0%2590%25D0%259D%25D0%259D%25D0%2595%25D0%25A0%25206000%25D1%25833000%2520%25D1%2586%25D1%2582_2018_2.jpg&rpt=simage)

ДОМ МИГРАНТА Мультифункциональный центр
«ДОМ МИГРАНТА»

Консультации юриста:

- Снятие запрета
- Получение РВП, ВыЖ, гражданства РФ
- Миграционное законодательство

+7 (925) 175 37 61
+7 (925) 128 15 35
+7 (926) 457 29 53

E-mail: dommigranta@kalinin.ms

Рисунок 8. Реклама юридической консультации

(https://yandex.ru/images/search?text=реклама%20для%20мигрантов&pos=52&p=1&img_url=https%3A%2F%2Fimg01.kupiproday.ru%2F062016%2F1466769190668.jpg&rpt=simage)

Рисунок 9. Реклама Санкт-Петербургского центра

(https://yandex.ru/images/search?text=хорошо%20говорить%20по-русски&pos=0&img_url=https%3A%2F%2Fg.delfi.ee%2Fimages%2Fpix%2F900x600%2FXWCAYxnbLKs%2Fimage-43111.jpg-65668928.jpg&rpt=simage)

Рисунок 10. Реклама мигрантов-репетиторов (facebook, коллега)

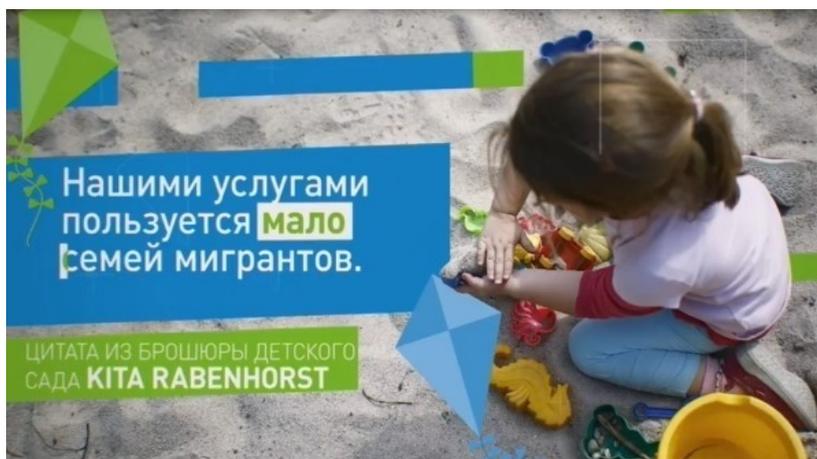

Рисунок 11. Реклама детского сада Kita Rabenhorst
 (<https://www.youtube.com/watch?v=zgWtOzuvSuM&t=1s>)

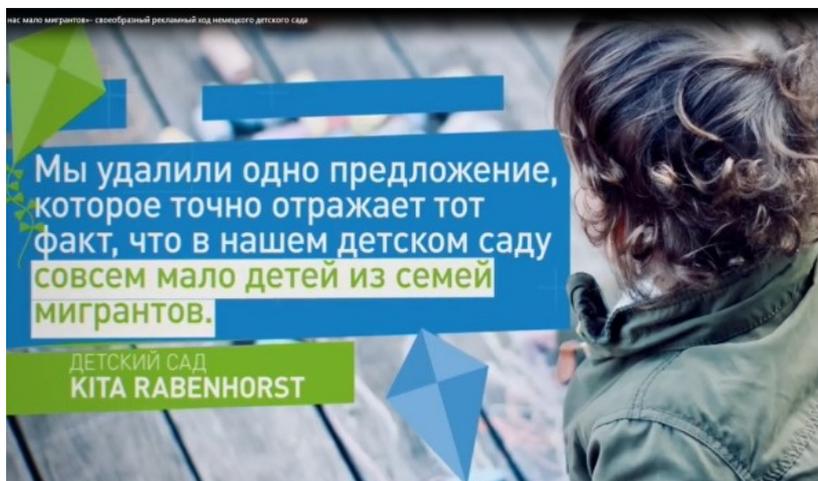

Рисунок 12. Реклама детского сада Kita Rabenhorst

(<https://www.youtube.com/watch?v=zgWtOzuwSuM&t=1s>)

Рисунок 13. Реклама детского сада Kita Rabenhorst

(<https://www.youtube.com/watch?v=zgWtOzuwSuM&t=1s>)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Желтухина М.Р. МИГРАЦИОННАЯ МЕДИАЛИНГВИСТИКА: КОНФЛИКТ VS КООПЕРАЦИЯ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	5
Исаева Е.В., Зубарева Е.О. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: В ПОИСКЕ НОВЫХ ИДЕЙ	22
Костева В.М. ДИСКУРСЫ МИГРАЦИИ В ЛИНГВИСТИКЕ	46
Черноусова А.С. О ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПЕРМСКУЮ ГОРОДСКУЮ СРЕДУ	53
Дружинина М.В. О РОЛИ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ УНИВЕРСИТЕТА В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	102
Шустова С.В. РЕКЛАМНЫЙ МИГРАНТСКИЙ И АНТИМИГРАНТСКИЙ ДИСКУРСЫ	157

Научное издание

Научный редактор доктор филологических наук,
профессор А. М. Аматов

**Миграционная лингвистика
в современной научной парадигме:
медиационные практики**

Монография

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка: *Л. Н. Голубцова*

Фото на обложке: *Пресс-центр ПГНИУ*

Подписано в печать 05.06.2019. Формат 60 x 84/16

Усл. печ. л. 10,46. Тираж 500 экз. Заказ № __.

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342)239-66-36

Отпечатано в ООО «Типограф»
Пермский край, г. Соликамск,
Соликамское шоссе, 17